

Кутшеба С.

Д-ръ СТАНИСЛАВЪ КУТШЕБА

ДОЦЕНТЪ ЯГАЙЛОНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

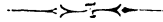
ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО

И

ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ПОЛЬШИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

ЯДВИГИ ПАШКОВИЧЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1907

AK 41A
K 215a

26584

ВСТУПЛЕНИЕ.

Недостатокъ въ руководствѣ, которое излагало бы исторію устройства польскаго государства, чувствуется уже давно. Современное общество не можетъ уже довольствоваться ни сочиненіями Ленглиха и Скжегускаго, написанными еще во время существованія польскаго государства, ни произведеніями Бандткэ, Гофмана и Поппе, предшествующими длинному ряду изслѣдованій и монографій, превосходно разъяснившихъ польскую исторію за послѣднія десятилѣтія. Изъ руководствъ польской исторіи, послѣднее—вполнѣ, между прочимъ, обнимающее и внутреннее развитіе государства—«Очеркъ Исторіи Польши» профессора Бобжинскаго, уже давно устарѣло, какъ написанное болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Другія же сочиненія, болѣе поздняго времени, трактуютъ этотъ предметъ поверхностно, какъ вопросъ второстепенный; если же и посвящаютъ ему больше мѣста, то даютъ намъ скорѣе сводъ свѣдѣній изъ этой области, чѣмъ выводы и взгляды на событія и на постепенное государствен-

ное развитіе. Причину того, что несмотря на явную потребность польская наука не объединила до сихъ поръ всей исторіи государственнаго строя, слѣдуетъ искать въ весьма важныхъ препятствіяхъ.

Руководство должно основываться на подготовительныхъ монографическихъ трудахъ. Но хотя число такихъ произведеній, иногда даже вполне совершенныхъ, теперь весьма значительно, однако длинный рядъ вопросовъ первостепеннаго значенія остается необработаннымъ и даже для весьма важныхъ положеній (какъ напримѣръ развитіе общественнаго строя) нѣтъ вовсе общепринятой теоріи. Въ этихъ осложненіяхъ я отлично отдавалъ себѣ отчетъ, собираясь печатать этотъ короткій очеркъ. Тому, что я, несмотря на эти осложненія, на бросилъ своего труда, пусть будетъ оправданіемъ огромная и сильно ощущаемая потребность въ такомъ очеркѣ, и неизвѣстность—какъ долго пришлось бы ждать, пока монографическія изслѣдованія обнимутъ всѣ неясные до сихъ поръ вопросы польской исторіи. Быть можетъ, моя попытка послужить кому-нибудь другому, болѣе даровитому человѣку, поводомъ къ новой обработкѣ предмета, къ исправленію тѣхъ ошибокъ, которыя найдутся въ моемъ очеркѣ. Въ своемъ изложеніи я руководился двумя принципами: дать полное и равномѣрное цѣлое, и, по мѣрѣ возможности, изложить лишь то, что теперь уже принято и подтверждено наукой.

Для достиженія первой цѣли, я стремился основательно обработать всѣ тѣ вопросы, которые до сихъ поръ были недостаточно изслѣдованы. Очевидно, я

даю лишь результаты своихъ изслѣдованій. Чтобы какъ можно меньше говорить о вопросахъ, недостаточно разработанныхъ, я старался изобразить лишь главныя ихъ черты, въ самой сжатой формѣ. Отсюда этотъ небольшой размѣръ книжки сравнительно съ обширностью предмета. Впрочемъ, цѣлый рядъ взглядовъ, часто принципиальнаго значенія, принадлежитъ мнѣ лично, но это было неизбежно. Исторія внутренняго строя не можетъ быть только слѣпкомъ фактическихъ свѣдѣній, она должна изображать развитіе науки и ея формъ, должна пояснять это развитіе. Я старался въ этомъ отношеніи, по мѣрѣ силъ, заполнить замѣтный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. Не мнѣ судить на сколько я исполнилъ эту задачу.

Авторъ.

Краковъ,
мартъ 1905 года.

ПРЕДѢЛЫ И ПОДРАЗДѢЛЕНІЕ ПРЕДМЕТА.

Исторія строя Польши обнимаетъ вопросы общественнаго и государственнаго устройства Польши съ момента основанія государства до его паденія, т. е. съ половины X-го столѣтія до 1795 года. Въ теченіе этого времени строй этотъ подвергается многимъ перемѣнамъ, такъ что для болѣе яснаго представленія этой исторіи необходимо подраздѣлить ее на извѣстные періоды. Основой подраздѣленія будетъ служить разница между періодами, придающая имъ характерныя черты. Но такъ какъ перемѣны въ строѣ происходятъ обыкновенно не вдругъ и не всегда совпадаютъ относительно различныхъ областей общественной или государственной жизни, то и невозможно точное разграничиваніе періодовъ годами, а нужно намѣтить ихъ болѣе общими границами.

Принимая во вниманіе наиболѣе характерныя черты эпохъ въ исторіи строя Польши, ее можно

раздѣлить на пять періодовъ, изъ которыхъ послѣдній представляетъ изъ себя собственно лишь начало эпохи, прерванной паденіемъ государства. Въ началѣ можно помѣстить вступительный періодъ отношеній господствовавшихъ до возникновенія собственно Польскаго государства, что лучше выясняетъ дальнѣйшее его развитіе.

Періоды эти слѣдующіе:

1) Періодъ вступительный: до половины X-го вѣка, т. е. до возникновенія Польскаго государства. Это—эпоха народной организаціи.

2) I періодъ княжескаго права, до изданія первыхъ привилегій въ пользу общества въ концѣ XII-го вѣка.

3) II періодъ—общественной организаціи до смерти Казимира Великаго (1370 г.) и Кошицкой привилегіи (1374 г.).

4) III періодъ—сословный, до Люблинской уніи (1569 г.) и перваго безкоролья (1572 г.).

5) IV періодъ—шляхетской республики—до реформъ, начатыхъ во время послѣдняго безкоролья (1764 г.).

6) V періодъ—реформъ, прерванныхъ паденіемъ государства въ 1795 году.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОДЪ.

Періодъ этотъ заключаетъ въ себѣ времена отъ поселенія польскихъ племенъ по рѣкамъ Висла, Одеръ и Варта, до возникновенія Польскаго государства, а именно, приблизительно, до половины X-го вѣка.

**Родовой
строй.** Характерной чертой этой эпохи является отсутствіе государственной власти. Основой организаціи служитъ исключительно родъ, т. е. союзъ лицъ, связанныхъ родствомъ, происхожденіемъ отъ одного праотца, иногда мифическаго. Организація этихъ родовъ въ точности неизвѣстна: то, что о нихъ можно сказать, опирается главнымъ образомъ на аналогію съ внутреннимъ строемъ другихъ народовъ, въ особенности ближайшихъ, славянскихъ, отчасти же, на выводахъ изслѣдованія общественныхъ и правовыхъ учрежденій, выступающихъ въ слѣдующей эпохѣ уже какъ остатки отжившихъ бытовыхъ формъ, прежде сильно развитыхъ. На такихъ основаніяхъ, очевидно, нельзя слишкомъ смѣло

THE HOOVER LIBRARY
ON
WAR, REVOLUTION, AND PEACE

STANFORD LIBRARY

Д-ръ СТАНИСЛАВЪ КУТШЕВА
ДОЦЕНТЪ ЯГАЙЛОНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО

И

ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ПОЛЬШИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

ЯДВИГИ ПАШКОВИЧЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

Кутшева. С.

Д-ръ Станиславъ Кутшева

ДОЦЕНТЪ ЯГАЙЛОНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

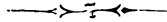
ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО

И

ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ПОЛЬШИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

ЯДВИГИ ПАШКОВИЧЪ

SA

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1907

41A

75a

26584

Типографія А. С. Суворина. Зртелсвъ пер., д. 13

ВСТУПЛЕНИЕ.

Недостатокъ въ руководствѣ, которое излагало бы исторію устройства польскаго государства, чувствуется уже давно. Современное общество не можетъ уже довольствоваться ни сочиненіями Ленглиха и Сжжету-скаго, написанными еще во время существованія польскаго государства, ни произведеніями Бандткэ, Гофмана и Поппе, предшествующими длинному ряду исследований и монографій, превосходно разъяснившихъ польскую исторію за послѣднія десятилѣтія. Изъ руководствъ польской исторіи, послѣднее—вполнѣ, между прочимъ, обнимающее и внутреннее развитіе государства—«Очеркъ Исторіи Польши» профессора Бобжинскаго, уже давно устарѣло, какъ написанное болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Другія же сочиненія, болѣе поздняго времени, трактуютъ этотъ предметъ поверхностно, какъ вопросъ второстепенный; если же и посвящаютъ ему больше мѣста, то даютъ намъ скорѣе сводъ свѣдѣній изъ этой области, чѣмъ выводы и взгляды на событія и на постепенное государствен-

ное развитіе. Причину того, что несмотря на явную потребность польская наука не объединила до сихъ поръ всей исторіи государственнаго строя, слѣдуетъ искать въ весьма важныхъ препятствіяхъ.

Руководство должно основываться на подготовительныхъ монографическихъ трудахъ. Но хотя число такихъ произведеній, иногда даже вполне совершенныхъ, теперь весьма значительно, однако длинный рядъ вопросовъ первостепеннаго значенія остается необработаннымъ и даже для весьма важныхъ положеній (какъ напримѣръ развитіе общественнаго строя) нѣтъ вовсе общепринятой теоріи. Въ этихъ осложненіяхъ я отлично отдавалъ себѣ отчетъ, собираясь печатать этотъ короткій очеркъ. Тому, что я, несмотря на эти осложненія, на бросилъ своего труда, пусть будетъ оправданіемъ огромная и сильно ощущаемая потребность въ такомъ очеркѣ, и неизвѣстность—какъ долго пришлось бы ждать, пока монографическія изслѣдованія обнимутъ всѣ неясные до сихъ поръ вопросы польской исторіи. Быть можетъ, моя попытка послужить кому-нибудь другому, болѣе даровитому человѣку, поводомъ къ новой обработкѣ предмета, къ исправленію тѣхъ ошибокъ, которыя найдутся въ моемъ очеркѣ. Въ своемъ изложеніи я руководился двумя принципами: дать полное и равномѣрное цѣлое, и, по мѣрѣ возможности, изложить лишь то, что теперь уже принято и подтверждено наукой.

Для достиженія первой цѣли, я стремился основательно обработать всѣ тѣ вопросы, которые до сихъ поръ были недостаточно изслѣдованы. Очевидно, я

даю лишь результаты своихъ изслѣдованій. Чтобы какъ можно меньше говорить о вопросахъ, недостаточно разработанныхъ, я старался изобразить лишь главныя ихъ черты, въ самой сжатой формѣ. Отсюда этотъ небольшой размѣръ книжки сравнительно съ обширностью предмета. Впрочемъ, цѣлый рядъ взглядовъ, часто принципиальнаго значенія, принадлежитъ мнѣ лично, но это было неизбежно. Исторія внутренняго строя не можетъ быть только слѣпкомъ фактическихъ свѣдѣній, она должна изображать развитіе науки и ея формъ, должна пояснять это развитіе. Я старался въ этомъ отношеніи, по мѣрѣ силъ, заполнить замѣтный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. Не мнѣ судить на сколько я исполнилъ эту задачу.

Авторъ.

Краковъ,
мартъ 1905 года.

изображать этотъ первобытный строй. Можно лишь утверждать, что и здѣсь, какъ и всюду, во главѣ каждаго рода стоялъ начальникъ, называемый безусловно—старостой, которымъ могъ и не быть обязательно старшій членъ рода. Власть старосты переходила различнымъ образомъ къ его наслѣдникамъ, быть можетъ чаще всего путемъ назначенія послѣдняго уступающимъ старостой; но иногда дѣло рѣшалось посредствомъ выборовъ. Старосты стремились къ тому, чтобы удержать эту должность въ своей семьѣ, т. е. сдѣлать ее наслѣдственной, что по всей вѣроятности часто имъ и удавалось. Родомъ управляетъ староста. Онъ отдаетъ приказы, ему должны повиноваться всѣ члены рода. Важнѣйшіе вопросы рѣшаетъ «родовое вѣче». Земля, заселяемая родомъ, составляетъ собственность всего рода; староста назначаетъ участки для воздѣлыванія каждому отдѣльному члену рода; онъ же завѣдываетъ сборами и запасами. Но уже и въ этой эпохѣ существуетъ личная собственность относительно движимости, а именно—хозяйственныхъ орудій. Возможно, что, какъ и у другихъ славянскихъ народовъ, родъ жилъ иногда вмѣстѣ, образуя огромныя общія усадьбы, такъ называемыя «общины», или «задруги»—по выраженію, заимствованному изъ строя южныхъ славянъ, удержавшемуся тамъ донынѣ.

Въ Польшѣ названіе «задруги» не употреблялось, и вообще вопросъ объ ея существованіи не выясненъ. Съ внѣшней стороны, родъ по отношенію къ другимъ родамъ представляетъ изъ себя какъ бы маленькое государство. Въ случаѣ, если одинъ родъ

обидить другой и не хочет добровольно вознаградить за обиду, между ними доходитъ до столкновения, имѣющаго цѣлью возмездіе за оскорбленіе. Это встрѣчается въ особенности, въ случаѣ убійства, или пораненія члена рода, и тогда родовая борьба носитъ названіе «кровавой мести». Солидарный родъ смотритъ на оскорбленіе каждаго его члена, какъ на обиду цѣлаго рода. Такая война оканчивается иногда, или даже предотвращается путемъ мирныхъ переговоровъ между заинтересованными родами. Родъ, нанесшій другому обиду, вознаграждаетъ ее посредствомъ выкупа. Если дѣло въ убійствѣ—то выкупъ такой называется «уголовщиной», т. е. штрафомъ «за голову»; при ранахъ, увѣчьяхъ и т. д.—«навязкой».

Племена. Понятіемъ выше рода—является племя. Племя состоитъ изъ ряда родовъ, находящихся близко другъ отъ друга въ этнографическомъ отношеніи. Такъ, на мѣстѣ будущей Польши, встрѣчаемъ по верхнему и среднему теченію Одера племя Силезянъ, на Вартѣ—Полянъ, на востокѣ отъ нихъ — Куявянъ, надъ озеромъ Гопло, нѣсколько южнѣ, Ленчицянъ и Серадзцевъ. Верхнюю Вислу населяло племя Вислянъ, раздѣлившееся на двѣ части: одну—около Кракова и другую—кругомъ Вислицы. Берега Вислы, по ея среднему теченію, заняли Мазуры, которые, поселившись первоначально только на правомъ берегу Вислы, стали постепенно заселять и лѣвый.—Но тѣсныхъ и прочныхъ отношеній между отдѣльными родами, принадлежащими даже къ одному племени, еще не было. Отъ времени до времени роды

соединялись, чаще всего для отраженія общаго врага. Въ случаѣ такого союза они выбирали себѣ (т. е. вѣроятно, начальники родовъ, старосты) общаго предводителя, но это лишь на время опасности, преимущественно для одного похода. Такіе временные начальники старались однако въ послѣдствіи удержать свою власть пожизненно, или даже, по возможности, пробовали передать ее дѣтямъ, сдѣлать ее наслѣдственной. Иногда это имъ удавалось. Извѣстно, что въ IX в. у Вислянъ былъ ихъ собственный князь. Но до половины X-го вѣка ни одинъ изъ этихъ князей не достигъ большого значенія, не основалъ болѣе прочнаго государства; это удалось лишь Пястамъ, которые приблизительно въ половинѣ X-го вѣка, а можетъ быть немного раньше, утвердили свою княжескую власть надъ племенемъ Полянъ и такимъ образомъ положили начало возникновенію Польскаго государства.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

Начинается этотъ періодъ въ половинѣ X-го вѣка, когда подъ властью Пястовъ возникаетъ прочная уже, хотя еще не особенно обширная и сильная государственная организація—Польское государство. Эпоху эту можно назвать періодомъ княжескаго права. Отличительной его чертой является усиленіе княжеской власти. Князья расширяютъ тѣсныя первоначально границы своего государства, и не только объединяютъ всѣ польскія племена, но даже, хотя только на время, подчиняютъ себѣ сосѣднія страны, а именно сѣверную Венгрію, Чехію, Мишню и Лужицы, Поморье и Красныя Гроды. Съ внутренней стороны власть князей растетъ въ ущербъ родовому строю. Постепенно образуются въ обществѣ отдѣльные слои, но рѣзче выдѣляться они еще не могутъ, такъ какъ надъ ними тяготѣетъ власть князя—княжеское право, какъ тогда говорили. Длится этотъ періодъ до появленія первыхъ привилегій, изданныхъ князьями, т. е. до конца XII-го столѣтія.

Общественный строй Польши подвергается въ теченіе этой эпохи весьма медленной, но глубокой перемѣнѣ. Пока держалась въ полной силѣ родовая организація, въ обществѣ отличали только свободныхъ и несвободныхъ. Кто входилъ въ составъ рода, и кого, слѣдовательно, родъ защищалъ, тотъ былъ свободнымъ. Несвободными же считались военно-плѣнные, иногда купленные, особенно съ Востока, несостоятельные должники и пр. Несвободными признавались также всѣ, родившіеся дѣтьми невольниковъ.

Но въ продолженіи этой эпохи роды начинаютъ распадаться. На это вліяло съ одной стороны стремленіе членовъ рода—порвать родовые узы, стремленіе, встрѣчаемое всюду, гдѣ существовалъ родъ; съ другой же—дѣятельность князя, поддерживающаго такое разрушеніе сильныхъ родовъ, ибо послѣдніе, находясь подъ властью своихъ старѣйшинъ, черезчуръ стѣсняли власть князя, которую онъ стремился расширить все болѣе и болѣе.

Сознаніе родовой зависимости, правда, продолжало существовать, но ослабѣвало. Родовое имущество подвергалось дѣлежу, возникала личная собственность. Слѣды этой организаціи долго еще держались въ обязанности кровавой мести и въ правѣ на имущество родныхъ.

Вслѣдствіе паденія родовъ стали возникать значительныя разницы въ имуществѣ, даже между членами одного рода. Нерѣдко при дѣлежѣ родового имущества одни получали больше другихъ, въ

зависимости отъ ихъ значенія въ родѣ, или отъ болѣе или менѣе сильнаго размноженія данной линіи. Также и служба подъ властью князя—при дворѣ, въ администраціи страны, или на войнѣ, содѣйствовала тому, чтобы подняться выше, добиться большаго значенія. Такимъ образомъ, понемногу начинаетъ возникать отдѣльный слой общества, называемый по-латыни «nobiles»—благородными. Иначе ихъ можно опредѣлить, какъ вельможъ. Это не былъ вовсе какойнибудь замкнутый классъ: къ нему постоянно примыкаютъ новые члены, не одинъ также терялъ свое значеніе, обѣднѣвъ, или-же попавъ въ немилость князя.

Вотъ одна изъ основъ возникновенія дворянства, хотя въ тѣ времена о немъ еще не было и рѣчи.

Дружина. Къ этому естественному разьединенію общества, образованію слоевъ, хотя еще законно не обособленныхъ, присоединяется и другой факторъ, который, дѣйствуя наряду съ первымъ, дополняя его, способствовалъ къ образованію со временемъ—дворянства. Факторъ этотъ—военная служба и связанная съ нею раздача земель. Первоначально, въ случаѣ надобности, къ войнѣ призывали цѣлый родъ, т. е. всѣхъ его мужскихъ членовъ. Однако, по мѣрѣ утвержденія княжеской власти, этимъ перестали удовлетворяться. Родъ все неохотнѣе по призыву князя принимался за оружіе; князь, въ свою очередь, такъ-же неохотно обращался за военной силой къ родамъ, такъ какъ подобное требованіе поддержки вліяло на усиленіе значенія рода, чему князь всегда старался противодѣйствовать. Князь ищетъ другихъ формъ,

создаетъ новыя учрежденія, которыя позволили бы ему обойтись безъ посторонней помощи. Возникаетъ дружина. Мы встрѣчаемъ ее при Мешкѣ I и Болеславѣ Храбромъ. Въ составъ дружины входили главнымъ образомъ,—но не исключительно,—люди молодые, бросившіе свой родъ и примкнувшіе къ князю, предложивъ ему свои услуги. Они образовали постоянную вооруженную свиту, подчиненную единственно волѣ князя. Князь размѣщаль ихъ по «городамъ», т. е. укрѣпленнымъ пунктамъ, какъ то: Познань, Крушвица, Гѣчь и др., и могъ во всякое время призвать ихъ къ войнѣ; зато онъ кормилъ ихъ, одѣвалъ, вооружалъ, щедро награждалъ, давалъ приданое ихъ дочерямъ, одарялъ ихъ сыновей. Не велика была эта дружина—вѣроятно, нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ, но зато зависимая не отъ родовъ, а отъ одного князя и ему исключительно подчиненная.

Послѣ Болеслава Храбраго учрежденіе это, должно быть, исчезло, такъ какъ слѣды его совершенно пропадаютъ. Очевидно дружина распалась, и не могла не распасться, будучи лишь переходной формой въ первобытномъ періодѣ основанія государства.

На ряду съ дружиной, еще вѣроятно во время ея существованія, возникаетъ новое учрежденіе, на которомъ впоследствии долго держалась обязанность военной службы. Князья начинаютъ раздавать землю, которой у нихъ очень много, такъ какъ имъ принадлежатъ всѣ незанятые пространства и всѣ невольники (главнымъ образомъ военно-плѣнные), которыми можно было за-

Рыцарская повинность.

селить эти земли. Помѣстья раздаются князьями не въ полную собственность, а въ формѣ «*jure militari*»—по рыцарскому праву. Кто получалъ отъ князя участокъ земли, тотъ обязанъ былъ служить въ княжескомъ войскѣ, готовый на каждый призывъ князя, такъ какъ земля дана ему только подъ условіемъ военной службы. Кромѣ того, помѣстья эти были обременены цѣлымъ рядомъ повинностей въ пользу князя, названныхъ «княжескимъ правомъ», а именно: обязательная охрана, обязанность снабжать князя и его чиновниковъ, а также и прислугу подводами, загромождать лѣсные пути въ случаѣ нападенія враговъ (засѣка), ремонтъ городовъ, мостовъ и пр. и кромѣ того нѣкоторая натуральная дань, въ видѣ скота («нарѣзъ»—на рѣзню) и хлѣба (осыпь), опредѣляемая въ зависимости отъ способа сбора («подворное»—со двора, или «ополье»—по количеству полей), а въ исключительныхъ обстоятельствахъ и денежная подать.

Обремененную такимъ образомъ землю получалъ тотъ, кто обязывался нести военную повинность. Гражданинъ, входившій въ подобныя отношенія съ княземъ, назывался «*miles*», въ переводѣ,—вѣроятно,—«вой», или «витязь»; это было нѣчто въ родѣ феодальныхъ отношеній, хотя несовсѣмъ. Землю получалъ вой лишь на столько времени, на сколько желалъ князь, хотя вскорѣ утвердилось положеніе о пожизненномъ владѣніи. Очевидно, надѣлы эти были различны по величинѣ и достоинству. Въ зависимости отъ милости князя, одни получали нѣсколько или больше деревень, другіе—маленькій участокъ. Осо-

бенно, на окраинахъ государства, которымъ угрожали частыя нападенія, князья поселяли множество такихъ воевъ на небольшихъ помѣстьяхъ.

Въ теченіе того же періода, въ отношеніяхъ воевъ къ землѣ совершаются нѣкоторыя крупныя перемѣны. Начинаетъ проявляться стремленіе превратить земли, полученныя по рыцарскому праву, въ наследственныя, дабы послѣ отца могли владѣть ими сыновья и внуки. Постепенно, въ продолженіи этой эпохи, вои проводятъ въ жизнь принципъ наследственности. Теперь положеніе ихъ укрѣпляется, какъ по отношенію къ другимъ классамъ населенія, такъ и къ князю; они выдѣляются изъ общества и понемногу понятія «nobiles» и «miles» все болѣе сливаются. Почти каждый состоятельный обыватель вступаетъ въ отношенія воя къ князю; князь же въ свою очередь изъ среды «miles» выбираетъ своихъ чиновниковъ. Но въ эту эпоху понятія эти еще не тождественны: у каждаго изъ нихъ есть свое особое значеніе.

Свободные и несвободные. Такимъ путемъ нѣкоторыя семейства среди общества поднимаются вверхъ, другія, экономически болѣе слабыя, лишеныя опоры со стороны гибнущихъ родовъ, опускаются все ниже и ниже. — Процессъ этотъ развивается весьма медленно и длится цѣлыя столѣтія; онъ не оканчивается вмѣстѣ съ этой эпохой и существуетъ еще долгое время. Постепенно исчезаютъ свободные люди, сидящіе на своей собственной землѣ; не будучи въ силахъ самостоятельно поддержать свое существованіе, они начинаютъ переселяться въ чужія владѣнія, церковныя или кня-

жескія, такъ что уже въ XII вѣкѣ опредѣленіе «свободный» (*liber*) начинаетъ относиться къ людямъ только лично свободнымъ, но обрабатывающимъ чужую землю. Постепенно условія экономическаго состоянія свободныхъ и несвободныхъ уравниваются. Начинаетъ выработываться особый общественный слой «зависимыхъ людей», хотя сильнѣе обрисовывается онъ только въ слѣдующемъ періодѣ.

Различіе въ положеніи несвободныхъ, число которыхъ, благодаря частымъ войнамъ, постоянно увеличивается, было весьма значительно, что постепенно и повліяло на законное понятіе объ ихъ зависимости: часть оставалась на постоянной службѣ у своихъ господъ, что ухудшало ихъ положеніе и порождало ихъ большую зависимость; но и среди этихъ послѣднихъ, нѣкоторые, находясь въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ помѣщику, въ особенности, если послѣдній былъ знатной личностью—епископомъ или вельможей,—со временемъ поднимались выше и даже иногда переходили въ разрядъ «*milites*». Большею свободой пользовались тѣ, которымъ выдѣлялся участокъ земли. Въ XII-мъ вѣкѣ ихъ стали называть приписными, т. е. связанными съ землей «*glebae adscripti*»;—однако, это не значило, чтобы нельзя было тронуть ихъ съ мѣста. Помѣщикъ могъ каждую минуту переселить ихъ въ другое мѣсто, даже безъ земли, подарить ихъ, или продать. Они были обязаны отдавать господину часть своего сбора и дѣлать все, что онъ имъ прикажетъ.

Положеніе свободныхъ, осѣдлыхъ на чужой землѣ, рядомъ съ несвободными, хотя экономически и похо-

жее, было настолько лучше, что зависѣло отъ уговора о количествѣ оброка; подати ихъ также были опредѣлены. Несвободные же, которые не могли покинуть землю помѣщика и отъ него всецѣло зависѣли, очевидно, принуждены были давать, сколько онъ потребуетъ. Защищаль ихъ единственно обычай и то обстоятельство, что хозяину угрожало, въ случаѣ чрезмѣрнаго обремененія своихъ подданныхъ, ихъ бѣгство. Съ этимъ онъ долженъ былъ считаться. Но въ общемъ судьба какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ, была плачевна, не по причинѣ законныхъ ограниченій, такъ какъ послѣднія на практикѣ не были чрезмерно жестоки, но потому, что дурное состояніе земледѣлія и недостатокъ орудій заставляли ихъ переживать очень трудныя времена, въ случаяхъ неурожая, или другого бѣствія.

Государственный строй. Стрѣй государства развивается въ теченіе этой эпохи въ смыслѣ усиленія княжеской власти, которая, въ свою очередь, начинаетъ проводить организацію государства, создаетъ должности и пр. Съ внѣшней стороны Польша при Мешкѣ I попадаетъ въ зависимость отъ германскаго императора. Мешко I засвидѣтельствовалъ послѣднему свою покорность уже въ 963 г. — Отношеніе это длится до конца XII-го вѣка и представляетъ изъ себя относительно формы феодальную связь. Правители Польши обязаны снабжать императора военной силой, являться по приказу, при дворѣ, и даже иногда платить трибутъ. Суть же этой связи заключалась въ простой зависимости, проявляю-

щейся тогда, когда германскій государь имѣлъ достаточно силъ, чтобы принудить Польшу признать за нимъ права, на которыя онъ предъявлялъ притязанія въ силу распространеннаго тогда пониманія императорской власти, какъ господствующей надъ всѣмъ міромъ. Понятно, связь эта нарушалась весьма часто, какъ только Польша чувствовала себя въ состояннн вести войну съ Германіей, или же, когда внутреннія отношенія германскаго государства не позволяли императору поддерживать свои притязанія силой. Польскіе князья, въ теченіе этого періода, принимаютъ неоднократно королевскій титулъ (Болеславъ Храбрый 1024, Мешко II 1025, Болеславъ Смѣлый 1072 г.), который главнымъ образомъ и противорѣчилъ притязаніямъ германскаго императора и былъ внѣшнимъ выраженіемъ независимостя отъ имперіи.

Съ цѣлью ослабить значеніе этой зависимости отъ германскаго императора, уже Мешко I ищетъ сближенія съ Римомъ и приблизительно около 985—992 г. отдаетъ Польшу на основаннн такъ называемаго «Дарственнаго акта» подъ защиту апостольской столицы. Это было нѣкоторое покровительственное отношеніе, въ доказательство чего польскіе правители платятъ въ пользу римскаго Папы ежегодную дань, которую позднѣе (кажется въ теченіе XII-го и XIII-го вѣка) замѣнили податью, обязательною для всѣхъ жителей и называемою лептой Св. Петра. Итакъ, Польша, находясь подъ протекціей Папы, была ему «непосредственно подчинена» (*immediate subiecta*),—т. е. помимо германской имперіи. — И эта связь неоднократно расторгалась, въ особенности вслѣдствіе болѣе сильнаго на-

пора со стороны императора, но всегда возстановлялась, преимущественно при случаяхъ коронаціи.

Лепту Сп. Петра платитъ Польша съ XII-го вѣка постоянно, такъ что обязанность эта составляетъ характерную черту, отличающую польскія земли отъ сосѣднихъ.

Княжеская власть. Что касается власти князей внутри государства, то зависимость Польши отъ императора, или Папы, ничуть на эту власть не вліяла. Не вліяло на нее и то, какой титулъ — княжескій или королевскій носить государь. Такъ называемая Гнѣзненская Коронація 1000 года имѣла лишь то значеніе, что давала польскому государю право назначать епископовъ, которымъ могли пользоваться лишь короли. Въ этомъ отношеніи съ 1000 г. польскій князь сравнился съ другими королями, хотя это не была собственно коронація, такъ какъ короновать королей имѣлъ право одинъ Папа римскій, а не Императоръ.

Съ внутренней стороны князь или король является самодержавнымъ монархомъ. Первоначально власть эту ограничивали роды; по мѣрѣ ихъ распаденія, власть Пястовъ росла, и въ моментъ появленія Польши на историческомъ горизонтѣ является уже наследственной; однако, она наследственна въ родѣ Пястовъ только по мужской линіи. Женщины совершенно устранены отъ правленія, — ни онѣ, ни ихъ потомки не имѣютъ права на престолъ. Послѣ отца получаютъ власть сыновья, затѣмъ внуки, и этого права никто у нихъ отнять не можетъ.

На государство Пясты смотрятъ, какъ на свою личную собственность, и дѣлятъ его между своими потомками, какъ обыкновенное частное имѣніе.

Единственно отъ воли умирающаго государя зависитъ распредѣленіе удѣловъ и ихъ величина. Онъ можетъ одному сыну (не обязательно старшему) — дать больше, нежели другому; но сыновей въ пользу внуковъ обойти не можетъ. Въ случаѣ отсутствія мужскихъ потомковъ, право на корону имѣютъ всѣ мужскіе родственники, не смотря на степень ихъ родства; послѣднее обстоятельство, слѣдуя польскимъ законамъ, при полученіи наслѣдства не играло никакой роли; кто среди этихъ мужскихъ родственниковъ (право ихъ опредѣляется какъ ипотечное) случайно получитъ наслѣдство, зависитъ лишь отъ воли умирающаго владѣтеля. Онъ назначаетъ наслѣдника и можетъ выбрать его только среди мужскихъ членовъ семьи, но кого выбрать — это отъ него зависитъ. Такимъ образомъ, онъ можетъ передать все государство какому нибудь дальнему родственнику, помимо болѣе близкихъ, можетъ также раздѣлить это государство между нѣсколькими. Вотъ почему въ эту эпоху Польша постоянно подвергалась раздѣламъ, — но, благодаря стеченію обстоятельствъ, раздѣлы эти были непродолжительны: чаще всего, одинъ изъ совладѣльцевъ изгонялъ остальныхъ и восстанавливалъ единодержавіе. Раздѣлъ Польши въ 1139 г. не былъ первымъ, и отличался отъ предшествующихъ лишь тѣмъ, что удержался дольше, и что Болеславъ Кривоустый ввелъ тогда новое учрежденіе, — такъ называемый сеніоратъ.

Сеніоратъ. Собственно говоря, и это учрежденіе не было совершенно новымъ. И раньше, при предшествующихъ раздѣлахъ одинъ изъ князей получалъ большій удѣлъ и нѣкотораго рода верховную власть надъ остальными князьями. Теперь, однако, учрежденіе это становится постояннымъ. Старшій въ родѣ Пястовъ, т. е. сеніоръ, долженъ былъ, кромѣ своего помѣстья, владѣть землей Краковской, Сѣрадзкой и Ленчицкой, и исполнять верховную власть надъ прочими князьями. Однако, сеніоратъ существовалъ недолго. Князья Краковской земли мѣняются путемъ насилій, хотя сознаніе основъ сеніората длится еще нѣкоторое время—до половины XIII вѣка. Фактически даже исчезла нераздѣльность Польши, которую пытались установить раньше, помимо законовъ о раздѣлахъ. Не помогъ и сеніоратъ, особенно потому, что власть сеніора не была достаточно сильна по отношенію къ другимъ князьямъ.

Должности. Князь, самодержавный господинъ, нуждался все-таки въ посторонней помощи, чтобы править такимъ обширнымъ государствомъ. Пясты проводятъ организацію государства, но кажется, хотя точно подтвердить этого нельзя, что главные фундаменты этого зданія положены Болеславомъ Храбрымъ. Задача была облегчена тѣмъ, что польскіе правители могли слѣдовать примѣру Запада. Это обстоятельство дѣлало возможнымъ введеніе такихъ учреждений, которыя уже заранѣе выработались на Западѣ. Должности, развившіяся въ Польшѣ, происходятъ также, большею частью, изъ франконскихъ об-

разцовъ, хотя, кажется, не прямымъ путемъ, а при посредничествѣ Чехіи. Но есть и нововведенія исключительно польскія. Въ управленіи страной князь опирается на такъ называемыхъ «*comites*», которыхъ, быть можетъ, звали иначе «княжеской челядью». Кого князь причислитъ въ «*comites*», тотъ и обязанъ повиноваться ему, хотя опредѣленнаго круга дѣятельности у него нѣтъ, и лишь иногда князь обращается къ нему съ отдѣльнымъ порученіемъ.

Изъ среды этихъ «*comites*» князь и выбиралъ своихъ чиновниковъ, хотя послѣдними могли быть и не комесы. Среди должностей слѣдуетъ различать двѣ группы: придворныхъ и областныхъ. Придворныя должности тѣсно связаны съ личностью князя, хотя дѣятельность ихъ отличается часто, даже преимущественно, государственнымъ характеромъ. Понятія придворныхъ и государственныхъ должностей пока равнозначущи, т. е. различія между ними еще не существуетъ. Высшимъ среди придворныхъ сановниковъ считался «*comes palatinus*»—дворцовый комесъ. Первоначальное польское его названіе пока неизвѣстно.

Это—одинъ изъ комесовъ, завѣдующій дворцомъ, какъ замѣститель князя. Опредѣленныхъ обязанностей у него не было, но по мѣрѣ потребности, если князь прикажетъ, «*comes palatinus*» замѣщаетъ его, какъ въ судѣ, такъ и въ случаѣ военнаго похода, и проч. Во время царствованія Владислава Германа «*palatinus*» часто командуетъ, вмѣсто князя, войсками. Въ виду того, что обязанность эта возлагалась на него часто и привлекала всеобщее вниманіе, его стали называть по-польски — воеводой, хотя названіе это не опредѣ-

ляетъ его настоящаго положенія. Замѣстителемъ его являлся подкоморій (*succamerarius*), имѣвній, вѣроятно, главною своею задачей контроль надъ администраціей княжескихъ имѣній; канцелярію князя ведетъ канцлеръ. Существуютъ данныя, указывающія на то, что первоначально канцлеромъ былъ, по праву, познанскій епископъ, но это не достовѣрно.

На княжескихъ судахъ рядомъ съ княземъ сидитъ судья и помогаетъ ему формально творить судъ, причемъ приговоръ зависѣлъ всегда единственно отъ князя. Стольникъ подаетъ блюда при трапезахъ и завѣдуетъ кухней. Кравчій смотритъ за погребомъ; меченосецъ носитъ передъ королемъ его мечъ, хорунжій—знамя и т. д.—Попеченіе о княжескихъ дѣтяхъ, говоря о рыцарскомъ попеченіи, имѣли такъ называемые «педагоги» (или «*pugitori*» по-латыни), которыхъ по-польски называли «пѣстунами», или «пѣстами».

Всѣ эти должности возникли не вдругъ, теперь даже невозможно опредѣлить точно съ какихъ именно поръ онѣ существуютъ въ Польшѣ. Съ теченіемъ времени количество ихъ растетъ, и кромѣ того каждый почти сановникъ получаетъ помощника, замѣстителя: такъ, канцлеръ—подканцлера, судья—подсудка, стольникъ—подстольнаго, и т. д.—Чаще всего сановниками этими бывають тѣ же комесы, но это не обязательно.

Придворный характеръ этихъ должностей служитъ поводомъ къ тому, что при раздѣлахъ, когда появляется больше князей,—каждый изъ нихъ организуетъ у себя отдѣльный дворъ. Сколько въ странѣ князей, столько въ ней воеводъ, подкоморьихъ, и пр., хотя,

очевидно, не всё дворы одинаково многочисленны. Если же одно изъ княжествъ по какой бы то ни было причинѣ, перестаетъ существовать, сливаясь съ другимъ, то исчезаютъ и его сановники.

Этотъ характеръ «придворности» должностей (если такъ можно выразиться) удержался въ теченіе всего этого періода, и даже нѣсколько дольше.

Городовая система. Управление страной основывается на организаціи городовъ.—Гроды, какъ крѣпости, существовали и раньше, даже во время родового строя, представляя изъ себя убѣжище и пунктъ опоры для рода въ случаѣ нападенія враговъ. Послѣ водворенія княжеской власти, вся страна покрывается сѣтью такихъ бурговъ, и организація эта служитъ фундаментомъ для администраціи государства. Они весьма многочисленны на окраинахъ, напр.: въ Силезіи, Мазовшѣ, и т. д., но и внутри края ихъ очень много. Задачи ихъ и цѣли двоякія: прежде всего, это—укрѣпленія, обладаніе коими рѣшаетъ вопросъ о владѣніи краемъ; изъ-за городовъ ведутся войны. Отсюда ихъ большое количество на границахъ. Пока существовала дружина, князь распредѣлялъ ее по гродамъ; позднѣе каждый гродъ имѣетъ свой постоянный, хотя сравнительно небольшой, гарнизонъ. Наряду съ этимъ, гродъ является центромъ администраціи княжескихъ имѣній, слѣдовательно, исполняетъ важную хозяйственную роль. Поэтому-то, и внутри государства ихъ довольно много. Имущество короля въ землѣ—огромно: это—главный и тогда почти единственный источникъ его средствъ. Имѣнія эти организованы на

основаніи городскаго строя. Каждому городу принадлежигь часть княжескихъ деревень, которая въ литературѣ опредѣляется часто, и кажется, неправильно названіемъ «нарока». Между ними есть такъ называемыя «тяглыя села», встрѣчаемыя въ окрестностяхъ большихъ городовъ. Таковы: Пекары, Скотники, Щитники и пр. Жили въ нихъ несвободные пекари, скотники (или мясники), щитники (изготовляющіе щиты), обязанностью которыхъ было снабженіе городскаго гарнизона хлѣбомъ, мясомъ, щитами и пр. — Можно полагать, что эти тяглыя села существуютъ уже во время дружиннаго строя. Въ XII-мъ вѣкѣ они приходятъ въ упадокъ, почти не исполняютъ своего дѣла, такъ какъ въ немъ уже не нуждались за исчезновеніемъ дружинъ. Другія деревни, принадлежащія къ бургу, были заняты земледѣльческимъ населеніемъ, организованнымъ въ сотни и десятки (организация эта удерживается до XIII в.), или же на основаніи ополій. Опольная система принялась, кажется, позже сотенной. Въ то время, какъ первая объединяетъ людей въ группы, не обращая вниманія на ихъ мѣстожителство, и отдаетъ ихъ власти десятниковъ и сотниковъ, ополье обнимаетъ опредѣленное число деревень, лежащихъ рядомъ, слѣдовательно, объединенную территорію, хотя не всегда одинаковую по величинѣ. Все населеніе ополья, свободное и несвободное, обязано отбывать совмѣстно извѣстный оброкъ (опольная корова, опольный быкъ, или прямо—ополье) обща отвѣчаетъ, если въ данной территоріи найдутъ убитаго, свидѣтельствовать въ случаѣ межевого раздора.

Но ополья вводились не всюду. Шире всего, сравнительно, организація эта распространилась въ Великой Польшѣ. Ополья существуютъ въ княжескихъ имѣніяхъ, наряду съ тяглыми и отчасти съ сотенными деревнями. Одному городу можетъ принадлежать нѣсколько ополій, или же только одно; но въ городскихъ имѣніяхъ можетъ также вовсе и не быть опольной системы. Населеніе деревень, принадлежащихъ къ определенному городу, подчиняется этому городу, туда и обязано отдавать свой оброкъ.

Князь ѣздитъ по странѣ изъ города въ городъ, на одномъ мѣстѣ онъ сидѣть не можетъ, такъ какъ при тогдашнихъ условіяхъ и отсутствіи удобныхъ путей сообщенія ему вскорѣ не хватило бы пищи.

Такимъ образомъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, онъ истребляетъ запасы, скопленные въ городахъ, устраиваетъ трапезы, щедро одаряетъ подданныхъ, и т. д., что имѣетъ одновременно и политическое значеніе, такъ какъ даетъ народу возможность увидать великолѣпіе и могущество князя.

Среди княжескихъ деревень многія выходятъ изъ-подъ непосредственной власти городовъ въ формѣ дарственной записи въ пользу церкви, или какъ рыцарскія вотчины, раздаваемыя «milites». Однако, такого рода исключеніе деревни изъ власти бурга неполно. Хотя онѣ подчинены теперь монастырямъ, или воямъ, тѣмъ не менѣе и съ городами связываютъ ихъ нѣкоторыя узы: въ городъ посылаютъ они подати, вытекающія изъ княжескаго права, въ бургѣ ищутъ защиты и пр. Итакъ, предѣлы власти городовъ въ случаѣ опасности значительно выступаютъ за гра-

ницы собственныхъ княжескихъ владѣній. Но городамъ подчиняются не всѣ деревни: напр. старыя родовыя помѣстья. Послѣднія остаются внѣ предѣловъ городской организаціи, которая, будучи безспорно весьма важной, не представляетъ однако изъ себя точнаго раздѣленія страны относительно всѣхъ безъ исключенія поселеній, какъ раньше полагали. Князь поручаетъ бурги своимъ людямъ. Такой горододержецъ обладаетъ съ одной стороны военной властью, такъ какъ городъ—крѣпость; на немъ лежитъ защита города, предводительство гарнизономъ; но онъ же является и администраторомъ, собираетъ дань съ деревень, сохраняетъ запасы въ погребахъ и амбарахъ, и пр., ему же принадлежитъ судебная власть надъ населеніемъ, какъ свободнымъ, такъ и несвободнымъ, живущимъ въ рыцарскихъ и церковныхъ помѣстьяхъ, насколько они не исключены изъ-подъ власти города. Исключительно отъ воли князя зависѣло — кого назначить городскимъ начальникомъ. Нерѣдко послѣдними бывали весьма второстепенныя личности. Зовутъ ихъ при первыхъ Пястахъ «*vicedomini*» или «*vastaldiones*» по примѣру франкскихъ государствъ. Но затѣмъ, въ особенности съ XII-го вѣка, король все чаще и чаще поручаетъ эту должность своимъ комесамъ. Позднѣе это становится даже правиломъ. Ради отличія отъ прочихъ классовъ населенія ихъ стали называть «*comites castellani*» — городскими комесами, а въ XII-мъ вѣкѣ — просто — «*castellani*» — кастелянами, городъ же съ прилегающимъ округомъ — кастеляніей.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

Характери-
стика эпохи
привилегій и
иммунитета.

Предѣлами этого періода являются: пер-
выя привилегіи, изданныя въ Польшѣ въ
концѣ XII-го вѣка, и года 1370 и 1374 —
смерти Казимира Великаго и Кошицкой
привилегіи. Періодъ этотъ можно назвать эпохой орга-
низации общества, основанной на частныхъ привиле-
гіяхъ. Княжеская власть, тяготѣвшая донынѣ надъ
народомъ своимъ полнымъ абсолютизмомъ, начинаетъ
понемногу отступаться отъ своихъ правъ въ пользу
нѣкоторыхъ группъ общества, и именно: духовенства,
рыцарства (*milites*), которое постепенно превращается
въ дворянство, и вновь возникающихъ городовъ. До
сихъ поръ княжеское право «*jus ducale*» — въ полномъ
смыслѣ слова, олицетворяя понятіе полноты власти,
не знало никакихъ точно опредѣленныхъ границъ.
Теперь понемногу возникаютъ эти границы, опредѣляе-
мыя именно привилегіями, издаваемыми князьями.
Суть ихъ заключается въ иммунитетѣ. Государь опре-

дѣляетъ свободы тѣхъ, кому дается привилегія, и самъ обязывается не вступать въ предѣлы этихъ свободъ.

Отсюда, періодъ этотъ можно назвать періодомъ иммунитета. Привилегіи эти и иммунитеты имѣютъ одну общую черту, весьма характерную по отношенію къ эпохѣ: это—частныя привилегіи, издаваемыя князьями въ пользу отдѣльныхъ лицъ и учреждений, а не въ пользу опредѣленныхъ группъ людей. Такія группы, собственно говоря, пока еще не существуютъ. Привилегіей, полученной отъ князя, можетъ пользоваться лишь то лицо, или учрежденіе, которому она дана княземъ. Слѣдовательно, каждый епископъ, если дѣло касалось свѣтскаго духовенства, каждый монастырь въ отдѣльности, каждый рыцарь (miles) долженъ былъ особо хлопотать о достиженіи иммунитета; тоже самое и относительно городовъ. Привилегія устанавливаетъ отношенія подданнаго къ государю. Но хотя у cadaго есть своя привилегія, хотя лишь на эту привилегію онъ можетъ ссылаться, хотя привилегіи различны между собой, тѣмъ не менѣе суть ихъ сходна, и понемногу, въ силу этого сходства, онѣ все болѣе и болѣе обобщаются, а тѣ, которымъ служатъ сходныя привилегіи, объединенныя общностью цѣлей и стремленій, начинаютъ группироваться по отношенію къ князю и все рѣзче и ярче выдѣляться среди прочихъ слоевъ общества. Это приводитъ къ тому, что слои замыкаются и превращаются въ сословія, и какъ внѣшнее выраженіе этой замкнутости, появляются привилегіи, издаваемыя уже не въ пользу частныхъ лицъ, а въ пользу всѣхъ тѣхъ, которые на почвѣ предшествующихъ привилегій образовали сильно сплоченный слой,

сословіе. Первою такой общей привилегіей является привиллегія, изданная для дворянства въ 1374 г. въ Кошицахъ, и называемая поэтому Кошицкой. Во всемъ вышесказанномъ и заключается ея большое значеніе.

Во главѣ новаго общественнаго развитія **Духовенство.** стоитъ духовенство. И оно донынѣ подчинилось власти монарха, такъ какъ вѣру ввело въ Польшѣ государство, и оба эти понятія всегда сопровождались одно другимъ и взаимно дополняли другъ друга. На западѣ церковь еще раньше начинаетъ предъавлять требованія самыхъ широкихъ свободъ. Основы этихъ требованій лежали, отчасти, въ дѣйствительныхъ принципахъ церкви, отчасти же развились съ теченіемъ исторіи. Въ Польшѣ процессъ этотъ появляется нѣсколько позднѣе, такъ какъ реформы Григорія VII были для нея еще преждевременны. Первые попытки со стороны польской церкви къ достиженію свободъ относятся только къ концу XII вѣка; первая привиллегія въ пользу церкви, это—такъ называемая Лэнчицкая привиллегія 1180 года. Развитіе этихъ свободъ подвигается въ Польшѣ нѣсколько иначе, чѣмъ на Западѣ; требованія церкви выступаютъ почти все одновременно; что касается ихъ осуществленія, то впереди идутъ вопросы политическаго характера, а затѣмъ уже имущественныя дѣла, т. е. въ порядкѣ обратномъ западно-европейскому. Уже въ началѣ XIII вѣка церковь ставитъ въ видѣ правила выборъ епископовъ въ ряду вопросовъ исключительно ея внутренней дѣятельности, и отдаетъ его рѣшенію капитула. Такимъ образомъ, послѣ ожесточенной, хотя не весьма про-

должительной борьбы устранился господствующій до тѣхъ поръ обычай назначенія епископовъ князьями.

Эпизодъ этотъ отвѣчаетъ борьбѣ за инвеституру въ Германіи. Нѣсколько медленнѣе развивается дѣло достиженія церковью такъ называемаго «*privilegium fori*». Церковь предъявляла притязанія на право рѣшенія споровъ, въ которыхъ принимало участіе духовное лицо, независимо отъ гражданскаго или уголовнаго характера дѣла, и въ то же время всѣхъ споровъ, даже свѣтскихъ, касающихся Св. Таинствъ, или вообще вопросовъ вѣры, т. е. такъ называемыхъ «*causae spirituales*». Въ теченіе XIII вѣка церковь приобрѣла себѣ эти права, и даже значительно больше, подчинивъ своему судопроизводству наряду съ «*causae spirituales*» и такъ называемыя «*causae spiritualibus annexae*», т. е. вопросы, лишь отчасти касающіеся вѣры. А такъ какъ вскорѣ церковное судебное вѣдомство, организованное по общимъ законамъ, дѣйствовало правильнѣе свѣтскихъ судовъ, то оно и получило перевѣсъ надъ послѣдними, и ему стали добровольно отдавать на рѣшеніе такіе вопросы, которые по существу подлежали свѣтскому суду.

Вслѣдствіе этого, число церковныхъ требниковъ такъ быстро и сильно увеличилось, что уже въ XIV вѣкѣ государство постановило не отдавать чисто свѣтскихъ вопросовъ на рѣшеніе церковнаго суда. Но ограниченія эти не помогли. Единственно споры о земельныхъ имѣніяхъ оставались за свѣтскими судами, даже если спорили духовныя лица. Въ то же время церковь хлопочетъ объ иммунитѣ для своихъ владѣній, т. е. объ освобожденіи послѣднихъ отъ всѣхъ

повинностей княжескаго права, отъ всякаго вмѣшательства власти въ жизнь населенія этихъ имѣній. Старанія эти длятся довольно долго. Въ однѣхъ областяхъ Польши (въ Краковѣ и Силезіи) церковь достигаетъ этихъ правъ скорѣе, легче; въ другихъ (Великопольшѣ, Куявахъ, Мазовшѣ) — труднѣе. За свѣтскимъ духовенствомъ слѣдуютъ многочисленныя монастыри. Но не сразу получаетъ духовенство полный иммунитетъ, полныя льготы. Здѣсь можно отличить нѣсколько стадій: болѣе точное опредѣленіе повинностей, — раньше, почти, произвольныхъ, замѣненіе службы — податями (*relіісуа*), частныя льготы; вотъ тѣ ступени, по которымъ духовенство достигало въ концѣ концовъ своей цѣли. И относительно помѣстій церкви легче было добиться свободы для земель объединенныхъ (церковныя кастиляніи, изъ которыхъ нѣсколько перешло изъ рукъ князя къ церкви въ формѣ епископскихъ надѣловъ), нежели для разрозненныхъ, разсѣянныхъ среди другихъ имѣній.

Процессъ этотъ довершается въ теченіе XIII столѣтія; въ XIV вѣкѣ церковь въ полной мѣрѣ пользуется уже всѣми свободами и привилегіями.

Стремленіе къ привилегіямъ и иммунитету, развиваемое церковью, служить въ Польшѣ примѣромъ многочисленному слою «*militēs*» къ установленію правильныхъ отношеній рыцарства къ князю и къ землѣ, отданной «*militēs*» по рыцарскому праву. Имъ недостаточно было превращенія этой собственности, прежде временной или пожизненной, въ наследственную, что совершилось въ XII вѣкѣ. Вои

желаютъ теперь получить иммунитетъ, чтобы сдѣлать эту землю своимъ полнымъ имуществомъ, въ то время, какъ на нее имѣлъ права, и даже весьма широкія, князь. И вотъ, въ XIII вѣкѣ, начинаютъ появляться различныя по содержанію привиллегіи въ пользу этихъ «*milites*», дающія послѣднимъ то больше, то меньше правъ. Король освобождаетъ рыцарскія помѣстья, отчасти, или совершенно, отъ разныхъ обязанностей, отъ власти своихъ чиновниковъ. Въ значительной мѣрѣ иммунитетъ получали «*milites*» вслѣдствіе такъ называемой нѣмецкой колонизаціи. Переселенцы, пріѣзжающіе въ Польшу, ставили условіемъ устраненіе польскихъ законовъ изъ обитаемыхъ ими мѣстностей; слѣдовательно, каждый «*miles*», желающій основать усадьбу по германскому закону, долженъ былъ получить особую привиллегію отъ князя.

Подобная привиллегія, наряду со значеніемъ самаго селенія, будучи иммунитетной привиллегіей, опредѣляла отношенія князя къ этому имѣнію, а слѣдовательно и къ «*miles*».

Процессъ этотъ завершается Кошицкой привиллегіей 1374 г., установившей полное право собственности относительно всѣхъ владѣній милесовъ, предоставляя князю 2 гроша съ лана (7045 кв. саж.) въ годъ и воинскую повинность, въ зависимости отъ количества земли.

Рядомъ съ этимъ развитіемъ отношенія милесовъ къ землѣ, на образованіе дворянства вліяетъ еще другое обстоятельство, столь же важное, именно—принятіе гербовъ. Гербы въ своей первобытной формѣ начинаютъ появляться въ Польшѣ уже въ XV столѣтіи.

Это, собственно, лишь эмблемы на печати и на щитѣ, выбираемыя совершенно произвольно, по заграничному образцу. Каждый милецъ могъ выбирать себѣ опредѣленный символъ и мѣнять его, иногда неоднократно, въ теченіе своей жизни. Дѣти его могли употреблять совершенно другіе знаки, которые бывали различны: изображали разные предметы, буквы, вензеля, кривыя и прямыя линіи, или ихъ сочетанія. Эти послѣдніе знаки являются самыми распространенными и составляютъ характерную черту, отличающую польскую геральдику отъ западно-европейской.

Нѣкоторые ученые выводятъ ихъ изъ скандинавскихъ рунъ, т. е. древне-скандинавскаго алфавита. Другіе утверждаютъ, что это — просто знаки собственности, которыми отличались всѣ предметы, принадлежащіе одному лицу и существовавшіе уже раньше. Изъ этихъ произвольно выбираемыхъ и мѣняемыхъ знаковъ возникаютъ понемногу гербы, путемъ превращенія, въ продолженіи XIII и въ особенности XIV вѣка, въ наслѣдственные, передаваемые безперемѣнно отъ отца къ сыну, какъ родовое отличіе.

Нѣмыя эмблемы уже въ теченіе XIV вѣка подвергаются значительнымъ перемѣнамъ: стали пытаться дѣлать ихъ описаніе (главнымъ образомъ во время турнировъ) путемъ замѣны черточекъ, прямыхъ и кривыхъ, луками, стрѣлами, полумѣсяцами и пр.

Кромѣ этой характерной черты, существуетъ еще другая, отличающая польскую геральдику отъ заграничной: каждый гербъ имѣетъ собственное названіе — прокламацію. Этими прокламаціями служили первобытные лозунги, употребляемые въ особенности во

время войны и происходящіе или отъ монографическихъ названій (напр. Сренява, Долива и пр.) или же отъ собственныхъ именъ и прозвищъ (Болеста, Помянь, Старыконь и т. д.).

Очевидно, они были наследственны и древнѣе гербовъ, появившихся лишь позднѣе. Съ этого момента, каждый родъ отличается не только собственною наследственной прокламаціей, но и своимъ гербомъ.

Гербы содѣйствовали возникновенію дворянства. Они сдѣлали возможнымъ рѣзкое выдѣленіе милесовъ изъ среды другихъ слоевъ, не пользующихся гербами, нерыцарскихъ, и въ то же время возобновили тѣсныя узы между родами, которые вторично становятся сильными. Благодаря гербу, удерживается сознаніе родового единства, а слѣдовательно и сознаніе общихъ правъ и привилегій, родовая солидарность. Съ тѣхъ поръ, какъ установились гербы въ формѣ наследственного признака дворянскаго происхожденія, съ тѣхъ поръ, какъ отношеніе къ власти стало опредѣляться суммою не частныхъ, а общихъ привилегій—въ Польшѣ можно уже говорить о дворянствѣ. Но не всѣ однако милесы принимали участіе въ этомъ движеніи: личности болѣе слабыя, въ экономическомъ или въ общественномъ отношеніи, не поспѣвая за другими, оставались позади. Часть милесовъ осталась безъ гербовъ, и когда въ XIV вѣкѣ признакомъ дворянства уже по праву является гербъ, милесы эти, не имѣющіе гербовъ, хотя и оставались дворянами, но составляютъ уже дворянство какъ бы второго разряда, они имѣютъ меньше правъ, меньшее значеніе; съ виѣшней стороны, это особенно рѣзко выразалось

въ меньшей поголовной подати. Когда оброкъ дворянина съ гербомъ равнялся 60 гривнамъ, подать милеса была только 30. Такъ же и штрафъ за увѣчые былъ вдвое меньше. Отсюда ихъ называютъ полудворянствомъ (*media militia*). Чаще всего ихъ называютъ «влодыками», нерѣдко «сцѣрцалками» — отъ латинскаго слова *squirio*¹⁾. Итакъ, влодыки — это остатки милесовъ. Классъ этотъ незначителенъ по количеству, въ обществѣ не играетъ роли и быстро исчезаетъ, сливаясь съ мѣщанствомъ, солтысами и т. д.

Крестьяне. Когда, въ теченіе хотя медленнаго, но **нѣмецкая колонизація.** постоянно подвигающагося впередъ историческаго развитія, дворянство выдѣлилось въ первенствующій классъ, другіе слои общества, нерыцарскіе, свободные и несвободные, все тѣснѣе сливаются, въ продолженіе XIV вѣка, въ одну массу зависимаго населенія. Громадное вліяніе на это имѣли иммунитетныя привиллеги, разрывая всякую связь между княземъ и народомъ несвободнымъ, а въ особенности свободнымъ, живущимъ въ помѣстьяхъ церкви, или милесовъ, получившихъ иммунитетъ. Но пока этотъ процессъ достигъ своего полного развитія, появился новый факторъ, прервавшій его и послужившій къ тому, что для земледѣльческаго населенія, сидящаго на чужой землѣ, настала новая блестящая эпоха. Факторомъ этимъ явилась нѣмецкая колонизація.

Первыхъ колонистовъ выписываютъ въ Польшу, въ Силезію, въ началѣ XIII вѣка — монастыри. Мо-

¹⁾ Sciercalkami.

должительной борьбы устранился господствующій до тѣхъ поръ обычай назначенія епископовъ князьями.

Эпизодъ этотъ отвѣчаетъ борьбѣ за инвеституру въ Германіи. Нѣсколько медленнѣе развивается дѣло достиженія церковью такъ называемаго «*privilegium fori*». Церковь предъявляла притязанія на право рѣшенія споровъ, въ которыхъ принимало участіе духовное лицо, независимо отъ гражданскаго или уголовнаго характера дѣла, и въ то же время всѣхъ споровъ, даже свѣтскихъ, касающихся Св. Таинствъ, или вообще вопросовъ вѣры, т. е. такъ называемыхъ «*causae spirituales*». Въ теченіе XIII вѣка церковь приобрѣла себѣ эти права, и даже значительно больше, подчинивъ своему судопроизводству наряду съ «*causae spirituales*» и такъ называемыя «*causae spiritualibus annexae*», т. е. вопросы, лишь отчасти касающіеся вѣры. А такъ какъ вскорѣ церковное судебное вѣдомство, организованное по общимъ законамъ, дѣйствовало правильнѣе свѣтскихъ судовъ, то оно и получило перевѣсъ надъ послѣдними, и ему стали добровольно отдавать на рѣшеніе такіе вопросы, которые по существу подлежали свѣтскому суду.

Вслѣдствіе этого, число церковныхъ требниковъ такъ быстро и сильно увеличилось, что уже въ XIV вѣкѣ государство постановило не отдавать чисто свѣтскихъ вопросовъ на рѣшеніе церковнаго суда. Но ограниченія эти не помогли. Единственно споры о земельныхъ имѣніяхъ оставались за свѣтскими судами, даже если спорили духовныя лица. Въ то же время церковь хлопочетъ объ иммунитетѣ для своихъ владѣній, т. е. объ освобожденіи послѣднихъ отъ всѣхъ

повинностей княжескаго права, отъ всякаго вмѣшательства власти въ жизнь населенія этихъ имѣній. Старанія эти длятся довольно долго. Въ однѣхъ областяхъ Польши (въ Краковѣ и Силезіи) церковь достигаетъ этихъ правъ скорѣе, легче; въ другихъ (Великопольшѣ, Куявахъ, Мазовшѣ) — труднѣе. За свѣтскимъ духовенствомъ слѣдуютъ многочисленныя монастыри. Но не сразу получаетъ духовенство полный иммунитетъ, полныя льготы. Здѣсь можно отличить нѣсколько стадій: болѣе точное опредѣленіе повинностей, — раньше, почти, произвольныхъ, замѣщеніе службы — податями (relііа), частныя льготы; вотъ тѣ ступени, по которымъ духовенство достигало въ концѣ концовъ своей цѣли. И относительно помѣстій церкви легче было добиться свободы для земель объединенныхъ (церковныя кастиляніи, изъ которыхъ нѣсколько перешло изъ рукъ князя къ церкви въ формѣ епископскихъ надѣловъ), нежели для разрозненныхъ, разсѣянныхъ среди другихъ имѣній.

Процессъ этотъ довершается въ теченіе XIII столѣтія; въ XIV вѣкѣ церковь въ полной мѣрѣ пользуется уже всѣми свободами и привилегіями.

Стремленіе къ привилегіямъ и иммунитету, развиваемое церковью, служитъ въ Польшѣ примѣромъ многочисленному слою «milites» къ установленію правильныхъ отношеній рыцарства къ князю и къ землѣ, отданной «milites» по рыцарскому праву. Имъ недостаточно было превращенія этой собственности, прежде временной или пожизненной, въ наследственную, что совершилось въ XII вѣкѣ. Вои

желаютъ теперь получить иммунитетъ, чтобы сдѣлать эту землю своимъ полнымъ имуществомъ, въ то время, какъ на нее имѣлъ права, и даже весьма широкія, князь. И вотъ, въ XIII вѣкѣ, начинаютъ появляться различныя по содержанію привилегіи въ пользу этихъ «*milites*», дающія послѣднимъ то больше, то меньше правъ. Король освобождаетъ рыцарскія помѣстья, отчасти, или совершенно, отъ разныхъ обязанностей, отъ власти своихъ чиновниковъ. Въ значительной мѣрѣ иммунитетъ получали «*milites*» вслѣдствіе такъ называемой нѣмецкой колонизаціи. Переселенцы, пріѣзжающіе въ Польшу, ставили условіемъ устраненіе польскихъ законовъ изъ обитаемыхъ ими мѣстностей; слѣдовательно, каждый «*miles*», желающій основать усадьбу по германскому закону, долженъ былъ получить особую привилегію отъ князя.

Подобная привилегія, наряду со значеніемъ самаго селенія, будучи иммунитетной привилегіей, опредѣляла отношенія князя къ этому имѣнію, а слѣдовательно и къ «*miles*».

Процессъ этотъ завершается Кошицкой привиллегіей 1374 г., установившей полное право собственности относительно всѣхъ владѣній милесовъ, предоставляя князю 2 гроша съ лана (7045 св. саж.) въ годъ и воинскую повинность, въ зависимости отъ количества земли.

Рядомъ съ этимъ развитіемъ отношенія милесовъ къ землѣ, на образованіе дворянства вліяетъ еще другое обстоятельство, столь же важное, именно—принятіе гербовъ. Гербы въ своей первобытной формѣ начинаютъ появляться въ Польшѣ уже въ XV столѣтіи.

Это, собственно, лишь эмблемы на печати и на щитѣ, выбираемыя совершенно произвольно, по заграничному образцу. Каждый милесь могъ выбирать себѣ опредѣленный символъ и мѣнять его, иногда неоднократно, въ теченіе своей жизни. Дѣти его могли употреблять совершенно другіе знаки, которые бывали различны: изображали разные предметы, буквы, вензеля, кривыя и прямыя линіи, или ихъ сочетанія. Эти послѣдніе знаки являются самыми распространенными и составляютъ характерную черту, отличающую польскую геральдику отъ западно-европейской.

Нѣкоторые ученые выводятъ ихъ изъ скандинавскихъ рунъ, т. е. древне-скандинавскаго алфавита. Другіе утверждаютъ, что это — просто знаки собственности, которыми отличались всѣ предметы, принадлежащіе одному лицу и существовавшіе уже раньше. Изъ этихъ произвольно выбираемыхъ и мѣняемыхъ знаковъ возникаютъ понемногу гербы, путемъ превращенія, въ продолженіи XIII и въ особенности XIV вѣка, въ наслѣдственные, передаваемые безперемѣнно отъ отца къ сыну, какъ родовое отличіе.

Нѣмыя эмблемы уже въ теченіе XIV вѣка подвергаются значительнымъ перемѣнамъ: стали пытаться дѣлать ихъ описаніе (главнымъ образомъ во время турнировъ) путемъ замѣны черточекъ, прямыхъ и кривыхъ, луками, стрѣлами, полумѣсяцами и пр.

Кромѣ этой характерной черты, существуетъ еще другая, отличающая польскую геральдику отъ заграничной: каждый гербъ имѣетъ собственное названіе — прокламацію. Этими прокламаціями служили первобытные лозунги, употребляемые въ особенности во

время войны и происходящіе или отъ монографиче-
скихъ названій (напр. Сренява, Долива и пр.) или жъ
отъ собственныхъ именъ и прозвищъ (Болеста, По-
мянъ, Старыконъ и т. д.).

Очевидно, они были наслѣдственны и древнѣе гер-
бовъ, появившихся лишь позднѣе. Съ этого момента
каждый родъ отличается не только собственною на-
слѣдственной прокламаціей, но и своимъ гербомъ.

Гербы содѣйствовали возникновенію дворянства.
Они сдѣлали возможнымъ рѣзкое выдѣленіе милесовъ
изъ среды другихъ слоевъ, не пользующихся гербами
нерыцарскихъ, и въ то же время возобновили тѣс-
ныя узы между родами, которые вторично становятся
сильными. Благодаря гербу, удерживается сознание ро-
дового единства, а слѣдовательно и сознание общихъ
правъ и привилегій, родовая солидарность. Съ тѣхъ
поръ, какъ установились гербы въ формѣ наслѣд-
ственного признака дворянскаго происхожденія, слѣ-
дствіемъ, какъ отношеніе къ власти стало опредѣ-
ляться суммою не частныхъ, а общихъ привилегій—
въ Польшѣ можно уже говорить о дворянствѣ. Но не
всеѣ однако милесы принимали участіе въ этомъ дви-
женіи: личности болѣе слабыя, въ экономическомъ
или въ общественномъ отношеніи, не поспѣвая за
другими, оставались позади. Часть милесовъ осталась
безъ гербовъ, и когда въ XIV вѣкѣ признакомъ дво-
рянства уже по праву является гербъ, милесы эти, не
имѣющіе гербовъ, хотя и оставались дворянами, но со-
ставляютъ уже дворянство какъ бы второго разряда
они имѣютъ меньше правъ, меньшее значеніе; слѣ-
дствіемъ, это особенно рѣзко выразилось

въ меньшей поголовной подати. Когда оброкъ дворянина съ гербомъ равнялся 60 гривнамъ, подать милеса была только 30. Такъ же и штрафъ за увѣче былъ вдвое меньше. Отсюда ихъ называютъ полудворянствомъ (*media militia*). Чаще всего ихъ называютъ «влодыками», нерѣдко «сцѣрцалками» — отъ латинскаго слова *squigio*¹⁾. Итакъ, влодыки — это остатки милесовъ. Классъ этотъ незначителенъ по количеству, въ обществѣ не играетъ роли и быстро исчезаетъ, сливаясь съ мѣщанствомъ, солтысами и т. д.

Крестьяне. Когда, въ теченіе хотя медленнаго, но постоянно подвигающагося впередъ историческаго развитія, дворянство выдѣлилось въ первенствующій классъ, другіе слои общества, нерыцарскіе, свободные и несвободные, все тѣснѣе сливаются, въ продолженіе XIV вѣка, въ одну массу зависимаго населенія. Громадное вліяніе на это имѣли иммунитетныя привилегіи, разрывая всякую связь между княземъ и народомъ несвободнымъ, а въ особенности свободнымъ, живущимъ въ помѣстьяхъ церкви, или милесовъ, получившихъ иммунитетъ. Но пока этотъ процессъ достигъ своего полнаго развитія, появился новый факторъ, прервавшій его и послужившій къ тому, что для земледѣльческаго населенія, сидящаго на чужой землѣ, настала новая блестящая эпоха. Факторомъ этимъ явилась нѣмецкая колонизація.

Первыхъ колонистовъ выписываютъ въ Польшу, въ Силезію, въ началѣ XIII вѣка — монастыри. Мо-

¹⁾ *Sciencialkami*.

время войны и происходящiе или отъ монографическихъ названiй (напр. Сренява, Долива и пр.) или же отъ собственныхъ именъ и прозвищъ (Болеста, Помянъ, Старыконъ и т. д.).

Очевидно, они были наследственны и древнѣе гербовъ, появившихся лишь позднѣе. Съ этого момента, каждый родъ отличается не только собственною наследственной прокламацiей, но и своимъ гербомъ.

Гербы содѣйствовали возникновенiю дворянства. Они сдѣлали возможнымъ рѣзкое выдѣленiе милесовъ изъ среды другихъ слоевъ, не пользующихся гербами, нерыцарскихъ, и въ то же время возобновили тѣсныя узы между родами, которые вторично становятся сильными. Благодаря гербу, удерживается сознание родового единства, а слѣдовательно и сознание общихъ правъ и привилегiй, родовая солидарность. Съ тѣхъ поръ, какъ установились гербы въ формѣ наследственнаго признака дворянскаго происхожденiя, съ тѣхъ поръ, какъ отношенiе къ власти стало опредѣляться суммою не частныхъ, а общихъ привилегiй—въ Польшѣ можно уже говорить о дворянствѣ. Но не всѣ однако милесы принимали участiе въ этомъ движенiи: личности болѣе слабыя, въ экономическомъ или въ общественномъ отношенiи, не поспѣвая за другими, оставались позади. Часть милесовъ осталась безъ гербовъ, и когда въ XIV вѣкѣ признакомъ дворянства уже по праву является гербъ, милесы эти, не имѣющiе гербовъ, хотя и оставались дворянами, но составляютъ уже дворянство какъ бы второго разряда, они имѣютъ меньше правъ, меньшее значенiе; съ внѣшней стороны, это особенно рѣзко выразалось

въ меньшей поголовной подати. Когда оброкъ дворянина съ гербомъ равнялся 60 гривнамъ, подать милеса была только 30. Такъ же и штрафъ за увѣчье былъ вдвое меньше. Отсюда ихъ называютъ полудворянствомъ (*media militia*). Чаще всего ихъ называютъ «влодыками», нерѣдко «сцѣрцялками» — отъ латинскаго слова *squigio*¹⁾. Итакъ, влодыки — это остатки милесовъ. Классъ этотъ незначителенъ по количеству, въ обществѣ не играетъ роли и быстро исчезаетъ, сливаясь съ мѣщанствомъ, солтысами и т. д.

Крестьяне. Когда, въ теченіе хотя медленнаго, но **Нѣмецкая колонизація.** постоянно подвигающагося впередъ историческаго развитія, дворянство выдѣлилось въ первенствующій классъ, другіе слои общества, нерыцарскіе, свободные и несвободные, все тѣснѣе сливаются, въ продолженіе XIV вѣка, въ одну массу зависимаго населенія. Громадное вліяніе на это имѣли имунитетныя привиллегіи, разрывая всякую связь между княземъ и народомъ несвободнымъ, а въ особенности свободнымъ, живущимъ въ помѣстьяхъ церкви, или милесовъ, получившихъ имунитетъ. Но пока этотъ процессъ достигъ своего полного развитія, появился новый факторъ, прервавшій его и послужившій къ тому, что для земледѣльческаго населенія, сидящаго на чужой землѣ, настала новая блестящая эпоха. Факторомъ этимъ явилась нѣмецкая колонизація.

Первыхъ колонистовъ выписываютъ въ Польшу, въ Силезію, въ началѣ XIII вѣка — монастыри. Мо-

¹⁾ Sciercalkami.

наховъ, прїѣхавшихъ въ Польшу изъ Западной Европы, должно было поразить то, что въ Польшѣ, гдѣ земли было много, не умѣли извлекать изъ нея соотвѣтствующей пользы, въ то время, какъ въ ихъ отечествѣ, гдѣ уже тогда чувствовалось сильное многолюдіе, даже менѣе урожайная почва приносила гораздо болѣе прибыли. Первые переселенцы прибыли изъ Фландріи. Опытъ ихъ оказался успѣшнымъ и сталъ привлекать другихъ. Съ начала XIII столѣтія сильно развивается колонизація при посредничествѣ церкви, даже, и въ сильной степени, князей и, наконецъ, милесовъ. Волна колонизаціи расходится по всему государству, все глубже къ востоку. Татарскія опустошенія также способствовали росту этого движенія, хотя и не вызвали его, какъ это раньше неправильно полагали. Причины были глубже, такъ какъ лежали въ хозяйственныхъ основахъ страны. Этотъ наплывъ колонистовъ въ XIII, а также, особенно въ Малой Польшѣ, въ XIV вѣкѣ, идетъ уже не изъ Фландріи, а изъ Германіи, главнымъ образомъ изъ окрестностей Рейна, что и послужило основаніемъ къ названію этого движенія нѣмецкой колонизаціей.

Колонизація производитъ перемѣны весьма значительныя, какъ въ области агрономической техники, такъ и въ сферѣ хозяйственнаго и правового строя польской деревни. вмѣсто славянскаго, обыкновенно, деревяннаго плуга, появляется все чаще и чаще желѣзный плугъ, глубже разрывающій почву, а слѣдовательно и лучше подготовляющій ее къ посѣву. Мѣсто прежней, относительно большой славянской

единицы земли, содержащей, кажется, около 60 или даже 90 морговъ, занимаетъ ланъ, или влука (mapus, lapeus), ланъ большой, такъ называемый франконскій, имѣющій $43\frac{1}{2}$ морга, или малый, называемый фламандскимъ или хелмонскимъ, равняющійся 30 моргамъ и употребляемый почти всегда въ Велико-Польшѣ, Куявахъ и Мазовецкой землѣ. Но благодаря лучшей обработкѣ, ланъ, хотя меньшій по размѣру, даетъ большій доходъ, чѣмъ прежняя польская «дѣдина», или «жребѣ». Каждый колонистъ получаетъ по праву одинъ ланъ. Хозяйственная система также подверглась улучшеніямъ; до сихъ поръ, собственно не было никакой системы, и велось такъ называемое дикое хозяйство. Кажется, только колонизація вводитъ трехпольную систему, основанную на раздѣленіи земли на три поля: яровое, озимое и лугъ. Слѣдовательно, ежегодно одна треть земли лежитъ втунѣ, отдыхаетъ. Этимъ объясняется и планъ польской деревни, удержавшійся въ общемъ и донинѣ: длинная улица, съ одной или съ обѣихъ сторонъ избы колонистовъ; отъ избъ идутъ длинныя полосы полей. Этотъ типъ встрѣчается чаще всего среди деревень, построенныхъ на карчевкѣ. Въ другихъ деревняхъ, существовавшихъ и раньше, въ которыхъ очевидно, надо было слѣдовать принятымъ уже обычаямъ, каждый колонистъ получалъ обыкновенно свой надѣлъ въ трехъ участкахъ, т. е. по одному въ трехъ поляхъ, принадлежащихъ деревнѣ. Въ центрѣ, или концѣ деревни, улица нѣсколько расширилась; тамъ находилась церковь, если она вообще существовала въ данномъ поселеніи, и мѣстныя лавки: мяс-

никъ, булочникъ, кузнецъ, сапожникъ. Мѣсто это называлось населкомъ. Такую геометрическую форму могла принимать деревня потому, что чаще всего колонистовъ поселяли «на сыромъ корнѣ», т. е. подъ селеніе давали лѣсной участокъ для карчевки, послѣ чего на расчищенной землѣ можно было произвольно обозначать улицы, поля и ланы.

И раньше существующія деревни стали подчиняться этимъ новымъ формамъ, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, благодаря господствующимъ уже обычаямъ. Колонизація измѣнила отношенія поселенцевъ къ хозяину имѣнія. Основой этихъ отношеній было точное опредѣленіе податей непремѣнно въ деньгахъ. Поселянинъ-колонистъ обязанъ платить ежегодно оброкъ, съ малаго лана почти всегда 12 грошей, съ большого 16 или 18 грошей въ годъ. Кромѣ того, колонисты въ самые торжественные праздники, обыкновенно два или три раза въ годъ, обязаны были давать по нѣсколько куръ, яицъ, сыру; иногда же, но рѣдко цѣлая деревня—ветчину, полоть сала, и даже барана, или корову. Барщина, если она вообще помѣщена среди условій договора, заключается лишь въ двухъ до четырехъ рабочихъ дняхъ въ годъ съ лана, такъ какъ въ ней почти что не нуждались: владѣлецъ имѣнія рассчитываетъ главнымъ образомъ на оброкъ колонистовъ, а что касается земли, то хотя ее у него много (все, что осталось послѣ отдѣленія площади подъ деревню, такъ называемой «*überschar*»), однако почвы, годной для обработки, особенно въ княжескихъ владѣніяхъ, почти что не было, а если и была, то въ весьма незначительномъ количествѣ—два или три лана.

Итакъ, послѣ уплаты податей, мелкаго оброка «in paticga», и выполненія иногда небольшой барщины, поселянинъ былъ свободенъ отъ всякихъ Обязанностей.

Въ правовомъ отношеніи колонизація вноситъ также крупныя преобразованія: колонисты требовали введенія въ колонизованныхъ деревняхъ германскихъ законовъ, къ которымъ они привыкли; это влекло за собой освобожденіе отъ всякихъ повинностей княжескаго права, и потому для основанія колоніи необходима была особая привиллегія князя, который долженъ былъ заранѣе обезпечить эту свободу. Въ концѣ концовъ, деревни эти подчинялись германскимъ законамъ, что и давало возможность дать имъ полную внутреннюю автономію.

Только съ колонизаціей появляется въ Польшѣ понятіе о гминѣ, доннынѣ чуждой внутреннему строю Польши. До сихъ поръ существующія связи основывались на кровномъ родствѣ, или на отношеніяхъ зависимости одного лица отъ другого. Гмина же, это—союзъ не связанныхъ родствомъ, свободныхъ людей, имѣющій цѣлью удовлетвореніе общихъ мѣстныхъ нуждъ. Поселяне, населяющіе деревню, составляютъ гмину—общину. Во главѣ гмины стоитъ солтысъ (отъ нѣмецкаго «Schultheiss») — деревенскій староста. Солтысомъ становится основатель колоній (locator), т. е. тотъ, кто заключилъ договоръ съ владѣльцемъ деревни относительно колонизаціи, и получилъ такъ называемую колонизаціонную привиллегію, содержащую условія поселенія, а затѣмъ выписывалъ колонистовъ. Званіе солтыса было ему вознагражденіемъ

за этотъ трудъ. Кромѣ того, онъ получалъ еще два или три лана, свободныхъ отъ оброка, 1/6 податей колонистовъ, подати съ лавокъ, нерѣдко мельницу, 1/3 доходовъ съ судебного вѣдомства, иногда право на охоту и рыбную ловлю. Званіе солтыса было наследственно, права его переходили къ потомкамъ; отсюда—его сильное положеніе въ деревнѣ, независимое ни отъ хозяина, ни отъ поселянъ. Но, очевидно, стоя во главѣ деревни, онъ чувствовалъ себя солидарнымъ съ ней, защищалъ ея интересы; передъ владѣльцемъ онъ обязанъ единственно военной службой въ случаѣ войны, если этотъ долгъ былъ возложенъ на него колонизаціонной привиллегіей (преимущественно въ частныхъ и княжескихъ имѣніяхъ, рѣже въ церковныхъ и монастырскихъ). Солтысъ является представителемъ села, созываетъ общину на вѣче для рѣшенія вопросовъ, касающихся всей деревни. Онъ же творитъ судъ вмѣстѣ со скамьей старшинъ, т. е. съ семью гласными, выбираемыми имъ же изъ среды поселянъ. Лишь три раза въ годъ пріѣзжалъ господинъ деревни (или его замѣститель) на такъ называемые большіе открытые суды. Вотъ основы германской колонизаціи. Она ввела съ собой цѣлый рядъ важныхъ реформъ, улучшила положеніе крестьянина, какъ въ правовомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, онъ жилъ въ довольствѣ, могъ, если хотѣлъ, покинуть деревню, лишь бы сдалъ свою усадьбу въ хорошемъ состояніи; что сберегъ, то принадлежало ему. Не слѣдуетъ однако думать, что вся Польша была такимъ образомъ колонизована, хотя почти всѣ деревни носятъ на себѣ слѣды герман-

ской колонизаціи. Хотя фламандцы, а затѣмъ и нѣмцы, прибыли въ Польшу въ довольно большомъ количествѣ, но вскорѣ въ польской средѣ они оплечились, слились съ населеніемъ. Важнѣе нежели приливъ иностранцевъ, исчезающихъ, несмотря на свою многочисленность, въ общей массѣ населенія— было внесеніе въ Польшу новыхъ принциповъ, послужившихъ основой для дальнѣйшихъ преобразованій.

Колонизація иностранцевъ послужила лишь толчкомъ, вызвавшимъ колонизаціонное движеніе. За ней послѣдовала колонизація поляковъ, постепенное подчиненіе польскихъ деревень германскимъ законамъ, организація населенія въ правовомъ и экономическомъ отношеніяхъ по нѣмецкому образцу и пр. Однако, большинство деревень приняло только хозяйственную сторону колонизаціи: желѣзный плугъ, трехполье, оброчную систему и пр., оставивъ у себя польскіе законы. Жители такихъ поселеній находились въ менѣе зависимомъ положеніи, но несли болѣе тяжелый оброкъ, въ особенности относительно барщины; подвергались суду своего хозяина, какъ верховной власти, солтысовъ у нихъ не было. Несмотря однако на эти ограниченія (на что до сихъ поръ почти не обращали вниманія), колонизація составляетъ громадный шагъ впередъ. Она открыла новую эпоху экономическаго развитія, она повліяла на поднятiе законнаго положенія крестьянъ въ Польшѣ на нѣсколько, быть можетъ, столѣтій.

Города. Колонизація деревень окончательно вноситъ въ Польшу вмѣсто натурального хозяйства—денежное. До сихъ поръ, каждый жилъ тѣмъ, что самъ извлекалъ изъ своего хозяйства, и лишь большія имѣнія (князей, церкви, вельможъ), проводили въ хозяйственныхъ цѣляхъ раздѣленіе труда между людьми, сидящими на ихъ землѣ. Рынки были извѣстны уже и раньше, около церквей и городовъ, но въ смыслѣ обмѣна товаровъ большого значенія не имѣютъ. Колонизація вводитъ деньги и обмѣнъ, какъ основы экономической жизни. Колонизацію деревни долженъ былъ дополнить и завершить городъ, въ которомъ этотъ обмѣнъ могъ бы постоянно производиться, гдѣ крестьянское населеніе могло бы запастись нужными ему предметами, которыхъ оно въ своемъ хозяйствѣ не находитъ, направляя всю свою дѣятельность въ одну только сторону—на обработку земли. И вотъ, возникаютъ города. Понемногу, въ XIII и XIV вѣкѣ число ихъ увеличивается. Они появляются въ формѣ совершенно законченныхъ организацій. Польша не развивала городовъ постепенно изъ первобытныхъ формъ, какими являются подгороды, базары и пр., но, почувствовавъ потребность въ нихъ, переняла съ Запада формы, уже выработанныя тамъ ранѣе. Первоначально, города Польши населены иностранцами, нѣмцами, и этотъ германскій элементъ существуетъ довольно долго, успѣшно борется съ полонизаціей, такъ какъ дальнѣйшія сношенія съ Западомъ и постоянный приливъ нѣмцевъ удерживаютъ здѣсь традицію сильнѣе, чѣмъ въ деревняхъ, гдѣ эта объединенность иностранцевъ отсутствовала.

Образцомъ, по которому организуются польскіе города, служитъ Магдебургъ.

Одни города подражали ему непосредственно, другіе слѣдовали примѣру Сроды въ Силезіи ¹⁾ или Холмна ²⁾ въ Пруссіи. Но и эти два города организовались по образцу Магдебурга, хотя, напримѣръ, Срода — лишь косвенно, взявъ права свои отъ Галли, которая переняла ихъ изъ Магдебурга. Позднѣе, когда въ Польшѣ возникло больше городовъ — болѣе ранніе изъ нихъ служили образцомъ для новыхъ. Законы, которымъ эти города подчинялись, назывались «Магдебургскимъ, Средзскимъ ³⁾ или Холмнинскимъ ⁴⁾ правомъ».

Образъ возникновенія городовъ, иначе говоря ихъ основаніе — напоминаетъ основаніе деревень, очевидно съ тою разницею, которую влекутъ за собой различныя задачи и цѣли города.

Сначала опредѣляли рынокъ, какъ главную площадь города, отъ него проводили улицы, число которыхъ зависѣло отъ предполагаемой величины города. Каждый обыватель получалъ такъ называемый *area* (дворъ—*Hof*), т. е. площадь, на которой можно было построить домъ. Въ Краковѣ такой единицей площади считалось 36 локтей ($10^2/7$ сажени) въ ширину и 72 л. ($20^4/7$ саж.) въ длину. Съ этой «*area*» собиралась годовая земельная подать (*census terrestris*), кромѣ которой горожанинъ не несъ больше никакихъ повинностей относительно владѣтеля города. Владѣльцемъ этимъ могъ быть князь, церковь, или свѣтскій панъ, въ зависимости отъ того, на чьей землѣ городъ былъ построенъ. Самые древніе — королевскіе города, и этихъ было больше всѣхъ; затѣмъ уже появляются и

1) Srody. 2) Chelмна. 3) Sredzkie. 4) Chelmińskie.

частные. Нѣкоторые маленькіе городки имѣютъ характеръ полуземледѣльческой: тогда, рядомъ съ городскими единицами площади (агеа) встрѣчаются въ нихъ и ланы.

Населеніе города совершенно свободно, что составляло необходимое условіе, въ особенности для торговли. Позднѣе, когда города были уже приведены въ порядокъ, стали обращать больше вниманія на притокъ тѣхъ, которые желали получить права гражданства (*jus civile*) и на ихъ способности. Требовали предъявленія свидѣтельства о хорошемъ рожденіи, т. е. законномъ происхожденіи, иногда требовали отъ пришельца, чтобы онъ до опредѣленнаго срока приобрѣлъ землю, или женился. Однако, съ самаго начала стали отличать среди жителей извѣстные слои: во главѣ—патрицевъ, т. е. преимущественно древнія фамиліи первыхъ поселенъ, купцовъ и нѣкоторыхъ зажиточныхъ ремесленниковъ; за ними слѣдовалъ ремесленный классъ, и наконецъ толпа, лишенная всякаго участія въ дѣлахъ городского управленія. Во главѣ города стоялъ войтъ; онъ соотвѣтствуетъ деревенскому солтысу. Онъ былъ колонизаторомъ; въ его рукахъ находился документъ, содержащій условія основанія города. За это онъ получалъ извѣстное число дворницъ, не платящихъ податей, часть судебныхъ штрафовъ и пр. — И это званіе было наследственнымъ. Войтъ стоялъ во главѣ городского суда, состоящаго чаще всего изъ семи членовъ (гласныхъ), ежегодно избираемыхъ совѣтомъ преимущественно изъ среды ремесленниковъ. Вскорѣ, наряду съ войтомъ и судомъ, возникаетъ дума, происхожденіе которой совершенно не

выяснено. Городская дума является представительствомъ города; въ составъ ея входятъ члены самыхъ знатныхъ семействъ—патриціи. Обыкновенно ежегодно выбиралась новая дума, хотя въ нѣкоторыхъ городахъ право это имѣлъ владѣлецъ города съ самаго начала, или получалъ его позднѣе (въ формѣ наказанія войта, напр. въ Краковѣ,—вслѣдствіе бунта войта Альберта).

Дума представляетъ городъ съ внѣшней стороны, хлопочетъ объ его привилегіяхъ, издаетъ обязательные для жителей законы, такъ назыв. «вилькири», распоряжается городомъ, его доходами и расходами. Ремесла организуются въ цехи. Послѣдніе появляются уже въ теченіе этой эпохи, хотя еще не въ полномъ своемъ развитіи. Строй ихъ также основанъ на нѣмецкихъ образцахъ, заимствованныхъ прямо изъ-за границы. Цехъ—это обязательный союзъ людей, занимающихся однимъ и тѣмъ же ремесломъ. Ремесла, имѣющія многихъ мастеровъ, не объединяются въ цехи. Во главѣ цеха стоитъ «цехмистръ», избираемый ежегодно цехомъ. Болѣе важные вопросы рѣшаются на цеховыхъ сходкахъ, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ мастера. Мастера, это—всѣ тѣ, которые самостоятельно ведутъ ремесло. Но прежде чѣмъ стать мастеромъ, ремесленникъ долженъ сперва пройти курсъ обученія въ видѣ ученика, а затѣмъ, доказавъ свое искусство посредствомъ такъ называемаго «meister-stück», можетъ работать какъ товарищъ. Цехъ заботится о своихъ членахъ, о томъ, чтобы товаръ былъ прочный, доброкачественный; что же касается взаимныхъ отношеній ремесленниковъ между собой, то цехъ смотритъ

за тѣмъ, чтобы одинъ членъ не вредилъ другому. Согласно съ принципомъ этой соціальной опеки, цехъ издаетъ правила, опредѣляющія сколько у мастера можетъ быть учениковъ, товарищей (подмастерья), сколько заказовъ онъ можетъ принимать, чтобы одинъ не подрывалъ другого, не отбивалъ бы у него заказчиковъ, или подмастерьевъ и т. п. Основой цехового строя является правило, чтобы каждый членъ имѣлъ обезпеченный, хотя скромный заработокъ.

Организованные такимъ образомъ города развиваются съ самаго начала очень быстро и наряду съ колонизаціей деревень составляютъ основу блестящаго экономическаго состоянія Польши въ XIII вѣкѣ. Первой ихъ задачей является снабженіе рынка товарами, въ которыхъ могутъ нуждаться окрестныя деревни. Эту задачу выполняютъ отчасти цехи, посредствомъ своихъ продуктовъ, отчасти же купцы, привозя изъ-за границы издѣлія, какихъ нѣтъ въ Польшѣ, а взаменъ вывозящія за границу излишекъ мѣстныхъ производствъ. Но, кромѣ того, города, въ особенности большіе, воспользовались своимъ торговымъ опытомъ и устройствомъ торговыхъ отношеній, чтобы въ теченіе XIII вѣка забрать въ свои руки посредничество въ транзитной торговлѣ черезъ Польшу: изъ Венгрии вывозятъ въ большомъ количествѣ мѣдь и желѣзо на всемірные рынки Фландріи, отчасти въ Силезію и Восточную Германію, входятъ въ сношенія въ Востокѣ, съ итальянскими колоніями на Черномъ морѣ, чтобы отгуда вывозить шелкъ и корни не только въ Польшу, Силезію и Пруссію, но даже въ центральную Германію (до Нюрнберга) и на Фландрійскіе

рынки. Наоборотъ, изъ Фландріи и Силезіи привозятъ въ Польшу, на Востокъ и въ Венгрію огромныя партіи сукна. Если снабженіе мѣстныхъ рынковъ составляло сильную основу сбыта, то эта обширная транзитная торговля обогатила такіе значительные города, какъ Лембергъ и Краковъ, и придала много блеска всей эпохѣ развитія городовъ въ Польшѣ.

Евреи встрѣчаются пока въ небольшомъ количествѣ только по городамъ, да и то самымъ большимъ, гдѣ образуютъ особыя гмины. Существовать они въ Польшѣ уже издавна, однако ихъ законное положеніе не было точно опредѣлено до привилегіи 1264 г., изданной въ пользу евреевъ въ Великопольшѣ княземъ Болеславомъ Набожнымъ.

Привилегія эта основывается на западно-европейскихъ образцахъ и принадлежитъ къ чешско-австрійской группѣ, отъ которой почти не отличается. Она вноситъ въ Польшу взгляды на евреевъ, выработанные уже давнымъ давно на западѣ Европы. Евреи находятся въ положеніи рабовъ князя (*servi camerae*), ему непосредственно подчиняются, иногда, при замѣстительствѣ князя, — воеводѣ, суду котораго они и подвергаются въ случаѣ надобности. Однако, споры между евреями рѣшаются въ гминѣ въ чисто еврейскомъ судебномъ вѣдомствѣ. Привилегія опредѣляетъ ихъ права относительно христіанскаго населенія, защищаетъ евреевъ, запрещаетъ нарушать еврейскія кладбища, школы и пр. Привилегія эта, изданная для одной только области, становится основаніемъ для привилегій Казимира Великаго, относящихся къ

1344, 1364 и 1367 г.г. Казиміръ Великій распространяеть эту привиллегію на всѣхъ евреевъ въ государствѣ, въ формѣ подтвержденія Болеславовой привиллегіи, или же, развивая ее еще дальше.

Привиллегіи эти составляютъ основу законнаго положенія евреевъ въ Польшѣ относительно прочихъ слоевъ общества.

Евреи занимаются почти исключительно лихвой, т. е. отдачей денегъ въ долгъ за большіе проценты, что христіанскому населенію было запрещено по церковному уставу.

Государственный строй подвергается въ теченіе этого періода преобразованію, которое отчасти, съ внѣшней стороны, держалось очень долго, до самаго паденія Польскаго государства. Характерной чертой этого преобразованія является постепенное ограниченіе верховной власти въ пользу силъ, вышедшихъ изъ общества, или точнѣе всѣхъ тѣхъ, которые изъ орудій князя превратились въ представителей привилегированныхъ сословій. Такъ, общественное развитіе тѣсно связано съ развитіемъ государственныхъ формъ, какъ это наблюдается, впрочемъ, всегда и вездѣ. Но вслѣдствіе устраненія прежнихъ властей возникли, и не могли не возникнуть, другія. Онѣ появляются уже въ теченіе этой эпохи, но пока не всѣ. Моментомъ ихъ полнаго развитія является 1370 годъ, годъ смерти Казимира Великаго. Въ данномъ случаѣ перемѣна династіи не ограничивается смѣной одной фамиліи другою; годъ этотъ важенъ не только въ политической исторіи, онъ имѣеть

огромное вліяніе и на государственнй строй. Оба эти года, 1370 и 1374, сливаясь между собой, замыкають этотъ періодъ.

**Княжеская
власть.** Княжеская власть остается въ рукахъ Пястовъ. Она продолжаетъ быть абсолютной властью, хотя привилегіи стѣсняють ее все болѣе и болѣе, навязывая ей точно опредѣленныя границы. Но, все-таки, это—еще высшая власть надъ обществомъ, хотя послѣднее и добивается понемногу нѣкоторыхъ правъ; но власть князей происходитъ не отъ общества; она у нихъ была и раньше, до появленія правъ общества; это—власть наслѣдственная, данная князьямъ Божьей милостью—*Dei gratia*, какъ они пишутъ въ документахъ. Одни Пясты имѣють право на престоль, хотя кругъ привилегированныхъ группъ растетъ въ эту эпоху. Какъ и раньше, только сыновья и внуки имѣють право добиваться участія въ наслѣдствѣ послѣ отца, или дѣда. Мужскіе родственники имѣють, по-прежнему, исключительно ипотечное право наслѣдства, равное для всѣхъ, несмотря на степень родства. О величинѣ надѣловъ, если дѣло касалось наслѣдниковъ въ прямой линіи, о призваніи къ наслѣдству—полному или части его, постороннихъ родственниковъ, рѣшаетъ, прежде всего, воля умирающаго. Если она не объявлена, то вопросъ рѣшался договоромъ между заинтересованными лицами, путемъ взаимнаго соглашенія, или же посредствомъ суда родныхъ или вельможъ; причеиъ нерѣдко и борьба была неизбежна.

Уже въ продолженіи этого періода ходять слухи объ избраніи князей народомъ. Но этого не слѣдуетъ понимать въ смыслъ произвольнаго избранія обществомъ правителя. Въ данномъ случаѣ, выборы замѣняютъ лишь необъявленную волю того, послѣ кого осталось наслѣдство; это только указаніе на извѣстную личность непременно изъ среды тѣхъ, которые уже имѣютъ ипотечное право на престолъ. Слѣдовательно это не есть право свободнаго избранія главы государства, такъ какъ нельзя выступить за предѣлы рода Пястовъ. Перемѣна заключалась въ томъ, что увеличивается привилегированный классъ; кромѣ того, уже съ XIII-го вѣка (первоначально въ нѣкоторыхъ силезскихъ линіяхъ, а потомъ и въ мазовецкихъ) начинается выработка признаніе правъ родства и за женщиной: женщины изъ рода Пястовъ пока исключены изъ среды наслѣдниковъ, но ихъ потомки, а слѣдовательно родственники Пястовъ по женской линіи уже могутъ претендовать на престолъ, теперь они получаютъ такое же ипотечное право, какимъ пользуются члены боковой мужской линіи. Каждого изъ нихъ умирающій князь можетъ назначить наслѣдникомъ, но не обязанъ. Онъ также вовсе не связанъ и степенью родства. Права всѣхъ родственниковъ равносильны, такъ что наслѣдникомъ можетъ стать болѣе далекій родственникъ по женской линіи, помимо болѣе близкаго по мужской. Признаніе родственныхъ правъ за женщиной все шире и шире распространяется, въ особенности въ теченіе XIV-го вѣка. Такимъ образомъ въ Польшу попадаютъ чужестранныя династіи: сначала чешская линія Пржемыслава, затѣмъ Андегавен-

скій домъ. Передача престола Казиміромъ В.—Людовику венгерскому не нарушила вовсе правъ Пястовъ, оставалась въ предѣлахъ принятыхъ и существующихъ обычаевъ.

Въ началѣ этого періода теряются слѣды учрежденія сеніората. Принципъ раздѣла, основанный на законно-приватныхъ отношеніяхъ Пястовъ къ власти и государству, благодаря стеченію обстоятельствъ доводитъ до раздѣловъ, продлившихся довольно долгое время. Раздѣлы были основаны обыкновенно на естественныхъ различіяхъ между помѣстьями, не успѣвшими тѣсно сплотиться. Отчасти же они были случайны, искусственны, и тогда легче нарушались. Число раздѣленныхъ участковъ растетъ въ теченіе XIII столѣтія, даже еще въ XIV вѣкѣ прибываютъ новые. Первоначально понятіе польскаго государства выражалось титуломъ князей, которые называли себя всѣ князьями Польши—«*dux Poloniae*». Но уже въ первой половинѣ XIII столѣтія титулъ этотъ замѣняется титуломъ князя удѣльнаго, а именно—Краковскаго, Лэнчицкаго, Куявскаго и пр. Съ этихъ поръ Польшу объединяетъ лишь церковная нераздѣльность, образуемая Гнѣзненской архіепархіей.

Только подъ конецъ XIII столѣтія вновь обнаруживается стремленіе къ единой державѣ, выраженное коронаціей Пржемыслава II (1275 г.), Вацлава II (1300 г.), а затѣмъ, Локѣтка (1320 г.) и Казиміра Великаго (1333 г.). Теперь уже коронація имѣетъ не только внѣшнее значеніе, какъ прежде, но и внутреннее, какъ символъ единой державы. Но само названіе «*королевства*»—вслѣдствіе коронаціи Пржемы-

слава II, бывшего лишь княземъ Великопольши, является понятіемъ болѣе ограниченнымъ, заключая въ своихъ предѣлахъ только Великопольшу. Rex Poloniae—это король Великопольскій, хотя, начиная съ Локѣтка, коронація происходитъ въ Краковѣ. И несмотря на то, что уже во времена Казимира Великаго начинается понемногу вырабатываться болѣе широкое понятіе королевства, какъ цѣлой Польши, слѣдъ этого все-таки удержался съ тѣхъ поръ навсегда: «rex Poloniae, dux Cracoviae, Sandomiriae» и т. д.—называетъ себя король польскій; недостаетъ титула князя Великопольши, такъ какъ онъ обозначался именно первымъ титуломъ—королевскимъ. И насколько дѣло касается внутреннихъ отношеній, то взглядъ такого рода вполне правиленъ. Обыкновенно, дѣятельность Локѣтка и Казимира Вел. понимаютъ ошибочно: они вовсе не объединили всѣхъ удѣловъ; нѣтъ у нихъ Мазовша; гораздо позднѣе, къ ихъ владѣніямъ примыкаютъ отдѣльныя части Куявъ, а Лэнчица, Сѣрадзъ, Добжынь—въ то время, имѣютъ, пока, собственныхъ князей. Всего важнѣе для пониманія тогдашняго строя,—это то, что, кромѣ всего другого, соединеніе удѣловъ носило чисто механическій характеръ. На послѣднее обстоятельство слѣдуетъ обратить особое вниманіе, чего до сихъ поръ не дѣлалось. Король—все равно, Локѣтокъ или Казимиръ,—является королемъ Великопольши, княземъ Краковско-Сандомирскимъ въ Малой Польшѣ, Лэнчицкимъ въ Лэнчицкой землѣ и пр. Кромѣ личности государя, удѣлы эти еще не связаны ничѣмъ; собственно говоря—онъ, государь, объединяетъ ихъ въ

своихъ рукахъ. Нѣтъ никакихъ общихъ законовъ, общихъ съѣздовъ, общихъ должностей. Попросту говоря, нѣтъ еще понятія Польскаго государства. Только при Казимірѣ Великомъ понемногу удѣлы начинаютъ объединяться. Окончательно же они объединились лишь послѣ смерти Казиміра, и даже вслѣдствіе этой смерти. Она была цементомъ польскаго государства.

Должности. Организация властей остается первоначально такой, какою была раньше. Каждый князь имѣлъ свой дворъ съ воеводой во главѣ, наряду съ кастелянами, сидящими по городамъ. Но уже въ началѣ XIII вѣка замѣчается стремленіе со стороны этихъ сановниковъ удержать за собой должность, несмотря на то, что данная область перестаетъ управляться своимъ особымъ княземъ, вслѣдствіе соединенія съ другой. Тутъ дѣло касалось равнымъ образомъ вопроса о власти и значеніи, какъ и о томъ надѣлѣ, который по праву принадлежалъ каждой изъ должностей. Чѣмъ значительнѣе была естественная разница между соединяемыми областями, тѣмъ легче эти отдѣльныя должности могли удержаться, въ особенности если князь объединялъ области мирнымъ путемъ: тогда, очевидно, онъ не могъ желать вооружать противъ себя сановниковъ, посредствомъ низложенія ихъ съ должности. Въ теченіе XIII вѣка правило о томъ, что должности въ присоединяемыхъ областяхъ остаются, прививается все сильнѣе. Иногда, участокъ земли лишь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составлялъ отдѣльное княже-

ство, и этого было довольно, чтобы там оставалась цѣлая іерархія съ воеводой во главѣ. Такимъ образомъ, князь имѣеть уже не одного воеводу, подкоморьяго, судью и пр., а столько этихъ сановниковъ, сколько областей объединилось подъ его властью. Теперь—это ужъ не придворныя должности, а должности, тѣсно связанныя съ понятіемъ области. И какъ первоначально сановниковъ этихъ опредѣляли въ зависимости отъ князя, — напримѣръ, воевода Лешка, подкоморій Конрада и т. д., такъ теперь ихъ начинаютъ называть по названію областей, а именно: краковскими, кувявскими и проч. Словомъ, придворная іерархія замѣняется земскою. Сановники, происходящіе изъ знатнѣйшихъ фамилій области, защищаютъ прежде всего ея интересы, а не княжескіе. Позднѣе отъ названія верхнихъ сановниковъ—воеводъ стали называть и владѣнія, подчиненныя всей іерархіи съ воеводой во главѣ—воеводствомъ. Въ Малой Польшѣ уже въ началѣ XIII вѣка утверждаются двѣ іерархіи, а слѣдовательно образуются два воеводства: Краковское и Сандомирское. Въ Великопольшѣ въ половинѣ XIII столѣтія возникаютъ окончательно три воеводства: Познанское, Гнѣзненское и Калишское, но позднѣе два послѣднихъ сливаются въ одно Калишское. Кувявское считается съ 1231 г., Лэнчицкое съ 1232 г., Сѣрадзское возникло въ 1264 г. Вслѣдствіе раздѣла, изъ Куява въ 1267 г. выдѣляются два воеводства: Иновроцлавское и Добжинское; послѣднее въ XIV вѣкѣ утратило воеводу, и поэтому продолжаетъ существовать подъ названіемъ «Добжинской земли». Кромѣ того, въ XIV вѣкѣ

существуетъ еще, нѣкоторое время, Гнѣвковское воеводство, которое однако вскорѣ исчезло, примкнувъ къ Иновроцлавскому.

Но не всякое воеводство имѣло одно и то же число должностей. Ихъ бывало тѣмъ больше, чѣмъ больше извѣстная область существовала самостоятельно. Въ исключительныхъ случаяхъ, нѣкоторыя должности были общими для нѣсколькихъ областей: напримѣръ, должность канцлера въ Великой и Малой Польгѣ. Компетенція этихъ должностей осталась такою же, какъ мы ее опредѣлили раньше. Очевидно, это преобразование придворныхъ должностей не могло остаться безъ вліянія на ихъ дальнѣйшую судьбу. Эта организація отжила. Князья почувствовали недостатокъ въ такихъ властяхъ, которыя бы прямо отъ нихъ зависѣли, особенно когда, вслѣдствіе объединенія областей, государь не могъ уже, какъ раньше, всѣмъ лично самъ заниматься. Въ концѣ XIII вѣка появляются признаки введенія новаго учрежденія, но въ полной мѣрѣ создаютъ его только чешскіе Пржемыславичи. Это такъ называемые старосты. Чехи ставятъ старосту для каждой области отдѣльно. Такъ, для Кракова (1290) сначала ставится одинъ староста, который послѣ присоединенія Сандомирской земли распространилъ свою власть и на эту землю. Послѣ объединенія другихъ частей Польши (1300) ставятся особые старосты для Великопольши, Лэнчицы, Сѣрадза, Куява и Поморья. Послѣ ухода чеховъ (1306 г.) исчезаютъ и старосты. Но вскорѣ (послѣ 1310 г.) должность эта возстанавливается. Однако говорить о подражаніи чешскимъ порядкамъ—

нельзя; должность эта была необходима при новомъ устройствѣ отношеній, возникшемъ вслѣдствіе упраздненія прежнихъ должностей.

Если области (за исключеніемъ Малой Польши) принадлежали Локѣтку и Казимиру Великому, то каждая изъ нихъ получала своего старосту: такъ, имѣли своихъ старостъ—Великопольша (по принципу, одного для обоихъ воеводствъ), Лэнчица, Сѣрадзъ, Куявы брестскіе, Куявы иновроцлавскіе, и Добжаны, и даже временно Накельская земля, составлявшая, впрочемъ, часть Великопольши. Эти старосты играютъ роль намѣстниковъ короля, въ предѣлахъ общихъ постановленій, какъ въ области управленія страной, такъ и въ военномъ и судебномъ вѣдомствѣ. При нихъ земская іерархія отошла на задній планъ, въ особенности воевода почти совершенно потерялъ свое значеніе; ему осталось лишь судопроизводство надъ евреями и первенствующее мѣсто среди прочихъ земскихъ должностей. Подкоморій удержалъ за собой дѣятельность межегового судьи; другія должности—хорунжихъ, кравчихъ, стольниковъ и пр. остались титулами безъ значенія. Королевскими сановниками являются теперь старосты. Но не надо забывать, что старость нѣтъ въ Малопольшѣ, гдѣ король обыкновенно пребываетъ лично; не будучи въ состояніи и тутъ справиться съ обязанностями, онъ былъ принужденъ расширить власть уже существующихъ должностей (судьи, подсудка), или же создавать новыя должности поменьше, имѣющія цѣлью помогать королю, и исполняющія часть обязанностей, лежащихъ въ другихъ областяхъ на старостахъ. Отсюда

въ Малой Польшѣ, во времена Локѣтка и Казимира, появляются такъ называемые палачи (iustictionarii) какъ судьи въ дѣлахъ уголовныхъ, которыхъ нѣтъ въ другихъ мѣстностяхъ, такъ какъ тамъ уголовныя дѣла вѣдали старосты. Наряду съ придворными подобныя же измѣненія претерпѣваютъ и кастелянскія должности.

Кастелянства, раньше довольно измѣнчивыя, теперь въ теченіе XIII вѣка утверждаются, но костенѣютъ. Кастелянъ все чаще и чаще ввѣряетъ свои обязанности въ руки назначенныхъ имъ кастелянскихъ чиновниковъ: кастелянскихъ «влодарей» (приказчиковъ) и судей. Въ дѣлахъ военныхъ его замѣщаетъ назначаемый княземъ «войскій» (tribunus). Такимъ образомъ, и это учрежденіе начинаетъ клониться къ упадку. И кастелянъ перестаетъ быть оплотомъ князя, а начинаетъ больше заботиться о своемъ положеніи въ ряду чиновниковъ и также превращается въ земскаго чиновника. Въ первыя десятилѣтія XIV-го столѣтія и эта область претерпѣваетъ перемѣну строя: часть имѣній каждаго кастелянства перешла въ собственность кастеляна, въ формѣ его жалованія, которое онъ бралъ до тѣхъ поръ изъ доходовъ кастелянства безъ точнаго счета, а все прочее отнималъ король. Такіе договоры заключалъ король съ каждымъ кастеляномъ въ отдѣльности: отнятыя у нихъ владѣнія государь отдавалъ старостѣ каждой области, пользуясь, такимъ образомъ, существованіемъ этой должности, чтобы организовать вновь хозяйственную администрацію страны. Въ каждой области староста вступалъ во владѣніе всѣми королевскими помѣстьями, изъ конхъ

лишь нѣкоторыя стали раздаваться монархами въ формѣ аренды, чаще всего въ видѣ залога. Староста держалъ королевскія имѣнія «въ вѣрныхъ рукахъ», какъ говорилось тогда, т. е. долженъ былъ давать королю отчетъ въ доходахъ, или бралъ ихъ въ формѣ аренды, т. е. платилъ постоянную годовую подать, въ теченіе того времени, на которое онъ эти имѣнія по договору получилъ, или же, наконецъ, бралъ ихъ въ видѣ залога, за извѣстную сумму, выдаваемую королю сполна, съ тѣмъ условіемъ, что пока король не вернетъ ее старостѣ, тотъ имѣетъ право пользоваться всѣми доходами области безотчетно. Во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ староста обязанъ былъ давать королю станцію, е. е. содержать короля со дворомъ во время ихъ пребыванія въ данной области. Размѣры этой обязанности опредѣлялись обычаемъ. Подъ конецъ своего правленія, кажется, около 1368 года, Казиміръ Вел. издалъ уставъ, опредѣляющій положеніе старосты, насколько тѣ держали имѣнія «въ вѣрныхъ рукахъ». Такъ какъ староста долженъ былъ частью доходовъ покрывать расходы, вызываемые его должностью, то, очевидно, онъ легко могъ уменьшить въ свою пользу удѣлъ короля. Теперь опредѣлили—какіе доходы идутъ въ пользу монарха, а какіе въ пользу старосты. Казнѣ, главнымъ образомъ, были предоставлены подати, а старостѣ доходы «in natura», изъ которыхъ онъ долженъ былъ покрывать станцію. Тогда преобладала, кажется, система раздачи областей въ вѣрныя руки, или въ аренду, но появляется и залогъ и начинаетъ все болѣе распространяться. Это соединеніе общественной дѣятельности — замѣстительства

короля съ хозяйственной администраціей имѣній, составляетъ характерную черту развитія должности старость. Оно вредно вліяетъ на выборъ старосты: не тотъ становился старостой, кто имѣлъ соответствующія данныя для хорошаго исполненія должности, но тотъ, кто больше давалъ, кто предлагалъ вышшую подать или закладную сумму. Въ то время еще не чувствовались вредныя послѣдствія этого смѣшенія законно-общественныхъ и законно-частныхъ обязанностей, но причины общественнаго зла лежали именно въ этомъ смѣшеніи. Внутренняя администрація королевскихъ имѣній, управляемыхъ старостами, зависѣла отъ старостъ, которые, въ свою очередь, отдавали эти имѣнія въ аренду, или «въ вѣрныя руки».

Такъ какъ, одновременно съ имѣніями, старосты управляли также и городами, бывшими въ рукахъ кастелянъ не только центрами администраціи, но и крѣпостями, то старосты назначали въ нихъ по своей волѣ военныхъ намѣстниковъ—бургграфовъ. Такимъ образомъ всѣ гроды въ предѣлахъ области находились подъ властью старосты, который управлялъ ими при посредствѣ своихъ бургграфовъ.

Иначе сформировались отношенія въ Малой Польшѣ. Когда кастелянства подверглись постепенному разложенію, здѣсь не оказалось старостъ, которымъ можно было бы ввѣрить кастелянскую власть; надо было создать новыя должности, до сихъ поръ неизвѣстныя. Администрацію имѣній короля во всей Малой Польшѣ, т. е. въ Краковской и Сандомирской областяхъ, взяли въ свои руки особые управляющіе, а вскорѣ уже при Локѣткѣ — одинъ, такъ называемый краковскій на-

мѣстникъ, который отдавалъ управленіе отдѣльныхъ участковъ этихъ имѣній въ руки такъ называемыхъ подручныхъ. Имѣнія эти — намѣстничества, какъ потомъ говорили, держалъ онъ «въ вѣрныхъ рукахъ». Кажется, что ни въ аренду, ни подъ залогъ никогда этихъ имѣній не отдавали. Однако, военной администраціи городовъ намѣстникъ не получилъ. Для этого ввели новую должность — бургграфовъ, назначае­мыхъ королемъ по одному въ каждый городъ. Ихъ слѣдуетъ отличать отъ бургграфовъ другихъ областей, такъ какъ тѣ были лишь служителями старостъ, эти же — чиновниками короля. Такимъ образомъ, въ Малой Польшѣ, кромѣ палачей, были еще намѣстникъ и королевскіе бургграфы, но въ ней, до самой смерти Казимира Вел., не было старостъ.

Должность старосты образовалась на почвѣ разлагающихся земскихъ учрежденій и кастелянствъ. Уже въ теченіе этого періода нѣкоторыя земскія должности начинаютъ превращаться въ придворныя, или государственныя (понятія эти пока тождественны) и возникаютъ новыя, раньше неизвѣстныя должности, какъ исключительно придворныя. Къ первымъ принадлежатъ: канцлеръ и подканцлеръ краковскій и краковскій казнохранитель, начинающіе уже распространять свою дѣятельность за предѣлы Малой Польши; ко вторымъ — маршалъ, являющійся при Казимирѣ Вел. гофмейстеромъ, и кухмистеръ. — Но это лишь начало этихъ новыхъ властей.

Въче. Таковы были задачи и кругъ дѣйствій указанныхъ выше должностей, таково ихъ развитіе. Однако, кромѣ этой стороны дѣятельности должностныхъ лицъ слѣдуетъ принять во вниманіе и другую, т. е. ихъ значеніе, какъ сановниковъ. Это относится, прежде всего, — собственно говоря, пока исключительно, — къ земскимъ должностямъ, и находится въ связи съ эволюціей, которой всѣ онѣ подвергаются, превращаясь изъ должностей придворныхъ въ земскія. Государь Польши былъ во времена первыхъ Пястовъ — когда ему удалось окончательно побѣдить значеніе родовъ, — государемъ абсолютнымъ. Но, очевидно, онъ принужденъ былъ опираться на помощь, оказываемую ему нѣкоторыми изъ членовъ общества, тѣсно съ нимъ связанными; будучи даже самодержавнымъ государемъ, князь долженъ былъ съ ними считаться, какъ съ опорой власти. Пока держалась фактически нераздѣльность страны, государь былъ достаточно силенъ, чтобы не допустить сановниковъ до болѣе сильнаго вліянія на себя. Но Польша распадается, — слѣдовательно, князья представляютъ изъ себя меньшую силу по отношенію въ вельможамъ, притомъ развитіе отношеній послѣднихъ къ землѣ придаетъ имъ болѣе сильное положеніе. Такъ же и въ столкновеніяхъ между князьями изъ-за сеніората, или областей, значеніе вельможъ растетъ; они начинаютъ наконецъ получать привилегіи, организоваться на основаніи родства и гербовъ. Они становятся все сильнѣе, все могущественнѣе, все болѣе и болѣе соблюдаютъ свои интересы, не всегда сходные съ интересами верховной власти.

Усилившись въ теченіе областнаго періода, они еще болѣе начинаютъ отдѣлять себя отъ князей. Формой, въ которой проявляется это стремленіе, является вѣче. Подъ словомъ «вѣче» разумѣлся вообще съѣздъ. Во времена раздѣловъ каждый почти князь имѣлъ своихъ чиновниковъ, при своемъ дворѣ, такъ что до половины XIII вѣка о вѣчахъ или съѣздахъ говорится исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда собирались князья со своими дворами. Но разъ земскія должности становятся все чаще и чаще, лишь почетными; разъ, что быть можетъ даже важнѣе, области начинаютъ объединяться, князь, желая узнать мнѣніе своихъ чиновниковъ долженъ былъ специально созывать ихъ, прибывая въ данную область. Вотъ — собственное вѣче (*colloquia*). Оно собирается отъ времени до времени, въ случаѣ надобности. На вѣчѣ обсуждаются всѣ важнѣйшіе общественные вопросы, на вѣчѣ князь рѣшаетъ серьезныя судебныя дѣла. Хотя нѣтъ еще законныхъ ограниченій, которыя заставили бы князя руководиться совѣтами вѣча, однако онъ уже такъ зависитъ отъ своихъ вельможъ, что не можетъ, буквально, безъ нихъ обойтись. Когда же появляются старосты, то наряду съ королемъ, который попрежнему пріѣзжаетъ въ области на вѣче, и старосты созываютъ вѣча, но главнымъ образомъ для суда и кромѣ судебныхъ дѣлъ рѣшаютъ лишь менѣе важные мѣстные вопросы. Одно слѣдуетъ отмѣтить: вѣча эти происходятъ въ каждой области въ отдѣльности; единственно Великопольша, т. е. воеводства: Познанское и Калишское, и Малая Польша, т. е. воеводства Краковское и Сандомирское — имѣютъ общее вѣче, по-

тому что воеводства Малой и Великой Польши, находясь долго подъ властью однихъ и тѣхъ же князей, тѣснѣе объединились между собой. Впрочемъ, каждая область управляется сама, или съ королемъ, или со старостой, какъ его намѣстникомъ, во главѣ. О какихъ-нибудь сѣздахъ цѣлой Польши или нѣсколькихъ даже областей, еще нѣтъ и рѣчи. Каждая область живетъ исключительно собственной жизнью, другія ей почти что чужды. Сознаніе единства лишь только вырабатывается, а потому и не могло быть общихъ совѣтовъ, разъ не было общихъ вопросовъ.

Среди отраслей государственной администрации. **Войско.** страціи, обыкновенно, выдѣляются и обсуждаются каждое въ отдѣльности три вѣдомства: военное, казенное и судебное. Однако, въ теченіе этого періода, вѣдомства эти оставались тѣсно связанными съ другими, о чемъ мы уже неоднократно упоминали раньше. Обязанность военной службы продолжаетъ тяготѣть на «*milites*». Каждый изъ нихъ обязанъ явиться на войну безъ всякихъ ограниченій, по призыву князя, какъ въ случаѣ оборонительной войны, такъ и наступательной. Въ зависимости отъ своего имущества, онъ долженъ имѣть соответственное вооруженіе, лучше или хуже, и даже вооруженную свиту, составленную иногда изъ нѣсколькихъ людей. Дальше, прибываетъ новая вооруженная сила, въ лицѣ солтысовъ деревень, основанныхъ по германскому закону, которые до тѣхъ поръ должны были лишь сопровождать въ походъ своего господина только въ случаѣ огромной потребности, когда призывали къ оружію все

зависимое населеніе. Въ иммунитетныхъ привиллегіяхъ это право князя было сильно ограничено. Походъ велся подъ предводительствомъ князя, отчасти же его замѣстителемъ (по его точному приказу)—воеводой. Со времени появленія старостьъ призывъ рыцарства къ войнѣ, по приказу князя, принадлежитъ уже имъ, равнымъ образомъ, какъ и предводительство походомъ, если дѣло касалось частнаго похода, т. е. одной области, а не общаго, подъ предводительствомъ короля. Въ случаѣ внезапной потребности староста могъ созвать рыцарство, даже не обращаясь къ королю. Наряду съ рыцарствомъ военную опору составляютъ также и бурги, состоящіе подъ властью кастеляновъ, а затѣмъ старостьъ, и, отчасти, въ Малой Польшѣ—бургграфовъ. Для ремонта бурговъ, для постройки новыхъ, староста могъ призывать населеніе церковныхъ и рыцарскихъ имѣній. Но и тутъ, относительно церкви, право это было ограничено или вовсе устранено иммунитетными привиллегіями, но оно продолжало существовать относительно рыцарскихъ имѣній.

Казначейство. Основой княжеской казны были доходы съ имѣній, управляемыхъ на основаніи кастелянскаго, а позднѣе старостинскаго и намѣстническаго строя. Рядомъ съ этимъ князья получаютъ еще доходы съ таможи, которая имѣетъ первобытный характеръ мыта, и лишь въ теченіе XIII и XIV вѣка начинаетъ подраздѣляться на мытъ и собственно таможенную пошлину, взимаемую не только на границахъ, но и внутри страны, особенно на пересѣченіи путей и въ торговыхъ центрахъ. Наконецъ, въ Краковской землѣ значитель-

ные доходы даютъ соляныя копи, которыми шире стали пользоваться съ половины XIII вѣка. Точно организовалъ ихъ Казиміръ Вел. въ 1368 году. Однако, пока существовало естественное хозяйство, казна князя содержала лишь драгоценности (сокровищница) и документы (т. е. *archiwum*). Завѣдываніе сокровищницей и *archiwum* принадлежало казначею. Небольшимъ капиталомъ завѣдывалъ монетчикъ. Только послѣ реорганизаціи бурговаго строя, что было тѣсно связано съ вопросомъ замѣны натурального хозяйства денежнымъ, въ казну начинаютъ поступать большія количества монеты, хотя еще нѣтъ и рѣчи о нераздѣльности казны, такъ какъ старосты, получавшіе доходы съ областей, выдавали деньги въ видѣ ассигнацій, не переводя ихъ въ казну. Однако, значеніе послѣдней возрастаетъ. Краковскій казначей, какъ казначей той области, гдѣ обыкновенно пребываетъ король, начинаетъ выдѣляться изъ среды другихъ казначеевъ, которые исчезаютъ, или по крайней мѣрѣ теряютъ свои вѣдомства. Теперь его начинаютъ звать придворнымъ казнохранителемъ. Расходы идутъ, главнымъ образомъ, на содержаніе княжескаго двора, насколько этихъ расходовъ не покроятъ станціи старость. Другая издержка это—постройка бурговъ и въ особенности при Казимірѣ Вел. великолѣпныхъ замковъ, костеловъ и т. д. Войско не стоитъ ничего, также нѣтъ никакихъ расходовъ на администрацію государства, ибо чиновники получаютъ жалованіе землею. Очевидно, нѣтъ еще никакой разницы между королевской и государственной казной. Существуетъ лишь одна нераздѣльная казна, такъ же какъ и понятіе о королѣ сливается пока съ понятіемъ о государствѣ.

Относительно судебного вѣдомства слѣдуетъ
Суды. отличать судопроизводство надъ дворянствомъ и судопроизводство надъ крестьянскимъ и городскимъ населеніемъ. Уже въ предшествующей эпохѣ выработалось правило, что milites подчиняются лишь суду князя, или замѣстителя послѣдняго—воеводы. Надъ «milites»—кастеляны, какъ это неоднократно говорилось,—никакой судебной власти не имѣли. Князь производилъ судъ въ той области, въ которой находится, въ своемъ дворцѣ, въ присутствіи своихъ чиновниковъ. Но болѣе важные вопросы, въ особенности касающіеся земли, рѣшаетъ обыкновенно, главнымъ образомъ въ XIII-мъ столѣтіи, вѣче. Судья, отчасти подсудокъ, только помогаютъ князю формально вести судъ; приговоръ зависитъ отъ князя. Когда въ XIV-мъ вѣкѣ появляются старосты, то, наряду съ королевскими судами, производимыми столько разъ, сколько разъ король посѣщалъ данную область—уже и старосты судятъ въ тѣхъ же предѣлахъ, что и король, а слѣдовательно, или въ присутствіи тѣхъ, которые состоятъ при старостѣ, или же на вѣчѣ, когда староста созываетъ всѣхъ сановниковъ области. Такіе вѣчевые суды производятся нерегулярно, а когда ихъ староста созоветъ. Но уже въ половинѣ XIV-го вѣка староста не въ состояніи засѣдать на всѣхъ судахъ лично, поэтому онъ представляетъ себѣ лишь предсѣдательство на вѣчахъ и уголовныя дѣла, другіе же вопросы отдаетъ рѣшенію судьи и подсудка, которые обсуждаютъ ихъ на обыкновенныхъ судахъ, такъ называемыхъ «рочкахъ». Еще при Казимірѣ Великомъ начинаютъ опредѣляться по-

Стоянныя дни и мѣста, въ которыхъ судья и подсудокъ производятъ «рочки». Въ каждой области, такимъ образомъ, находится одинъ судья и одинъ подсудокъ, и они объѣзжаютъ область, являясь въ извѣстные дни въ опредѣленныя мѣстности. Такимъ путемъ начинаетъ утверждаться раздѣлъ на уѣзды, донинѣ совершенно неизвѣстный.

Нѣсколько иначе развивалось это дѣло въ Малой Польшѣ. Тутъ судья и подсудокъ приобрѣли раньше нѣкоторую самостоятельность, такъ какъ король, болѣе чѣмъ староста, занятый государственными вопросами, тѣмъ менѣе имѣлъ времени для занятій по судебному вѣдомству. Однако важнѣйшія дѣла представлялись всегда королю. Но съ 1362 года и тутъ начинаютъ появляться вѣча безъ участія короля. Разница между этими вѣчами заключается въ томъ, что нѣтъ на нихъ старость (такъ какъ вообще они въ Малой Польшѣ не существуютъ), а засѣдаютъ въ главѣ вѣча знатнѣйшіе земскіе сановники: воевода, кастеляны и пр., хотя, впрочемъ, составъ ихъ точно не былъ опредѣленъ. Вѣча эти совмѣстили дѣятельность короля относительно важнѣйшихъ вопросовъ, хотя и здѣсь король, насколько ему позволяло время, продолжалъ производить суды. Вѣча малопольскія отличаются отъ прочихъ областныхъ тѣмъ, что сразу, по ихъ установленіи, имъ отвели постоянныя мѣста (Краковъ, Сандомиръ, Вислица, Радомъ, Люблинъ) и извѣстные дни въ году (трижды въ годъ), въ которые они должны были собираться. Точное опредѣленіе мѣстъ производства «рочковъ», на которыхъ засѣдалъ судья и подсудокъ, времени ихъ созыва, и наконецъ распредѣленіе уѣздовъ совершается и

здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ областяхъ, а можетъ быть было и раньше. Во всей Польшѣ одинъ вопросъ не подлежалъ этимъ судамъ, это—межевые споры. Послѣдніе рѣшались въ каждой области областнымъ подкоморіемъ.

Судебную власть надъ несвободнымъ населеніемъ имѣлъ съ самаго начала исключительно господинъ послѣдняго: рыцарь (shiles) въ своихъ имѣніяхъ, церковь въ своихъ, и лишь въ королевскихъ владѣніяхъ—кастелянъ. Судебному вѣдомству кастеляновъ подчинялось и свободное населеніе, осѣдлое на чужой землѣ, рыцарской, церковной и королевской. Однако иммунитетны привилегіи отдала церкви, а впоследствии и милесамъ, также судебную власть и надъ свободными, живущими въ ихъ имѣніяхъ, что значительно способствовало сліянію этихъ двухъ слоевъ въ одинъ. Еще быстрѣе исчезла разница между ними въ кастелянствахъ, ибо здѣсь кастелянъ имѣлъ, хотя и по различнымъ законамъ, судебную власть и надъ свободнымъ и надъ несвободнымъ населеніемъ. Значитъ, уже тогда въ Польшѣ вполне выработалась вотчинная подсудность. Это положеніе дѣла измѣнило германская колонизація, но только относительно тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ утвердилось германское право, другія же деревни остались при своемъ прежнемъ судебномъ строѣ, т. е. при вотчинной подсудности. Въ колонизованныхъ же деревняхъ возникаетъ для каждой изъ нихъ въ отдѣльности особый судъ старшинъ съ солтысомъ во главѣ, обсуждающій гражданскія и уголовныя дѣла по нѣмецкимъ законамъ. Тоже и въ городахъ, гдѣ судебное вѣдомство покоится въ рукахъ войта и суда старшинъ, съ ко-

Торымъ, однако, относительно **безспорныхъ** **вопросовъ**, начинаетъ соперничать **городской совѣтъ**. **Такимъ** путемъ добилось **городское населеніе**, подобно **части земледѣльческаго**, своего **собственного суда**. Суды эти собирались отъ времени до времени не въ **опредѣленные сроки**, а **трижды въ годъ**; кромѣ того, собирались такъ называемые **большіе открытые (гласные) суды**, на которыхъ **засѣдалъ самъ владѣлецъ**, или его **замѣститель**.

Рядомъ съ этими судами возникли еще вслѣдствіе **колонизаціи** и другіе, а именно, такъ называемые «**удѣльные суды солтысовъ**». Если дѣло касалось **солтыса (или войта)** и его **правъ на эту должность**, то эти вопросы могъ рѣшать только его **господинъ**, вмѣстѣ съ **судомъ**, составленнымъ изъ **семи солтысовъ**. Это потому, что на отношеніе **солтыса къ владѣльцу** смотрѣли какъ на **ленное отношеніе**, а **ленному господину** было позволено **судить солтыса единственно въ присутствіи суда**, составленнаго изъ **равныхъ ему людей**. Такой судъ **созывался владѣльцемъ** въ случаѣ **надобности**, путемъ **приглашенія своихъ**, или **чужихъ солтысовъ**, такъ какъ **рѣдко у него было соотвѣтственно число своихъ**. Въ **XIV-мъ вѣкѣ** стали возникать въ **болѣе обширныхъ владѣніяхъ** такіе **постоянные суды**.

Отъ этихъ **судовъ** слѣдуетъ отличить такъ называемые **вышіе суды германскаго права**. Такими судами считались **тѣ**, которые на основаніи **обычая** или же **приказа владѣльца** давали другимъ судамъ **правовые совѣты**, или **приговоры**—«**ортили**». Вотъ эти **то ленные суды** и были одновременно **вышими судами**, ибо къ нимъ **охотно обращались за совѣтомъ**

городскіе и деревенскіе суды старшинъ. Однако, въ особо важныхъ вопросахъ ссылались еще въ XIV-мъ вѣкѣ на Магдебургъ. Только Казиміръ Великій предпринялъ широкой планъ учрежденія суда, который замѣстилъ бы всѣ эти мелкіе суды, распространилъ бы свою власть на значительное пространство государства, хотя бы на всю Малую Польшу (въ Великопольшѣ ленные суды не были извѣстны). Въ 1356 г. онъ основываетъ высшій судъ германскаго права въ краковскомъ замкѣ и преобразовываетъ его еще въ 1365 г. Этотъ судъ имѣлъ цѣлью быть леннымъ судомъ для солтысовъ, и въ то же время высшимъ, который давалъ бы судебные совѣты, устраняя такимъ путемъ обращеніе за ортіями въ Магдебургъ. Но король имѣлъ право сдать этому суду полную власть только относительно своихъ владѣній. Поэтому, онъ вступилъ въ соглашеніе съ нѣкоторыми крупными монастырями Малой Польши, и они признали власть этого суда относительно и своихъ помѣстій. Надъ этимъ судомъ, состоящимъ изъ старшинъ, выбираемыхъ среди солтысовъ королевскихъ и монастырскихъ имѣній, король поставилъ такъ называемый судъ шести городовъ, задачей котораго было собираться въ случаѣ нужды, въ качествѣ высшаго судебного мѣста. Старшинъ въ этотъ судъ выбирали малопольскіе города въ числѣ шести; отсюда его названіе. Оба эти суда дѣйствительно вступили въ свои обязанности; однако надежды короля не вполне осуществились. Еще въ XIV-мъ вѣкѣ возникаютъ новые высшіе и ленные суды въ частныхъ (церковныхъ) имѣніяхъ и за ортіями продолжаютъ посылать въ Магдебургъ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Общество организовавшись на основаніи привиллегій, создало сословія. Періодъ этотъ, начиная съ Кошицкой привиллегіи—сословная эпоха; ее можно назвать эпохой равновѣсія сословій. Хотя всѣ сословія и не считаются равными между собой, однако, каждое имѣетъ свои собственные привиллегіи, свою особую область дѣятельности, въ предѣлахъ которой свободно можетъ двигаться, жить и развиваться. Но въ исторіи нѣтъ и не должно быть безусловнаго застоя. Если сравнительно прочныя формы остаются долго безъ замѣтныхъ перемѣнъ, то это уже обозначаетъ шагъ назадъ. Польша же тогда дѣйствительно живетъ, развивается, дѣйствительно подвигается впередъ. Равновѣсіе сословій, считая съ конца приблизительно XV-го вѣка, начинаетъ колебаться, какъ оно уже раньше поколебалось на западѣ Европы, который, будучи культурно старше въ смыслѣ общественнаго и политическаго развитія, опередилъ Польшу больше чѣмъ на столѣтіе. Но въ Польшѣ

обстоятельства, среди которыхъ происходитъ это развитіе, инья, нежели на Западѣ. Опоздавъ, мы старались сравняться съ Западомъ и все болѣе и болѣе къ нему приближались. Быть можетъ, это не всегда было хорошо, но вообще такую эволюцію слѣдуетъ считать полезной. Тогда какъ народы западной Европы принуждены были сами разрѣшать задачи жизни, вытекающія изъ хода исторіи, основательно и послѣдовательно создавать и развивать правовыя установленія, способныя удовлетворить эти потребности, мы въ это время, при появленіи у насъ тѣхъ-же нуждъ и жизненныхъ вопросовъ, могли почти безъ труда и усилій пользоваться примѣромъ Запада, вмѣсто того чтобы самостоятельно творить, мы могли прямо переносить къ себѣ уже созданныя ранѣе установленія. Такимъ образомъ, мы избѣжали труднаго періода созданія учрежденій. Если на Западѣ между появленіемъ нужды и ея окончательнымъ удовлетвореніемъ протекало довольно много времени, у насъ эти два момента стояли ближе другъ къ другу, и потребность удовлетворялась гораздо быстрѣе. Такимъ образомъ, говоря о государственной организаціи, мы переняли въ началѣ нашей исторіи строй франконскаго двора, какъ основу строя центральныхъ властей. По франконскимъ образцамъ, изъ которыхъ самыя ранніе касались временъ Карла Великаго (*capitulare de villis*), организовалась система городовъ (бурговъ), какъ главный фундаментъ государственной организаціи. Деревни мы также не развивали послѣдовательно: съ Запада мы взяли схему, и хотя не вдругъ, но все-таки въ теченіе короткаго

Сравнительно промежутка времени достигли полного Экономическаго преобразованія Польши, въ особен-ности, когда наряду съ колонизаціей деревень, на нашей почвѣ привился и городской строй, уже оконча-тельно выработанный на Западѣ. Такихъ примѣ-ровъ можно привести много. Кромѣ этихъ самыхъ, быть можетъ, характерныхъ и яркихъ, мы подвига-лись впередъ не постепенно, шагъ за шагомъ, но скачками, иногда даже черезчуръ рѣзкими. Это имѣ-ло и свои дурныя стороны. Впрочемъ, заимствованіе учреждений съ Запада не происходило у насъ меха-нически. Учрежденія, задача которыхъ—быть фор-мой содержанія жизни, должны приноровиться къ этому содержанію; въ противномъ случаѣ, сила жиз-ни разорветъ ихъ, уничтожить, хотя, быть можетъ, послѣ упорной и вредной борьбы, или же форма эта, черезчуръ сильная, неподатливая убьетъ, или по крайней мѣрѣ изуродуетъ жизнь. Между тѣмъ формы, привитыя въ Польшѣ, обнаруживаютъ чрезвычайную жизненность, къ нимъ легко привыкають; этому оче-видно способствовали условія тогдашней польской жизни, когда вѣрно оцѣнивались потребности и удачно подбирались формы для ихъ удовлетворенія.

Любопытно однако—не было ли въ этомъ одной отрицательной черты? Не былъ ли этотъ процессъ черезчуръ стремителенъ? Въ первое время учрежде-нія, привитыя у насъ, дѣйствуютъ отлично, а это «первое время»—иногда цѣлыя столѣтія въ жизни народовъ. Но потомъ относительно нѣсколькихъ уч-режденій, на примѣръ колонизація деревень и горо-довъ (учрежденій первостепенной важности въ раз-

витіи государства) наблюдается, что они превосходно привились сначала, но потомъ не развиваются, какъ бы этого можно было ожидать. Деревня, какъ ее завели колонисты, городъ, какъ его преобразовали изъ предмѣстья, въ своихъ главныхъ основныхъ чертахъ остаются безъ измѣненія; перемѣнамъ подвергаются лишь украшенія, детали, а существенное содержаніе какъ-то мертвѣетъ, понемногу окаменѣваетъ. Мы не съумѣли преобразовать этихъ формъ быта, развить ихъ дальше, приноровить къ условіямъ измѣненной жизни, или замѣнить другими, болѣе новыми, болѣе подходящими. Тутъ невольно возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли были желательны эти прыжки впередъ, эти подражанія иностраннымъ образцамъ? Не лучше-ли было медленное, но постоянное развитіе собственныхъ польскихъ элементовъ, хотя бы мы даже и оставались далеко позади Европы.

На это трудно отвѣтить, ибо неизвѣстно, какъ бы развивались наши родные элементы. На одно лишь слѣдуетъ обратить вниманіе—мы сразу вступили въ область культурной жизни Европы. Случилось это въ силу факта, который выше всякихъ разсужденій. Наше географическое положеніе способствовало поддержанію сношеній съ Европой. У насъ не было ни китайской стѣны, ни глубокихъ морей, которыя отрѣзали бы насъ отъ міра, защищали бы отъ его вліянія, сдѣлали бы возможной совершенно изолированную жизнь, выработку всего изнутри себя и постепенное совершенствованіе своихъ формъ. Неизвѣстно также, хватило ли бы у насъ на это энергіи. И разъ мы принуждены были жить жизнью

западной Европы, то необходимо было стараться догнать ее, сравняться съ ней.—Это быть можетъ было дурно, быть можетъ, мы ее догнали слишкомъ скоро, но такъ сложились обстоятельства. Словомъ, такъ случилось, и иначе случиться не могло.

Общественный строй. Дворянство. Приведенныя выше замѣчанія касаются также и вопроса объ общественномъ развитіи, въ особенности развитія отношеній классовъ между собой и положенія дворянъ относительно городовъ, крестьянъ и государя. У насъ дворянство возникаетъ позже, чѣмъ на Западѣ, хотя тѣмъ же путемъ, но окончательная его организація совпала съ періодомъ, сравнительно болѣе раннимъ (говоря о степени общаго развитія), нежели въ другихъ странахъ Европы. Въ то время, когда распространились гербы, понятіе о родѣ еще существовало, но уже замѣтно слабѣло. Вслѣдствіе принятія гербовъ, понятіе это, благодаря гербовой общности, вновь воскресло. Усилилась также и родовая солидарность. Въ составъ дворянства вошли цѣлые роды, а не отдѣльныя семейства, какъ на Западѣ, гдѣ эпоха гербовъ наступаетъ послѣ окончательнаго паденія всѣхъ родовыхъ узъ. Такимъ образомъ, права и привилегіи, сопровождающія титулъ дворянина, выпадаютъ и на долю тѣхъ экономически и общественно слабыхъ элементовъ, единственной опорой которыхъ была принадлежность къ извѣстному роду. Поэтому-то у насъ и нѣтъ разницы въ степеняхъ дворянства, какъ это встрѣчается въ другихъ странахъ, и дворянъ у насъ сравнительно гораздо больше, или несоразмѣрно много, въ чемъ и теперь легко убѣдиться.

Въ продолженіи этого періода дворянское сословіе уже замыкается, и замыкается все тѣснѣе и тѣснѣе.

Замкнутость эта проявляется главнымъ образомъ въ видѣ порицанія и очищенія дворянскаго происхожденія, что впрочемъ встрѣчается и нѣсколько раньше, но въ это именно время находитъ наибольшее примѣненіе. Дворянское сословіе получаетъ все болѣе правъ и привилегій, и хлопочетъ о томъ, чтобъ оно одно могло ими пользоваться, чтобъ не допустить къ этимъ правамъ людей не призванныхъ, не-дворянъ. Но отношенія между дворянами еще не вполне установлены, не всѣ сомнѣнія разрѣшены; поэтому, каждаго, относительно кого возникаютъ спорные вопросы, можно укорять въ недворянскомъ происхожденіи; можно «порицать» его дворянство, и тогда онъ долженъ «очиститься», доказать, что принадлежитъ дѣйствительно къ дворянскому сословію. Доказательство это совершалось двояко. Въ Велико-Польшѣ призывались въ судъ по два члена (т. н. «гербовыхъ стрыйца») изъ трехъ родовъ: отца, матери и бабушки, достовѣрныхъ дворянъ, которые свидѣтельствовали подъ присягой, что заподозрѣнный—братъ ихъ и одnogербовникъ, т. е. имѣетъ тотъ же гербъ и ту же прокламацію, какъ и они. Въ Малой Польшѣ доказательство производилось посредствомъ допроса шести свидѣтелей изъ рода отца; однако и здѣсь уже въ началѣ XV-го вѣка привилась великопольская система свидѣтельствванія членами трехъ родовъ.

Такимъ путемъ, понемногу, опредѣлились границы дворянства. Уже въ половинѣ XV вѣка порицанія и

очищенія почти совершенно исчезаютъ, такъ какъ въ нихъ больше не нуждались. Неполное дворянство, «влодыки», приблизительно въ то-же время гибнутъ, такъ что и слѣда отъ нихъ не остается. Дворянство перестало формироваться. Кто хотѣлъ войти въ его составъ, тотъ имѣлъ два способа: усыновленіе родомъ и нобилитацію (пожалованіе).

Усыновленіе, т. е. принятіе въ родъ и въ гербъ, зависѣло отъ согласія рода. Въ XIV и XV вѣкѣ это былъ господствующій способъ полученія дворянства. Нобилитація, т. е. возведеніе въ дворянство королемъ, встрѣчающееся съ XV вѣка все чаще и чаще, была первоначально тоже видомъ усыновленія: король давалъ нобилизуемому свой гербъ, т. е. отчасти принималъ его въ свой родъ; но гербъ этотъ давалъ онъ, какъ говорилось, «поврежденнымъ», т. е. безъ какой-нибудь части (напримѣръ, Ягайлоны давали такъ называемый «польскій погонъ»—руку съ мечемъ—очевидно часть литовскаго герба, изображающаго рыцаря съ мечемъ). Но уже при послѣднихъ Ягеллонахъ обычай этотъ исчезаетъ, и короли начинаютъ при нобилитаціи давать произвольный гербъ. Появляющийся при этихъ короляхъ въ XV вѣкѣ «индигенатъ» (право дворянства) былъ только признаніемъ польскимъ дворяниномъ того, кто уже заранѣе принадлежалъ къ иностранному дворянству. Но подъ этой формой нерѣдко скрывалась нобилитація.

Итакъ, къ дворянству принадлежатъ тѣ, у которыхъ есть гербъ. Въ теченіе этого же періода окончательно изглаживается связь дворянскаго титула съ владѣніемъ землей. Дворянство безземельное—голь, одарди,

какъ его тоже звали, могло пользоваться не всѣми правами, хотя и причислялось къ дворянскому сословию. Дворянство съ этихъ поръ даетъ право принадлежности къ роду,—оно переходитъ путемъ наслѣдства, несмотря на отношеніе къ землѣ, изъ которой оно выросло. Внѣшнимъ признакомъ является гербъ; уже въ концѣ XV вѣка перестаютъ отличать гербъ отъ прокламаціи; прокламація погибаетъ, зато появляются фамиліи, сперва въ Великопольшѣ (уже въ первой половинѣ XV вѣка), позже въ Малой Польшѣ и на Руси. Фамиліи происходятъ обыкновенно отъ имѣній, въ формѣ прилагательныхъ на «скій» и «цкій». Первоначально онѣ измѣнчивы: иногда одинъ человѣкъ носитъ по очереди нѣсколько фамилій, если мѣняется мѣстожительство. Но затѣмъ фамиліи быстро устанавливаются. Очевидно, разные члены рода принимаютъ различныя фамиліи, иногда даже братья называютъ себя различно. Остается общій гербъ, напоминающій прежнее родовое единство, хотя нерѣдко къ одному и тому же гербу относятся нѣсколько десятковъ и даже больше семействъ.

Въ общественномъ строѣ дворянство, такъ рѣзко выдѣленное изъ другихъ сословій, еще раньше приобрѣло значительныя привиллегіи. Въ эту эпоху появляются новые, весьма сильные факторы, способствующіе ихъ дальнѣйшему блестящему расширенію: смерть Казимира Великаго, переходъ престола къ Людовику, избраніе Ядвиги, а затѣмъ восшествіе на престолъ династіи Ягайлы,—все это въ огромной степени ускоряетъ развитіе дворянскихъ правъ и привиллегій. Эти новыя династіи измѣняютъ поло-

женіе общества и въ особенности дворянъ. Казиміръ Великій, какъ и его предшественники, выводилъ свою власть изъ тьмы и мрака прошлаго: она существовала съ незапамятныхъ временъ и господствовала надъ обществомъ. Но уже Людовикъ, хотя и основывалъ свое право на корону на распоряженіи Казиміра Великаго, хотя былъ родственникомъ послѣдняго, и получалъ власть на основаніи этого родства, однако, чтобы подчинить себѣ общество, чтобы не встрѣтить противодѣйствія, долженъ былъ обезпечить права и привилегіи дворянъ, посредствомъ Будзинской привилегіи, данной въ 1355 году.—Это были лишь общія гарантіи, общее обезпеченіе. Получивъ престоль, онъ уже не былъ принужденъ давать новыя свободы. Если бы у него были мужскіе потомки, то они уже по закону наслѣдовали бы ему на Вавель¹⁾. Но у него ихъ не было. Надо было заключать съ обществомъ договоръ, чтобы приобрѣсти права для дочери. И дальше опять—избраніе мужа этой дочери—новые договоры, Ядвига не оставляетъ потомства. Права потомковъ Ягайлы —непрочны; опять торги, опять привилегіи. Первая —Кошицкая въ 1374 году, дальше Краковская и Корчинская въ 1386, Петроковская въ 1388, Брестская (1425 г.), Едльненская (1430 г.) и Краковская (1433 г.). При этомъ дворянство прежде всего освобождается отъ всякихъ налоговъ, за исключеніемъ двухъ грошей съ лана, предоставленныхъ королю по Кошицкой привилегіи, получаетъ огромныя льготы

¹⁾ Вавель—холмъ въ Краковѣ, соответствующій московскому Кремлю. *Пер.*

относительно военной повинности, которую дворяне обязаны нести, лишь въ случаѣ оборонительной войны; при наступательной же войнѣ дворяне получаютъ вознагражденіе по пяти грошей отъ штыка— (привиллегіи 1386 и 1388 года). Далѣе слѣдуетъ утвержденіе, въ видѣ принципа, что дворянина безъ суда заключать въ тюрьму нельзя (*neinem captivabimus nisi jure victum*).

Вотъ главныя привиллегіи, не считая многочисленныхъ другихъ, менѣе важныхъ. Когда интересы государства начинаютъ требовать болѣе частыхъ войнъ и бѣльшихъ податей, дворянство, защищаемое привиллегіями, идетъ на войну, платитъ подати, хотя и не должно дѣлать этого, но взаимнѣе требуетъ все большіе и больше правъ и получаетъ чрезвычайную привиллегію 1422 года, Церквицкую 1453 года, великіе Нѣшавскіе статуты въ 1454 году, наконецъ—уставы 1493 и 1496 годовъ и цѣлый рядъ концессій при Александрѣ, Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ.

Избирательное право и право опредѣленія податей— сильное оружіе въ рукахъ дворянства, которое и умѣетъ имъ пользоваться. Оно устанавливаетъ свои права все шире, все тверже. Первоначально привиллегіи издавались въ пользу сильнѣйшихъ,—понекому и дворянство безъ титуловъ, безъ значенія, сѣрая, но многочисленная толпа добивается признанія и власти. Уже со времени Нѣшавскихъ статутовъ— течение это весьма сильно, а при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ—еще усиливается въ программѣ такъ называемой «экзекуціи правъ». Течение это вполне объяснимо постояннымъ стремленіемъ къ

распространенію правъ на самыя широкіе круги общества. Оно находитъ себѣ опору въ образованіи изъ всѣхъ дворянъ одной нераздѣльной равноправной массы. Это развивается и укрѣпляется скачками, особенно съ 1374 года, послѣ смерти Ягайлы. Права, за которыя въ другихъ случаяхъ дворянство должно было долго бороться, въ Польшѣ пріобрѣтаются быстро, благодаря способствующимъ тому обстоятельствамъ. Достаточно для примѣра взять Мазовше, гдѣ даже въ XVI вѣкѣ у дворянства нѣтъ тѣхъ правъ, которыя получили польскіе дворяне по Кошицкой и по другимъ привиллегіямъ.

Первенствующимъ сословіемъ наряду съ **Духовенство.** дворянствомъ выступаетъ тѣсно съ нимъ связанное духовенство. Высшіе церковные саны и раньше всегда занимали члены рыцарскаго класса. Въ теченіе даннаго періода стремленіе это идетъ дальше, требуетъ законодательнаго обезпеченія дворянству мѣста въ церкви. Уже въ 1414 году Янъ XXIII издаетъ буллу для Гнѣзна, Познани и Кракова, о томъ, что доступъ къ капитулу имѣютъ лишь дворяне, или тѣ, которые получили ученую степень. Въ XV вѣкѣ предписанія эти еще, кажется, въ точности не исполнялись. Напоминаетъ о нихъ конституція 1496 г., предоставляющая плебеймъ лишь пять мѣстъ въ капитулѣ, да и то только имѣющимъ ученныя званія (два для докторовъ законовѣднія, два для докторовъ теологіи и одно для доктора медицины, или «magistra artium»). Но такъ какъ подобныя одностороннія постановленія не могли считаться обя-

зательными, не получивъ подтвержденія со стороны церкви, то позаботились и объ этомъ. Юлій II въ буллѣ 1505 г., изданной для Гнѣзненскаго капитула, и Левъ X въ 1515 г.—для капитуловъ всѣхъ гнѣзненскихъ областей, дополненной впоследствии буллой Павла III, стали на ту же точку зрѣнія, что и конституція 1496 года. И относительно аббатствъ—конституціи (1538, 1539 и 1550 гг.) постановили, что въ санъ члена капитула можно возводить только дворянъ. Тѣмъ сильнѣе, слѣдовательно, связались оба эти сословія, тѣмъ прочнѣе стало положеніе дворянства въ дѣлахъ Церкви.

Очевидно, дворянство и духовенство, имѣя общій интересъ—удержать свое привилегированное положеніе относительно прочихъ сословій, нерѣдко вступали между собой въ крупные союзы. Король, если о немъ шла рѣчь, требовалъ лишь признанія своего вліянія на выборъ епископовъ, ибо они—вышіе сановники государства. Уже Казиміръ Великій пытался вліять посредствомъ капитала на замѣщеніе епархій, предлагая своихъ кандидатовъ. Того же принципа придерживаются и Ягайлоны, такъ что уже со второй половины XV вѣка выборъ начальника епархіи фактически зависѣлъ всецѣло отъ короля, а выборы, совершаемые капитуломъ, были простой формальностью. Съ другой стороны, дворянство часто вступало и въ споры съ духовнымъ сословіемъ. Оно стремилось къ тому, чтобы имѣнія церкви, т. е. «мертвыя руки» не увеличивались въ ущербъ дворянству. Дѣйствительно, конституція 1510 г. запретила записывать по духовному завѣщанію недвижимое имущество въ пользу

церкви. Но несмотря на борьбу, весьма ожесточенную, какъ при Сигизмундѣ-Августѣ, дворянству не удалось ограничить свободу церкви въ смыслѣ податей и военной службы. Церковь не платила податей, кромѣ лановаго оброка, нѣсколько превышающаго двугрошевую подать дворянъ. Если дворяне согласились на какуюнибудь подать, то и духовенство обыкновенно давало извѣстную денежную сумму, но лишь въ формѣ добровольнаго пожертвованія (*subsidium charitativum*). Освобожденіе отъ военной повинности церковь сохранила въ полной мѣрѣ.

Еще болѣе ожесточенныя столкновенія происходили со времени Казимира Великаго изъ-за десятиннаго налога. Относятся они, главнымъ образомъ, къ первой половинѣ XV вѣка. Въ Малопольшѣ завершилъ ихъ договоръ 1437 г., заключенный благодаря стараніямъ Олесницкаго. Споры эти возобновились въ XVI вѣкѣ, но и тогда церковь осталась побѣдительницей. Зато она должна была уступить относительно судебной власти. Область вопросовъ, подчиненныхъ церковному суду, была очень обширна и удерживалась въ этихъ предѣлахъ долгое время, а именно до XVI вѣка, несмотря на противодѣйствіе со стороны дворянства, особенно относительно подчиненія церковному суду чисто свѣтскихъ вопросовъ. Когда въ 1532 г. былъ составленъ планъ свода законовъ, такъ называемая корректура, права церкви опредѣлялись почти въ тѣхъ же широкихъ границахъ, какія были и раньше на практикѣ. Корректура, однако, осталась проектомъ, и компетенцію церкви на тѣхъ же основаніяхъ, очевидно, лишь одностороннимъ образомъ

опредѣлили петроковскій синодъ въ 1542 г. Постановленія синода были приняты годомъ позже (1543) конституціей петроковскаго сейма, сила которой продолжалась лишь одинъ годъ. Вскорѣ вопросъ о судебной власти церкви сталъ во главѣ программы, такъ называемой «экзакуціи правъ» при Сигизмундѣ-Августѣ. Стали требовать ограниченія этой власти, а затѣмъ—(1557 г.) полного ея уничтоженія. Въ концѣ концовъ, сеймы 1562—1563 и 1565 г.г. прервали эти споры, отнявъ у духовнаго суда права, данныя ему съ 1433 г. старостами; церковные суды, лишеныя опоры со стороны короля, потеряли свое прежнее высокое значеніе, удержавъ власть исключительно въ вопросахъ чисто церковнаго характера.

Ограниченія, которымъ подверглась церковь въ теченіе этого періода, не касаются **Другія вѣро-исповѣданія.** однако вопроса о положеніи, занимаемомъ въ государствѣ католической религіей. Это—господствующая религія; ее одну признаетъ государство. Хотя прямо это не утверждалось, но въ этомъ и не было надобности, пока въ Польшу въ болѣе широкой мѣрѣ не начали врываться ученія, противныя католицизму. Противъ гуситизма король издаетъ такъ называемый «Вѣлюньскій эдиктъ» въ 1424 г. Исповѣдываніе гуситскихъ принциповъ считается преступленіемъ; судопроизводство по дѣламъ вѣры отдается въ руки духовенства, которое постановляетъ приговоры, государство ихъ исполняетъ. Но гуситизмъ не укоренился глубоко. Сильнѣе напираетъ на Польшу въ XVI вѣкѣ волна религіозныхъ «новинокъ». Ученіе Лютера рас-

пространяется весьма быстро. И тутъ государство становится на точку зрѣнія исключительности католической церкви. Цѣлый рядъ эдиктовъ и приказовъ королевскихъ съ 1520 (торунскій эдиктъ) 1522, 1523, 1534, 1540 (два эдикта), 1543 (два эдикта), 1550, 1551 (два), 1556 (три)—запрещаетъ проповѣдь лютеранскаго ученія, выѣздъ за границу въ центры ереси, распространеніе журналовъ и пр. Судъ надъ тѣми, кого подозрѣваютъ въ ереси, производитъ духовенство. Но сильное распространеніе новыхъ вѣроисповѣданій дѣлаетъ острое гоненіе на нихъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что и клиръ не отличался большимъ усердіемъ. На сеймахъ стали требовать, чтобы у епископовъ была отнята судебная власть въ дѣлахъ вѣры. Они сами добровольно въ 1551 г. отказались отъ этой власти на одинъ годъ. Въ 1557 г. король, кажется, предоставилъ вопросы, касающіеся вѣры, своимъ судамъ, но эдиктъ этотъ, вѣроятно, остался неисполненнымъ. Отмѣна дѣйствія духовныхъ судовъ по постановленіямъ сеймовъ 1562, 1563 и 1565 г.г. устранила этотъ вопросъ, но не имѣла непосредственнаго вліянія на законное положеніе некатоликовъ. Еще въ 1564 г. король издаетъ такъ называемые «Парчевскіе эдикты» противъ протестантовъ, которые, однако, вскорѣ самъ объявилъ направленными исключительно противъ арианъ. Въ сеймъ 1570 г. лютеране, кальвинисты и Братья чешскіе (объединенные такъ называемымъ сандомирскимъ консенсомъ 1570 г.) внесли свои исповѣданія, но не добились признанія свободы вѣроисповѣданія. До конца этого періода единственно католицизмъ признается государствомъ, исповѣданіе

же другихъ религій въ принципѣ считается недозволеннымъ, преступленіемъ, хотя на практикѣ вполнѣ терпимо; даже иногда, отдѣльныя королевскія привилегіи берутъ подъ свое покровительство сборища и кладбища протестантовъ. (Напр. для Кракова въ 1569 и 1572 г.г.).

Если дворянство и духовенство могли
 Колебаніе рав- вслѣдствіе исключительныхъ условій раз-
 новѣсія со- вѣтій польскаго государства получить срав-
 словій. нительно раньше значительныя привилегіи
 относительно государственной власти, то и по отно-
 шенію къ другимъ слоямъ общества имъ не трудно
 было приобрѣсти превосходство, такъ какъ тутъ, въ
 свою очередь, другія, тоже исключительныя условія
 способствовали иному, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сфор-
 мированію взаимныхъ отношеній. Періодъ этотъ пред-
 ставляетъ собою, особенно въ XIV и XV вѣкахъ,—эпоху
 полного равновѣсія сословій; поэтому мы и назвали
 его сословнымъ. Хотя классы между собой не равны,
 но каждый изъ нихъ, какъ сказано выше, могъ сво-
 бодно жить въ предѣлахъ своихъ правъ и привилле-
 гій. Понемногу уже въ XV столѣтіи равновѣсіе это
 начинаетъ колебаться, что довольно сильно чув-
 ствуется въ концѣ этого вѣка, при послѣднихъ Ягай-
 лонахъ,—часто даже очень рѣзко, хотя болѣе въ по-
 становленіяхъ, въ судебныхъ мѣрахъ, чѣмъ на прак-
 тикѣ, по разнымъ причинамъ гораздо болѣе снисхо-
 дительной. Только послѣ безкоролевья по Сигизмундѣ-
 Августѣ побѣда переходитъ на сторону дворянства
 въ ущербъ низшихъ классовъ: начинается эпоха гос-

подства дворянъ. Это и составляетъ границу періода, обнимающаго эпоху равновѣсія и постепеннаго подрыванія послѣдняго. Случилось это просто вслѣдствіе условій развитія. При томъ порядкѣ, въ какомъ развивалась Польша, другіе результаты не могли и получиться. Тренье между сословіями происходитъ всюду, гдѣ существуютъ сословія. Польша въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія, не является особенностью. Исходъ могъ зависѣть только отъ взаимнаго отношенія выступающихъ силъ. Тутъ слѣдуетъ обратить вниманіе на два фактора: силу королевской власти, стоявшей выше борющихся сословій, и силу этихъ заинтересованныхъ сословій, т. е. въ особенности силу низшихъ классовъ, которые должны держать себя оборонительно. Интересы королевской власти естественно заключались въ томъ, чтобы не допустить господства одного сословія, ибо въ такомъ случаѣ это сословіе становилось слишкомъ опаснымъ для самой королевской власти. Раздоромъ между сословіями королевская власть на Западѣ умѣла пользоваться для усиленія своихъ правъ. Но въ Польшѣ власть короля была для этого слишкомъ слаба, а слабой она должна была быть, ибо такъ сложились обстоятельства. Мы указывали на то, какъ сильно вліяли на ослабленіе власти короля принципъ избирательности, ненормально быстрое развитіе дворянства и пр., а въ XVI вѣкѣ не доставало и другихъ факторовъ, дѣйствовавшихъ въ другихъ государствахъ: не было религіозныхъ войнъ, римскаго права и т. д.,— что могло бы помочь королямъ сохранить ту силу, какая у нихъ была раньше. Но этого не слѣдуетъ

считать бѣдствіемъ. Періодъ абсолютизма не былъ необходимъ для развитія Польши; не онъ одинъ могъ подвинуть ее впередъ. Тѣ же результаты, которыхъ иностранныя державы добивались путемъ абсолютизма, Польша могла пріобрѣсти посредствомъ дальнѣйшаго развитія общественныхъ правъ. Гораздо болѣе важнымъ и вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ былъ другой факторъ, имѣющій рѣшающее вліяніе на дальнѣйшій ходъ развитія: недостатокъ силъ въ тѣхъ слояхъ общества, права которыхъ находились въ опасности. И не потому въ Польшѣ перевѣсъ склонился такъ сильно на сторону дворянъ въ ущербъ низшимъ классамъ, что дворянство было болѣе агрессивно, а потому, что королевская власть была слишкомъ слаба, чтобы прійти въ помощь низшимъ сословіямъ (что также является слѣдствіемъ условій развитія), а, главнымъ образомъ, что эти низшіе классы не могли и не умѣли сопротивляться, были слишкомъ слабы, слабѣе сравнительно, чѣмъ въ другихъ странахъ, такъ что даже государь, гораздо сильнѣе польскаго короля, не могъ бы основательно опереться на эти классы, чтобы защищать ихъ противъ дворянства. Все это касается главнымъ образомъ мѣщанскаго класса, какъ главнаго представителя подавляемой массы. Къ этой слабости городовъ и деревень присоединился цѣлый рядъ другихъ факторовъ, существующихъ глубоко въ самой жизни народа,—факторовъ, прежде всего, экономическихъ. Въ оцѣнкѣ этого развитія слѣдуетъ обратить особое вниманіе на эти факторы, подчеркнуть ихъ сильно, ибо это поможетъ выяснить процедуру борьбы, ея результаты, ука-

жетъ—почему такъ должно было случиться. Стоитъ посвятить этому вопросу больше вниманія, такъ какъ это одинъ изъ самыхъ важныхъ въ исторіи Польскаго государства не только для одного даннаго періода, но для оцѣнки и характеристики всего развитія Польши. Иначе представится это развитіе, иначе выступятъ его отдѣльныя стадіи, и Польша перестанетъ быть образцомъ какого-то чудовищнаго строя, какимъ его считали и свои, и чужіе. Она станетъ въ рядъ западно-европейскихъ державъ, какъ государство, выросшее изъ той же западной культуры. Только основныя условія были иныя, а потому и слѣдствія получились другія.

Крестьяне. Элементы, занесенные германской колонизаціей, дѣйствовали долго и очень сильно. Хотя лишь часть деревень получила наряду съ техническими и экономическими выгодами, сопровождающими эту колонизацію, и нѣкоторыя законныя свободы, происходящія изъ внутренняго самоуправленія, вытекающаго изъ колонизаціонной привилегіи, однако и на остальные деревни легъ отпечатокъ этихъ отклоненій. И онѣ поднялись въ техническомъ смыслѣ (обработка земли) на высшую ступень. Хотя тяжести лежали на нихъ попрежнему большія, хотя удержалась зависимость отъ господина, отсутствіе самоуправленія, патримоніальное судопроизводство, но все-таки положеніе крестьянина стало несравненно легче противъ прежняго, оно могло считаться даже вполне хорошимъ, ибо при лучшемъ воздѣлываніи почвы, при обилии земли, которую можно было еще брать въ

аренду, при опредѣленномъ оброкѣ, мужику оставалось еще многое. Но условія жизни мѣнялись. Въ теченіе XV в. появляются слѣды новыхъ стремленій, довольно сильно выступающихъ въ концѣ этого столѣтія и въ слѣдующемъ вѣкѣ. До сихъ поръ хозяйственная система опиралась, главнымъ образомъ, на оброкахъ и податяхъ. Хозяинъ деревни удовлетворялся этимъ, самъ воздѣлывалъ около своей усадьбы небольшой участокъ земли. Онъ пока не былъ земледѣльцемъ, но исключительно рыцаремъ. Но начинается новый періодъ: появляются рекрутскія войска — рыцарская повинность теряетъ свое значеніе. Дворянинъ превращается въ землевладѣльца. Оброкъ — главный источникъ его средствъ — не можетъ удовлетворить его, и къ тому же этотъ оброкъ представляетъ все меньше и меньше значенія, такъ какъ его уже точно опредѣляютъ, да и деньги, какъ это всюду случается, теряютъ свою прежнюю стоимость. Кромѣ того — съ XV вѣка образъ жизни становится роскошнѣе, на что вліяетъ съ одной стороны развитіе политическихъ и торговыхъ отношеній, съ другой — съ конца XV в. усиливающееся вліяніе Возрожденія. Дворянинъ видитъ усиленіе своихъ доходовъ въ увеличеніи податей крестьянъ, оправдываемомъ, отчасти, отношеніемъ оброка къ деньгамъ, и въ развитіи своего хозяйства. Послѣднее можетъ развиваться, такъ какъ уже существуетъ сбытъ для его продуктовъ. Прежде всего возрастаетъ количество населенія: въ особенности города весьма успѣшно заселяются, а городъ, это вѣдь главный пунктъ сбыта деревенскихъ продуктовъ, особенно хлѣба. Этотъ факторъ дѣйствуетъ уже въ

XV вѣкѣ. Позднѣе въ XVI в. появляется и другой—вывозъ хлѣба на Западъ. Обыкновенно, фактъ этотъ соединяють съ занятіемъ Данцига вслѣдствіе торунскаго трактата 1446 г. Это вполне несправедливо. Фактъ чисто политическій не могъ повлечь за собой экономическихъ послѣдствій. Европа не нуждалась пока въ хлѣбѣ Польши, такъ что послѣдняя не могла его вывозить. Вывозъ хлѣба, о которомъ свидѣлствуютъ относительно XV и XVI в.в. данцигскіе регистры и таможенныя польскія книги — еще весьма незначителенъ. Онъ усиливается только въ царствованіе Сигизмунда I и еще болѣе при Сигизмундѣ-Августѣ, хотя все еще далека отъ тѣхъ размѣровъ, которые принялъ впослѣдствіи, и которые несправедливо относятъ уже къ этой эпохѣ. Правда, факторъ этотъ, хотя позже и сравнительно слабѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другой странѣ, началъ дѣйствовать уже въ эту эпоху. Возможность продажи продуктовъ является причиной того, что дворянство не только пытается поднять оброкъ, но—еще въ большей мѣрѣ—старается найти рабочую силу, чтобы самымъ выгоднымъ для себя образомъ использовать ее, чтобы съ ея помощью превратить свои помѣстья, состоящія изъ пастбищъ, паренины и пустошей—въ пахотную землю, и затѣмъ, воздѣлывать ее. Начинаютъ появляться мызы и успѣшно развиваются, хотя вовсе не такъ быстро, какъ это обыкновенно говорятъ. Сперва перемены эти замѣчаются въ западной части Польши, болѣе развитой въ экономическомъ отношеніи, и откуда вывозъ можетъ производиться удобнѣе. Понемногу онѣ подвигаются все далѣе и далѣе на

востокъ. Чтобы, однако, имѣть возможность отмѣтить условія, въ которыхъ находились крестьяне, а главнымъ образомъ, чтобы имѣть право пользоваться населеніемъ для мызнаго труда, а только въ немъ можно было найти эту силу, надо было сначала законно ограничить это населеніе. И дѣйствительно, начиная съ конца XV в. встрѣчаемъ такія ограниченія. Они весьма значительны. Но слѣдуетъ принять во вниманіе то обстоятельство, что въ жизнь ограниченія эти проводились только тогда, когда въ нихъ нуждались, что, слѣдовательно, въ теченіе данной эпохи ограничительныя мѣры еще не вполне примѣнялись, такъ что пока судьба крестьянина представляется гораздо менѣ тяжелой, чѣмъ можно и слѣдовало бы предполагать по письменнымъ ограничительнымъ актамъ. Прежде всего заботились о томъ, чтобы прикрѣпить населеніе къ деревнѣ, чтобы оно не могло бѣжать въ случаѣ увеличенія тягостей. Бѣжать же оно могло, ибо мѣста для него было много въ восточныхъ областяхъ Польши и на Руси, гдѣ условія сбыта были выгоднѣе, и гдѣ требовалось даже больше рабочихъ рукъ, и такимъ образомъ ограничивать возможность оставленія крестьяниномъ деревни безъ позволенія господина. Уже въ 1493 г. въ подобномъ духѣ выражается сеймовая конституція. Важнѣе, однако, были ограниченія конституціи 1496 г., усиленныя еще впоследствии въ 1501, 1505, 1510 и 1511 годахъ. Со времени этихъ конституцій, ни крестьянинъ, ни его дѣти, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, не могли удаляться изъ деревни безъ согласія хозяина, и хозяинъ, очевидно, не давалъ его, если нуждался въ

трудѣ этихъ людей. Въ случаѣ незаконнаго бѣгства крестьянина изъ деревни, уже и раньше можно было возвратить его судомъ. Но процессъ былъ продолжителенъ, много стоилъ и не всегда приводилъ къ цѣли. А потому и эту процедуру упростили и облегчили въ конституціяхъ 1496 и 1538 г. Въ Мазовецкой области понемногу уничтожили (1563, 1565 и 1577 г.г.) такъ называемое поручительство за мужика, т. е. обезпеченіе, которое за бѣглеца давалъ тотъ, у кого онъ скрывался, что очевидно облегчало бѣгство, и являлось для дворянства весьма нежелательнымъ поощреніемъ свободнаго передвиженія деревенскаго населенія. Такимъ образомъ, послѣднее очутилось прикованнымъ къ землѣ; возможность ухода мужика изъ деревни отдана въ руки ея владѣльца. Наряду съ этимъ дворянство старается отрѣзать вліяніе всякихъ другихъ факторовъ на отношеніе крестьянина къ господину. Такъ, сначала въ 1496 и 1501 г.г., оно устранило право призывать крестьянъ въ городской или градскій судъ по тѣмъ немногимъ дѣламъ, въ которыхъ это дозволялось, а Сигизмундъ I, начиная съ 1518 г., отказался, посредствомъ нѣсколькихъ указовъ, имѣющихъ рѣшающую силу, отъ права разсматривать дѣла крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, деревенское населеніе было вполне подчинено власти господъ, такъ какъ съ этихъ поръ не допускались уже апелляціи ни въ какую высшую инстанцію суда. Единственно въ королевскихъ и церковныхъ имѣніяхъ, впрочемъ, весьма обширныхъ, но гораздо менѣе населенныхъ чѣмъ дворянскія, удержалось въ случаѣ притѣсненія право жалобы на владѣльца, по-

даваемой въ церковныхъ владѣнiяхъ въ епископскiй, въ королевскихъ—въ ассесорскiй судъ.

Когда были узаконены такимъ путемъ ограниченiя крестьянскаго населенiя съ внѣшней стороны, принялись въ свою очередь за уничтоженiе его внутренней автономiи. Это совершилось посредствомъ скупки солтыствъ на основанiи Вартскаго (1423 г.) устава, по которому владѣлецъ деревни имѣлъ право устранить взбунтовавшагося солтыса, уплативъ ему предварительно стоимость его земли. Еще въ XV вѣкѣ постановленiе это не имѣло въ жизни большого значенiя. Зато, при послѣднихъ Ягайлонахъ имъ пользуются въ полной мѣрѣ, въ особенности церковъ, у которой больше было солтыствъ, нежели въ частныхъ имѣнiяхъ. Въ концѣ данной эпохи въ частныхъ владѣнiяхъ уже почти нѣтъ совсѣмъ солтыствъ, а въ церковныхъ — ихъ весьма немного. Власть постепенно переходила въ руки владѣльца деревни, который, такимъ образомъ, не только увеличивалъ свои владѣнiя, присоединяя къ нимъ лишнiй участокъ земли, но назначая на мѣсто наслѣдственнаго и защищающаго интересы деревни солтыса—своего человѣка, временнаго солтыса, котораго могъ устранить въ любую минуту, онъ получалъ сильное влiянiе на администрацiю деревни, на всѣ ея внутреннiя дѣла. Деревенскiй судъ, — это теперь лишь по имени судъ старшинъ. Приговоръ зависитъ дѣйствительно только отъ владѣльца имѣнiя, который является высшей судебной инстанцiей.

Солтысы удержались единственно въ королевскихъ помѣстьяхъ. Но и тутъ отношенiя подверглись значи-

тельными измѣненіямъ. Въ XVI вѣкѣ на солтыство смотрять даже въ королевскихъ имѣніяхъ какъ на аренду въ другихъ владѣніяхъ короля; положеніе о томъ, что король имѣеть, когда только захочетъ, право выкупить заложенную имъ землю, или, какъ чаще случалось на практикѣ, позволить выкупить ее кому-нибудь другому, кто платилъ выкупную сумму и получалъ во владѣніе выкупленную землю, примѣнили и къ солтыствамъ. Конституція 1563 г. подтвердила въ общей мѣрѣ, хотя только между прочимъ, что всѣ солтыства продаются. И король позволялъ покупать ихъ, выдавалъ на это особыя привилегіи, преимущественно мелкимъ дворянамъ, которые, принадлежа до сихъ поръ обыкновенно къ голышамъ, охотно брали богатая солтыства.

Итакъ, вмѣсто наслѣдственныхъ солтысовъ, происходящихъ изъ крестьянской среды, появляются теперь все чаще и чаще солтысы-дворяне; они, опасаясь, что ихъ снова скупаютъ, стараются извлечь побольше пользы изъ своего солтыства, а сами, связанные интересами сословія, соединяются очевидно съ дворянствомъ противъ крестьянъ, которые, такимъ образомъ, и тутъ теряютъ опору, какую имъ раньше давали солтысы.

Королевскія имѣнія потеряли общую судьбу. Дворянство, ограничивъ крестьянъ, отнявъ у нихъ возможность законнаго противодѣйствія, достигнувъ перевѣса и во внутреннемъ строѣ деревни, могло отмѣнять произвольно налоги и обязанности, могло пользоваться ими для достиженія своихъ экономическихъ выгодъ. И оно начинаетъ увеличивать подати кре-

стьянъ, пользуясь тѣмъ, что этого можно было легко достигнуть въ деревняхъ, не получившихъ колонизаціонной привиллегіи. Но и въ колонизаціонныхъ селеніяхъ, при отсутствіи всякихъ средствъ защиты крестьянина противъ владѣльца, тактика дворянства не могла натолкнуться на болѣе сильное сопротивленіе. Вопросъ объ увеличеніи оброка не выступаетъ однако слишкомъ сильно и, вообще, имѣетъ второстепенное значеніе сравнительно съ вопросомъ о барщинѣ. Уже въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ положенія, изданныя именно въ этомъ направленіи.

Такъ, въ 1421 г. одинъ изъ мазовецкихъ статутовъ постановляетъ какъ обязательную барщину одинъ день въ недѣлю съ лана. Такого же рода постановленіе даетъ въ 1477 г. красновоставскій сеймикъ для земли Холмской; въ 1518 г. съ разрѣшенія короля принимаетъ то же правило Вѣлюньская область. Наконецъ, Торунскій статутъ въ 1520 г. и Быдгосскій въ концѣ того же года вводятъ, въ видѣ общеобязательной мѣры, чтобы крестьянинъ во всѣхъ имѣніяхъ, какъ дворянскихъ, такъ равнымъ образомъ церковныхъ и королевскихъ, давалъ въ недѣлю одинъ день барщины съ лана, въ случаѣ если онъ отягченъ уже болѣе значительной барщиной. Этотъ уставъ приводится чаще всего, какъ самое яркое проявленіе стремленія дворянства къ ухудшенію положенія крестьянъ. Однако, по этому поводу слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько важныхъ замѣчаній. Во-первыхъ, число тѣхъ, которыхъ касался этотъ уставъ, было вовсе невелико, ибо надо помнить, что лишь часть деревень имѣла колонизаціонную привиллегію и, слѣдовательно, сопро-

ождающую ее полную или почти полную свободу отъ барщины въ то время, какъ большая часть деревень, хотя къ нимъ примѣнили трехпольную систему, не пользовалась привилегіями и продолжала нести тяжелый оброкъ въ пользу владѣльцевъ. Торунскій статутъ ухудшалъ положеніе лишь части деревень, главнымъ образомъ, королевскихъ, среди которыхъ было большое число колоній и меньше барщины, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Кромѣ того, громадную роль въ оцѣнкѣ этого статута играетъ то обстоятельство, что барщина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она существовала до статута, равнялась двумъ или тремъ днямъ въ недѣлю, слѣдовательно, та барщина, которую вводилъ Торунскій статутъ, какъ обязывающую привилегированную часть деревень, была сравнительно ниже всѣхъ остальныхъ. И даже въ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствіяхъ статутъ былъ отчасти выгоденъ для крестьянъ. Уже тотъ фактъ, что, желая усилить барщину, свели ее до одного только дня въ недѣлю, долженъ былъ сдерживающе повліять на тѣхъ помѣщиковъ, которые пытались бы въ своихъ владѣніяхъ увеличить уже и раньше большую барщину. Когда же, при ростѣ мызнаго промысла и усиленіи вывозки хлѣба, отъ крестьянъ начали требовать все большей и большей барщины, послѣдніе стали ссылаться на вышеупомянутый статутъ, защищаясь тѣмъ, что къ большей барщинѣ они не обязаны. И въ продолженіи нѣкотораго времени аргументомъ этимъ пользовались дѣйствительно успѣшно, но уже въ концѣ правленія Сигизмунда-Августа и это не помогаетъ. Вопросы этотъ стали рѣшать помимо статута, и даже

въ королевскихъ имѣніяхъ ввели барщину по обычаю другихъ деревень, — по крайней мѣрѣ одинъ день въ недѣлю съ поллана, т. е. вдвое больше барщины, установленной статутомъ.

Несмотря, однако, на ухудшеніе положенія крестьянъ въ XVI в., оно пока еще сносно. Крестьянинъ продолжаетъ все-таки быть хозяиномъ, несущимъ лишь извѣстныя обязанности, правда болѣе тяжелыя чѣмъ прежде, но онъ довольно зажиточенъ; хотя болѣе крупныя хозяйства начинаютъ распадаться, однако перевѣшиваютъ участки, по крайней мѣрѣ, полулановые, и даже полныя ланы еще многочисленны. Въ такихъ условіяхъ крестьянинъ не только извлекаетъ изъ почвы средства, необходимыя для существованія, но у него еще кое-что остается.

Слѣдующая эпоха приноситъ уже измѣненія, окончательно превратившія крестьянина изъ свободнаго земледѣльца-хозяина въ земледѣльца-работника, — въ принадлежность имѣнія.

Города. Тоже и относительно городовъ. Въ теченіе разсматриваемаго нами періода они удерживаютъ еще свое положеніе, свои права и привилегіи, но силы городской организаціи до того уже подорваны, что позднѣйшее ея паденіе является простымъ результатомъ факторовъ, развившихся гораздо раньше. Внутренній строй городовъ остается въ принципѣ такимъ же, какимъ былъ донныѣ. Но появляются понемногу важныя преобразованія. Города стремятся къ удержанію полной свободы относительно выбора думы, — того органа, который съ внѣшней сто-

роны является представителемъ города, съ внутренней же—управляетъ имъ. Не вполне однако это удавалось. Даже самые большіе города подвергаются притѣсненіямъ, а избирательное право попадаетъ отчасти или всецѣло въ руки короля, иногда его замѣстителей, т. е. обыкновенно старостъ. Въ крайнемъ случаѣ города, экономически болѣе сильныя, добивались превращенія думы, назначенной королемъ, изъ ежегодно назначаемой въ пожизненную. Однако, это не оказалось выгоднымъ для городовъ, такъ какъ пожизненная дума больше заботилась о своей пользѣ, нежели объ интересахъ города. Суды старшинъ остались въ своей области такимъ же, какими были раньше. Но появляется и совершенно новый элементъ въ городахъ въ теченіе главнымъ образомъ XVI вѣка, а именно: «*communitas*»—простонародіе, которое выбираетъ своихъ представителей среди цехмистровъ, отчасти же среди купцовъ, чаще всего по двадцати и до сорока человѣкъ. Они являются чѣмъ-то вродѣ контроля надъ финансовой, главнымъ образомъ, дѣятельностью думы, имѣютъ право голоса и въ другихъ, болѣе важныхъ вопросахъ, рѣшать которые можетъ дума только послѣ предварительнаго совѣщанія съ ними. Въ мелкихъ городахъ такое представительство простонародія не образовалось, и лишь суды старшихъ получили нѣкоторое значеніе въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ. Также и должность войта удержалась лишь нарицательно. Значеніе ея и достоинства погибли окончательно. Немногіе большіе города (Краковъ, Познань и пр.) сумѣли скупить войтовства, такъ что дѣятельность войтовъ перешла тамъ къ думѣ, которая

съ этихъ поръ назначаетъ войтовъ, обыкновенно ежегодно, но единственно для судопроизводства. Въ другихъ городахъ войтовства были выкуплены городо-владѣльцами, или старостами, которые, такимъ путемъ, укрѣпили на нихъ свое вліяніе.

Въ немногихъ же городахъ войты переходятъ на эту должность какъ на источникъ средствъ, не заботясь вовсе объ ея обязанностяхъ, исполняемыхъ помощниками войта, назначенными послѣднимъ и совершенно отъ него зависящими. Строй этотъ, весьма жизненный въ XV в., уже въ XVI столѣтіи начинаетъ отживать и вырождаться. Постепенно исчезаетъ сознаніе долга относительно города, усиливается частная жизнь и внѣшнее вліяніе. Подобное же явленіе наблюдается и въ ремеслахъ. Цехи развиваются весьма успѣшно въ XIV и XV вѣкѣ; въ XVI-мъ число ихъ увеличивается еще. Пока они удерживаются въ первобытныхъ предѣлахъ, до тѣхъ поръ процвѣтаютъ и ремесла; но въ XVI вѣкѣ и въ этой области замѣчается упадокъ. Начинаютъ отдавать преимущество лицамъ, принадлежащимъ къ цеховымъ семействамъ, другимъ же, посредствомъ высокой платы, дѣлаютъ невозможнымъ вступленіе въ цехъ и пр. Итакъ, вмѣсто прогресса и тутъ понемногу обнаруживается паденіе, хотя его послѣдствія еще незамѣтны.

Таковы внутреннія черты постепеннаго вырожденія, относящагося однако въ общемъ не раньше, какъ къ XVI вѣку. XV вѣкъ—это эпоха высшаго расцвѣта городовъ. Послѣ этихъ блестящихъ годовъ сравнительно быстро наступаетъ періодъ паденія, и уже въ XVI вѣкѣ города теряютъ свое значеніе; это слѣдуетъ

приписать, не говоря о внутреннемъ разложеніи учрежденій, во-первыхъ, тому экономическому кризису въ торговлѣ, который совпадаетъ съ концомъ XV вѣка и началомъ XVI вѣка, а отчасти и особому состоянію городовъ, которые сами лишались своего значенія, не понимая сколько они на этомъ теряютъ. Въ концѣ XV столѣтія, вслѣдствіе паденія Константинополя и итальянскихъ колоній на Черномъ морѣ, прекратилась транзитная торговля, которая велась черезъ Польшу между Востокомъ и Западомъ. Кромѣ того, вслѣдствіе открытія новаго пути въ Индію восточные товары стали привозиться въ Польшу черезъ Данцигъ. Также и транзитная торговля изъ Венгріи прекращается почти совсѣмъ. Въ концѣ концовъ польскіе города теряютъ свое прежнее торговое посредничество. Дѣло сводится къ привозу и экспорту, который теперь, а въ особенности экспортъ, ускользаетъ изъ рукъ городского мѣщанства. Это приписываютъ обыкновенно умышленной таможенной политикѣ дворянства, которое само освободило себя отъ таможенной пошрины, переложивъ ее всю на городъ. Но этотъ взглядъ несправедливъ и по крайней мѣрѣ неточенъ. То, что вывозъ перешелъ въ руки дворянъ, не есть исключительно слѣдствіе сознательныхъ дѣйствій и не отъ одной таможни зависитъ; явленіе это лежитъ глубже, въ самомъ характерѣ вывоза. Въ транзитной торговлѣ могъ принимать участіе только купецъ. Онъ одинъ могъ вывозить, если дѣло касалось олова или соли; онъ же исключительно могъ вывозить товары далеко за границы Польши, во Фландрію или въ Кафту. Но съ XVI вѣка изъ Польши начинаютъ вы-

возить другой товаръ: хлѣбъ и скоть. Такіе продукты могъ вывозить прямо земледѣлецъ безъ посредничества купцовъ, ибо получалъ ихъ изъ своего хозяйства, да и рынки не находились такъ далеко, чтобы нужно было искать посредниковъ: для скота рынками являлись города Силезіи, для хлѣба—Данцигъ. Эти обстоятельства способствовали устраненію посредничества купцовъ. Вопросъ о таможенной подати является уже второстепеннымъ. Но и его слѣдуетъ поставить иначе. Дѣйствительно, дворянство, въ силу Нѣшавскихъ привиллегій (1454 г.) освобождается отъ таможенного налога, что подтверждаютъ и расширяютъ конституціи 1496, 1504, 1511, 1538 и 1550 г. Но первоначально дѣло касалось лишь таможенной льготы дворянства относительно мѣстнаго рынка, т. е. ближайшаго городка. Еще нельзя было предвидѣть того, что вслѣдствіе измѣненія отношеній, льгота эта можетъ принять иные размѣры, гораздо болѣе широкіе, найти примѣненіе къ вывозу и ко ввозу. Къ тому же, въ средніе вѣка, почти всѣ города, занимавшіеся серьезно торговлей, пользовались полной таможенной свободой, такъ что дворянскія льготы вовсе имъ не вредили. Однако, начиная съ 1507 г. появляется въ Польшѣ новая пошлина, тогда лишь установленная, а именно пограничная. Отъ этихъ новыхъ пошлинъ города не были освобождены; привиллегіи ихъ не касались, но дворянство было отъ нихъ свободно. И только съ этихъ поръ дворянство имѣетъ преимущество сравнительно съ городами, но лишь въ случаѣ вывоза продуктовъ своего хозяйства (если это не были продукты приобрѣтаемые въ торговыхъ цѣляхъ), или ввоза това-

ровъ для личнаго употребленія. Это экономически ослабляетъ города весьма замѣтно и сильно подрываетъ блестящее до того положеніе городовъ въ торговлѣ; города начинаютъ терять свое значеніе и въ смыслѣ промышленныхъ центровъ. Усиленный вывозъ увеличиваетъ въ свою очередь и привозъ. Донынѣ цехи имѣли обезпеченный сбытъ продуктовъ на мѣстѣ,—теперь все усиливающийся импортъ цеховыхъ производствъ изъ-за границы подрываетъ цехи. Причину этого слѣдуетъ искать съ одной стороны въ разстройствѣ цеховъ, которые не развиваются, а, наоборотъ, падаютъ, съ другой же—въ недостаточной охранѣ торговли. Но и этотъ вопросъ о защитѣ торговли слѣдуетъ поставить иначе. Обыкновенно, какъ причину, предполагаютъ враждебную дѣятельность дворянства, которая должна была выражаться въ уставѣ о складахъ, въ 1565 г.—въ преискурантахъ и таксахъ товаровъ и въ таможенныхъ привилегіяхъ дворянства. О послѣднихъ мы уже говорили. Что касается торговой политики дворянъ, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что она была совершенно такая же, какъ и повсюду, и вовсе не стремилась умышленно къ подавленію городовъ, а имѣла въ виду единственно пользу дворянства, безъ сопровождающаго ее ущерба городовъ, и это вполне понятно, при сословномъ положеніи правъ и привилегій. Уставъ 1565 г., по-скольку онъ утвердилъ такъ называемое право склада, т. е. ограниченіе купцовъ, своихъ и чужихъ, въ свободномъ развозѣ товаровъ, въ пользу нѣкоторыхъ привилегированныхъ рынковъ, по-скольку же былъ выразителемъ стремленія городовъ, признавалъ вполне ихъ

требованія и раньше полученныя привиллегіи. Запрещая мѣстнымъ купцамъ вывозить собственные товары и привозить иностранные и позволяя дѣлать это иностранцамъ, уставъ этотъ являлся результатомъ экономическихъ воззрѣній, быть можетъ невѣрныхъ, но неимѣющихъ въ виду гибели городовъ. Кромѣ того уставъ этотъ вовсе не имѣлъ, повидимому, практическаго значенія. Вреднѣе были прейскуранты. Уже статуты Вартскіе (1423 г.) и Нѣшавскіе (1454 г.), а за ними цѣлый рядъ конституцій поручаютъ воеводамъ наложеніе таксы на товары, очевидно въ пользу дворянъ. Особенно въ XVI вѣкѣ усердно занимаются этимъ вопросомъ. Воеводы устанавливаютъ цѣны для товаровъ мѣстныхъ и привозныхъ, ибо только при Сигизмундѣ I издавались для послѣднихъ общія таксы для всего государства. Въ 1565 г. всѣ ранѣе объявленныя предписанія были объединены и изданы, съ предоставленіемъ воеводѣ полной власти относительно всѣхъ товаровъ, кромѣ хлѣба, который таксѣ не подчинялся. Прейскуранты могли быть невыгодными для городовъ, но были ли они таковыми? Дѣйствительно ли они повредили мѣщанству? Это—вопросы, на которые за время послѣднихъ Ягайлоновъ нельзя съ увѣренностью отвѣтить утвердительно. Нѣтъ доказательствъ того, чтобы прейскуранты эти уже тогда были черезчуръ тягостны. Надо обратить вниманіе и на то, что они были результатомъ извѣстныхъ экономическихъ воззрѣній, обычныхъ въ городской жизни. Тогда городамъ не чуждо было мнѣніе, что прейскуранты истекали изъ ошибочнаго пониманія эволюціи въ цѣнахъ, претерпѣваемой всей Европой, которой въ

Польшѣ правильно истолковать не умѣли. Итакъ, не въ политикѣ доброжелательства къ дворянству слѣдуетъ искать причину паденія городовъ; они были въ XVI вѣкѣ подорваны переворотомъ, происшедшимъ въ торговыхъ отношеніяхъ; города не были достаточно сильны для борьбы съ другими сословіями, въ особенности потому, что и король былъ не въ силахъ прійти имъ на помощь. Къ тому же,—и это надо помнить—они сами отреклись отъ своихъ правъ, не умѣли пользоваться случаемъ, чтобы упрочить за собой вліяніе на государственную жизнь. Города Польши вплоть до XVI вѣка, особенно болѣе значительные, были населены нѣмцами, которые ополячились только при послѣднихъ Ягайлонахъ. Такіе города не чувствовали связи между ними и государствомъ, не интересовались его судьбой. А положеніе нѣсколькихъ главнѣйшихъ городовъ рѣшало судьбу всѣхъ прочихъ. Они совершенно добровольно отказывались въ XV вѣкѣ отъ участія въ сеймахъ, лишь бы ихъ не отягощали чрезмерно сравнительно съ дворянствомъ; для нихъ было совершенно безразлично—позовутъ-ли ихъ на сеймъ или нѣтъ. Такъ поступаетъ на примѣръ Краковъ. Когда же въ XVI вѣкѣ города поняли—Краковъ первый—все значеніе участія въ сеймахъ, было уже поздно. Предшествующее развитіе и усиленное положеніе дворянъ, экономическое ослабленіе городовъ повліяли на то, что мѣста въ сеймахъ они добиться не могли; слѣдовательно, города, очевидно, не вліяли и не могли вліять на экономическую политику дворянскаго сословія, не могли противодѣйствовать рѣшеніямъ, для нихъ, можетъ быть, и не враждебнымъ.

но во всякомъ случаѣ невыгоднымъ, и, что всего важнѣе, не могли указать, какимъ образомъ слѣдовало бы ихъ поддерживать. Въ нашей политикѣ меньше ошибокъ найдется въ положительныхъ законахъ о городахъ, чѣмъ въ недостаткѣ этихъ законовъ. Дворянское сословіе завладѣло сеймами и заботилось, какъ всякое сословіе, только о своей пользѣ. Оно не вело торговой политики, такъ какъ не понимало ея, дворянство она не интересовала, а никого другого, кто бы на этотъ вопросъ обратилъ вниманіе, не было. Въ особенности отсутствіе таможенной политики чувствовалось весьма сильно. Таможенные пошлины были дурны не потому, что были невыгодны для городовъ, а потому, что пошлины эти были только фискальны, не имѣли торговаго значенія, не защищали мѣстной промышленности отъ заграничной. Вслѣдствіе этого, иностранная промышленность подорвала польскіе цехи. Въ первое время, отчасти, купцы, но и цехи не были въ состояніи справиться съ иностраннымъ соперничествомъ. Не доставало пониманія экономическихъ потребностей города въ сеймѣ, гдѣ—по собственной же винѣ городовъ—не было вовсе ихъ представителя

Внѣ сословной организаціи стоятъ, какъ
Евреи. и раньше, евреи. Основой ихъ свободъ продолжаютъ быть королевскія привиллегіи. Въ 1453 г. евреи получаютъ подтвержденіе двухъ главныхъ привиллегій, а именно: Казиміровской (1367 г.) и второй безъ числа, приписываемой Казиміру Великому—поддѣльной. Въ Нѣшавскихъ статутахъ 1454 г. король взялъ ихъ обратно, но послѣдующіе короли продол-

жають подтверждать ихъ, хотя въ жизни поддѣльная привиллегія Казимира Великаго въ особенности не имѣла большого значенія. Въ XVI вѣкѣ евреи начинаютъ добиваться и отдѣльныхъ привиллегій, для отдѣльныхъ гминъ. Въ своемъ внутреннемъ строѣ они остаются совершенно свободными. Еврейскія общины, находящіяся донынѣ лишь по большимъ городамъ, въ концѣ XV вѣка и началѣ XVI становятся многочисленнѣе вслѣдствіе сильнаго наплыва евреевъ, которые въ это время бѣгутъ отъ преслѣдованія изъ Германіи въ Польшу. Но пока, до конца этого періода, они сидятъ исключительно въ городахъ; по деревнямъ ихъ еще нѣтъ. Еврейская гмина, составляющая отдѣльный еврейскій городъ, имѣетъ собственную организацію, а слѣдовательно и своихъ собственныхъ избираемыхъ чиновниковъ, по различнымъ дѣламъ гмины (kollegia — завѣдывающихъ, ragnassim — начальниковъ, gaschim — имѣющихъ надзоръ надъ мѣрами и вѣсами;—methunim—судей, «даяновъ» и пр.). Надзоръ исполняютъ воеводы сами, или посредствомъ своихъ помощниковъ, подвоеводій. Но надзоръ этотъ пока еще очень слабъ. Отношеніе свое и своихъ подчиненныхъ (подвоеводій, судья, подсудокъ и писарь, котораго тоже назначаетъ воевода изъ среды христіанъ) къ евреямъ, съ начала XVI вѣка, опредѣляютъ воеводы въ такъ называемыхъ воеводскихъ ординаціяхъ. Только при послѣднихъ Ягайлонахъ (въ XVI вѣкѣ) появляется неизвѣстная до того времени власть: главный сеніоратъ, отдѣльный для Велико-Польшы, отдѣльный для Мало-Польшы. Сеніорами назначалъ король евреевъ; задачей ихъ было посред-

ничество между королемъ и евреями, въ особенности въ дѣлахъ финансовыхъ, а за то сеніоры получили извѣстныя права надзора надъ гминами. Учрежденіе это, однако, среди евреевъ не пользуется популярностью и уже въ концѣ этой эпохи исчезаетъ. Кромѣ того, наряду со своими отношеніями къ государству, евреи должны были опредѣлить свое положеніе относительно городовъ. Такіе договоры съ городами, обозначающіе предѣлы торговли и ремесла для еврейскихъ купцовъ и ремесленниковъ, появляются въ концѣ XV вѣка. Тогда только евреи, возрастая численно и не будучи въ состояніи прокормиться лихимствомъ, принуждены были приняться за другіе способы заработка. Города не очень доброжелательно смотрѣли на эту возникающую конкуренцію. Вытекающія отсюда столкновенія рѣшались именно такими договорами, которые обыкновенно евреямъ приходилось дорого оплачивать.

На ряду съ перемѣнами, наблюдаемыми
 Государствен- въ развитіи общественной организаціи
 ный строй. Польши въ продолженіи этой эпохи, стоитъ
 эволюція въ пониманіи и устройствѣ государства. Только послѣ смерти Казимира Великаго государство начало вырабатываться, какъ одно цѣлое, объединяющее всѣ отдѣльныя его части и замѣняющее прежній свободный союзъ, который ихъ связывалъ. Это произошло не вдругъ, а развивалось долго, вплоть до люблинскаго сейма 1569 г. и его постановленій. Хотя и этотъ сеймъ еще не вполне довершилъ преобразование Польши въ единое цѣлое, но по крайней мѣрѣ

части Польши были дѣйствительно связаны, и связь эта была сильна и осталась почти безъ измѣненій чуть-ли не до самаго конца существованія польскаго государства. Отдѣльныя составныя части Польши, находясь подъ властью иностранца Людовика Венгерскаго, очевидно имѣли общіе интересы и должны были ради этихъ интересовъ соединиться. Теперь онѣ неоднократно выступаютъ сообща, вмѣстѣ заботятся объ удовлетвореніи своихъ потребностей. Но еще болѣе объединяетъ ихъ вполнѣ отсутствіе короля послѣ Людовика. Предоставленныя самимъ себѣ, безъ правителя, онѣ должны были искать формъ сплоченія, чтобы обезпечить себя общими силами, и сообща защищать свои требованія. Формой этой является конфедерація, т. е. союзъ, основанный на общности интересовъ, имѣющей гражданско-правовой характеръ и общественно-правовыя цѣли. И дальше, при Ягайтѣ, въ вопросахъ объ избирательной системѣ, въ XV вѣкѣ, это сознаніе единства усиливалось. Возрастаетъ и число общихъ интересовъ. Появляется сеймъ, обнимающій уже всѣ области, замѣняющій такимъ образомъ ранѣе существовавшія областныя вѣча, образуются общія должности, какъ центральныя для всего государства; хотя существуютъ еще и такія отрасли строя, въ которыхъ сохраняются провинціализмы, какъ напр. въ судебномъ вѣдомствѣ въ отрасли гражданскаго права и т. д. Однако, это объединеніе областей въ одно цѣлое не обняло всей Польши. Польское государство состояло пока, собственно говоря, только изъ тѣхъ частей, которыя уже заранѣе значительное время находились подъ однимъ правленіемъ,

и которыя, вслѣдствіе этого, имѣли уже больше общихъ интересовъ. Это—Малопольша (или воеводства: Краковское, Сандомирское и съ 1474 г. Люблинское, выдѣленное изъ предыдущаго), Великопольша, (т. е. воеводства: Познанское, Калишское и земля Накельская, все тѣснѣе и тѣснѣе соединяющаяся съ Калишской областью) Лэнчинца, Сѣрадзъ, Куявы (т. е. воеводство Брестское, въ 1384—1394 г. остающееся въ рукахъ одного изъ мазовецкихъ князей, и воеводство Иновроцлавское, находящееся въ 1370—1396 гг. преимущественно во власти Каська Щегинскаго, а потомъ Владислава Опольскаго) и Добржынь, подчиненный Каську въ 1370—1404, а потомъ женѣ его Маргаритѣ, Владиславу Опольскому и наконецъ крестоносцамъ. Эти только земли составляли собственно польское государство, къ нимъ только относятся земскія привиллегіи, и лишь онѣ принимали участіе въ сеймахъ.

Кромѣ указанныхъ областей, къ Польшѣ принадлежали или присоединились въ теченіе этого періода, еще довольно значительныя территоріи, связь между которыми почти отсутствовала. Онѣ не пользовались привиллегіями, не принимали участія въ сеймахъ и т. д. У нихъ были свои особыя привиллегіи, свои сѣзды (хотя не у всѣхъ), собственная администрація, иногда различная отъ польской, другое судебное право. Только съ теченіемъ времени, онѣ, позже или раньше, входили въ составъ Польскаго государства. Обыкновенно, подготовкой къ такому присоединенію служило введеніе въ эти территоріи учрежденій по польскому образцу

(главнымъ образомъ организація должностей), ибо рѣдко случалось, чтобы послѣ присоединенія къ Польшѣ такой области, ее допускали сразу до полной гѣсной общности. Акты, включающіе эти территоріи въ предѣлы Польши, уже оффиціальнымъ образомъ назывались жалованными грамотами польскаго права, инкорпораціями, или уніями, хотя опредѣленія эти не всегда достаточно вѣрны и точны. Болѣе всѣхъ соответствующимъ является выраженіе «инкорпорація», унія выражаетъ неполное включеніе, проводимое только частью, при чемъ присоединяемая территорія сохранила еще отчасти свои особенности.

При такихъ инкорпораціяхъ и уніяхъ необходимо было опредѣлить и рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) объ общественныхъ правахъ и привиллегіяхъ, 2) объ участіи въ общихъ сѣздахъ или сеймахъ, 3) объ организаціи должностей и 4) объ организаціи судовъ, съ установленіемъ матеріальнаго права, какъ уголовного, такъ и гражданскаго, и порядка судопроизводства. Главнымъ является вопросъ о привиллегіяхъ. Территоріи, присоединяемыя къ Польшѣ, пользовались, въ общемъ, меньшими привиллегіями или даже вовсе ихъ не получали. При инкорпораціи обыкновенно распространяли на нихъ польскія привиллегіи, а слѣдовательно уравнивали общество этихъ областей, первымъ дѣломъ, дворянство, такъ какъ именно въ немъ и его привиллегіяхъ было дѣло съ польскимъ дворянствомъ. Это именно составляетъ отличительную черту консолидаціи Польскаго государства, въ то время какъ въ другихъ государствахъ, наоборотъ, сдѣлание свершалось обратнымъ путемъ, чрезъ ограниченіе важ-

нѣйшихъ привилегій въ данныхъ областяхъ и усиленіе королевской власти. То, что Польша пошла по иному направленію, вытекаетъ изъ всего ея развитія и изъ той силы, какой достигло общество, т. е. въ данномъ случаѣ дворянство, по отношенію къ королю. Въ этомъ именно и заключается большее значеніе уніи и инкорпораціи, которыя такъ высоко ставятъ политическіе историки, особенно прежней, сентиментальной эпохи. Участіе въ сеймахъ являлось, очевидно, необходимымъ слѣдствіемъ сліянія. Парламентскаго устройства не было въ этихъ областяхъ—это касается главнымъ образомъ сеймиковъ,—при инкорпораціи же его вводили искусственно. Искусственно также создавались часто должности по польскому образцу, т. е. вводились земскія должности, такъ какъ безъ этого невозможно было установить положенія этихъ областей въ сеймахъ, куда призывали именно высшихъ земскихъ чиновниковъ: воеводъ и кастеляновъ. Что касается судебного права, то или оставляли то, которое тамъ существовало раньше, или же данныя территоріи принимали польское судебное право, что случалось очень часто. Таковы общія условія инкорпораціи. Въ жизни, конечно, наблюдаются неоднократно значительныя отступленія. Ихъ стоитъ прослѣдить по очереди: 1) Княжество Силезское. Уже при Казимірѣ Великомъ Польшѣ принадлежитъ земля Веховская. Она получаетъ польскіе законы въ 1422 г. и становится частью Великопольши. Велюнь, имѣющій послѣ Казимира Великаго довольно продолжительное время собственнаго владѣтеля, возвращается къ Польшѣ

только во время Ягайлы. Польскіе законы Велюнь получилъ въ XV вѣкѣ, неизвѣстно въ точности когда. Святимъ Польша приобрѣла въ 1457 г., Заторъ въ 1494 г., при чемъ первое время тамъ продолжали править князья Пясты. Инкорпорація проводилась въ сеймахъ 1562—1563 и 1563—1564 г.г. Унія была полная. Образовался особый сеймикъ, ввелось польское судебное право, принятое уже заранѣе отдѣльными земцами. 2) Мазовше вступило въ ленныя отношенія съ Польшей посредствомъ актовъ 1351, 1355 и 1359 гг. Но послѣ Казимира Великаго связь эта порвалась и вновь возникаетъ только съ 1425 г. Польскіе короли, основываясь на своей власти, постепенно, по частямъ, включаютъ Мазовше въ предѣлы короны. Въ 1462 г. присоединилась земля Равская и Гостынская, въ 1476-мъ Сохачевская, въ 1496—Плоцкая. Польскіе законы получили Гостынь и Сохачевъ, при включеніи, Рава въ 1494, Плоцкъ по актамъ 1502, 1504 и 1505 г.г. Инкорпорація была полная (земли эти приняли и судебное право) и привилась здѣсь тѣмъ легче, что въ основѣ тѣхъ и другихъ учрежденій лежали одни и тѣ же начала. Иначе случалось съ остальной частью Мазовши. Ее присоединили послѣ смерти послѣднихъ Пястовъ въ 1524 и 1526 г. Отношеніе къ Польшѣ установилось только въ 1529 г. посредствомъ варшавскаго договора и петроковской привилегіи, подтвердившей этотъ договоръ. Здѣсь дворянство сравнивали въ привилегіяхъ съ польскимъ, воеводъ, кастеляновъ ввели въ польскій сенатъ, организовали сеймики. Земскія должности существовали тутъ уже и раньше. Однако

Мазовшѣ предоставили особое судебное право съ собственной судебной организаціей. Въ 1532 г. право это собрано въ отдѣльный сводъ съ цѣлью защитить его отъ польскихъ вліяній. (I мазовецкій статутъ или такъ называемый Сводъ Пражмовскаго), въ 1540 г. было издано второе уложеніе, явившееся смягченіемъ перваго (II мазовецкій статутъ, или Сводъ Горынскаго). Но уже вскорѣ мазовшане стали перенимать отчасти польскіе законы. Наконецъ, въ началѣ слѣдующаго періода, въ 1577 г., они приняли польское право, за исключеніемъ нѣкоторыхъ предписаній, называемыхъ «мазовецкими экцептами».

3) Пруссія формально присоединилась къ Польшѣ актомъ 1454 г., хотя только война и торунскій миръ 1466 г. опредѣлили границы той части территоріи, которая примкнула къ Польшѣ. Гораздо большая по пространству, чѣмъ Силезская область—и съ различнымъ отъ послѣдняго прошлымъ, Пруссія сохраняетъ дольше и въ большей степени свою самостоятельность. У ней особыя привилегіи, собственный сеймъ, въ составъ котораго входятъ воеводы, кастеляны, подкоморьи и депутаты болѣе крупныхъ городовъ, представляя изъ себя сенатъ, а начиная съ 1526 г. также и депутаты, выбираемые на сеймикахъ, введенныхъ по польскому примѣру дворянствомъ, и представители городовъ болѣе мелкихъ. Земскія должности были установлены, слѣдуя Польшѣ, уже въ 1454 г., а затѣмъ преобразованы окончательно въ 1468 г., образовавъ три воеводства: Поморское, Мальборское и Хелминское. Относительно судебного права, у нихъ оно было до 1476 г. другое, чѣмъ въ Польшѣ,

а съ 1476 г. все дворянство пользуется хелминскимъ (а слѣдовательно германскимъ) правомъ. Уже при Сигизмундѣ I, а еще болѣе при Сигизмундѣ-Августѣ въ Польшѣ стали требовать болѣе тѣснаго общенія Пруссіи съ Польшей. Пруссія защищалась долго и очень упорно, хотя и тамъ находились приверженцы болѣе тѣсной уніи. Окончательно вопросъ этотъ былъ рѣшенъ королемъ на люблинскомъ сеймѣ въ 1569 г., постановившемъ, что прусскіе документы по ихъ особенному характеру не имѣютъ законнаго значенія. Собственно говоря, унія совершилась только въ томъ смыслѣ, что воеводы и кастеляны Пруссіи вступили въ Польскій сенатъ, а послы въ польскую палату. Пруссія, однако, удержала за собой свои особыя привилегіи, отчасти подати, прусскій сеймъ тоже сохранился, и остался весьма самостоятельнымъ относительно польскаго сейма. Осталась также собственная казна, которою завѣдывалъ прусскій казначей, а въ первое время даже и особое судебное право. 4) Русь.—Казиміръ Великій уже съ 1340 г. имѣетъ извѣстную верховную власть надъ Русью Червонной, а съ 1352-го владѣетъ ею, какъ землей, ему только подчиненной. Она и удержалась за Польшей съ короткимъ, сравнительно, перерывомъ венгерскаго правленія, послѣ смерти Людовика. Русь состояла изъ земель Львовской, Галицкой (къ которой принадлежали тоже Трембовельскій и Коломыйскій уѣзды), Пржемыская, Саноцкая, земля Холмская, тогда еще не входящая въ составъ Червонной Руси, и земля Белзская, которую, однако, Ягайло отдалъ въ ленное владѣніе мазовецкимъ князьямъ. Раньше

уже занятое, Подолье имѣеть собственныхъ князей (Корьятовичей) и ленниковъ (Спытэкъ изъ Мельштына) и также, только съ конца XIV вѣка, непосредственно подчиняется королю. Управляютъ этими областями старосты; населеніе не пользуется земскими привилегіями и управляется русскими законами. Только вслѣдствіе обязательствъ, которыя принялъ на себя Ягайло, по Краковской (1340) и Едельненской привилегіямъ (1433), Варненчикъ далъ окончательно этимъ землямъ польскіе законы. Итакъ, создались земскія іерархіи (воеводства русское и польское, наряду съ особой землей Холмской, которую лишь въ XVI вѣкѣ присоединили къ русскому воеводству), воеводъ и кастеляновъ причислили къ польскому сейму, распространили польскія привилегіи и на Русь. Ввели также и польское судебное право. Белзъ удержался подъ мазовецкой властью до 1462 г. и тогда уже получилъ много польско-мазовецкихъ организацій. Послѣ включенія его въ предѣлы Польши, онъ тотчасъ получилъ и польскіе законы. б) Литва. Важнѣе всѣхъ было отношеніе къ Литвѣ. Оно сформировалось иначе, благодаря большому значенію этой обширной территоріи и большей ея самостоятельности,—что можетъ быть важнѣе всего—потому, что у Литвы была своя, да еще наследственная династія. Способомъ присоединенія Литвы въ 1386 г. была инкорпорація, по примѣру прочихъ. Однако, историческіе факты являютъ причиной того, что во главѣ Литвы становится отдѣльный великій князь, хотя и подчиненный власти польскаго короля, т. е. высшаго литовскаго князя. Поль

Ша же, въ свою очередь, помнила, что Ягайлоны имѣютъ наследственное право на Литву, и что поэтому послѣдняя могла всегда отдѣлиться. Чтобы, слѣдовательно, обезпечить полное сліяніе Польши и Литвы происходитъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ уній: въ 1401 г. (виленская), 1413 (городельская) въ 1499 (виленская) и 1504 (мельницкая). Уніи эти рѣшаютъ, въ видѣ правила, общій выборъ короля. Единственно мельницкая унія пытается скрѣпить эти узы нѣсколько тѣснѣе, что ей впрочемъ не удается. Зато, Литва понемногу уподобляется Польшѣ во внутреннемъ устройствѣ. Бояре, отвѣчающіе польскимъ милесамъ XIII-го вѣка, получаютъ уже въ 1387 г. первыя привиллеги, а потомъ цѣлый рядъ льготъ по примѣру Польши. Въ 1413 г. въ Городлѣ бояре принимаютъ польскую гербовую организацію путемъ усыновленія ихъ польскими семействами. Тогда же появляются первыя земскія должности, по примѣру Польши воеводства и кастелянства въ Вильнѣ и Трокахъ. Единственно право участія въ великокняжескомъ совѣтѣ подвигается нѣсколько инымъ путемъ, благодаря положенію князей, которыхъ тамъ такъ много, и иному положенію боярѣ. Во второй половинѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вѣка уравненіе это слабѣетъ, но возобновляется вновь при Сигизмундѣ-Августѣ, который, съ цѣлью облегчить унію, старался поскорѣе ввести въ Литвѣ польскую организацію, какъ относительно образованія должностей (вводя цѣлую земскую систему), такъ и относительно сеймоваго строя. Установленіемъ отношеній къ Литвѣ занимается также цѣлый рядъ сеймовъ: петроковскіѣ

1562—1563, варшавскій 1563—1564, парчевскій 1564 и, наконецъ, люблинскій 1569. Главныя основы рѣшены уже на сеймѣ 1564 г. — Однако, литовцы вскорѣ отъ нихъ отступили, такъ что въ 1569 г. надо было всѣ эти вопросы рѣшать съизнова. Отъ 1564 г. осталось лишь одно: отреченіе короля отъ всякаго права наслѣдованія въ Литвѣ, такъ какъ принципъ наслѣдственности не могъ ужиться съ избирательною системою Польши. Въ 1569 г., какъ и раньше, поляки стремились къ полной инкорпорации Литвы, какъ и относительно прочихъ территорій. Это однако не удалось. Включены были только воеводства: подлѣское, волынское, брацлавское и кіевское, уже въ полномъ смыслѣ слова, какъ относительно привилегій, такъ и устройства. Единственно, относительно судебного права, въ предѣлахъ Волыни, Брацлавля и Кіева остался обязательнымъ Литовскій статутъ, такъ называемый второй, съ 1566 г. извѣстный подъ названіемъ волынскаго (первый былъ изданъ въ 1522 г. и дѣйствовалъ съ 1529-го по 1566 г.). Только Подлѣсье приняло и судебное польское право (которое, между прочимъ, примѣнялось тамъ еще до уніи). Что касается прочихъ, пока еще литовскихъ территорій, то между ними и Польшею дѣло окончилось уніей, т. е. неполной инкорпорацией. Была объявлена нераздѣльность страны, общность монарха, котораго намѣревались избирать сообща, и общіе сеймы, образовавшіеся такимъ образомъ, что къ участию въ нихъ призывали всѣхъ тѣхъ, которые имѣли право засѣдать въ польскомъ сенатѣ, т. е. епископовъ, ми-

нистровъ, воеводъ и кастеляновъ, а также представителей сеймиковъ, незадолго до того введенныхъ въ Литвѣ по польскому образцу. Земскія должности и ранѣе были въ Литвѣ почти такія же, какъ въ Польшѣ. Зато оставили (и это была уступка со стороны поляковъ) — особыя центральныя должности—министерства, устроенныя по образцу Польши, и вслѣдствіе этого—особую центральную администрацію, особую казну и собственное войско. Осталось также и свое судебное право, сведенное во второмъ литовскомъ статутѣ. Итакъ, Литва получила окончательно въ этой послѣдней, рѣшающей, униі титулъ равнаго государства, хотя въ болѣе ограниченныхъ, нежели раньше, предѣлахъ. Инкорпорація не удалась. Польское государство съ этихъ поръ является союзомъ двухъ державъ, связанныхъ унией.—6) Инфлянты. Они подчинились Сигизмунду-Августу въ 1561 г. кромѣ одной части, въ которой удержалось отдѣленное княжество. Король въ первую минуту подтвердилъ права инфлянтъ, не рѣшая отношенія ихъ къ Польшѣ и отчасти къ Литвѣ. Въ 1566 г. король, въ формѣ привилегіи, включаетъ инфлянты въ предѣлы Литвы, въ видѣ ея составной части. Такое положеніе продолжалось до 1569 г. На люблинскомъ сеймѣ былъ поднятъ и этотъ вопросъ. Инфлянты были признаны общей собственностью Польши и Литвы, что и было закрѣплено присягой пословъ-представителей инфлянтъ. Собственно говоря, инфлянты такимъ образомъ являются третьей составной частью польско-литовскаго государства, но включенной въ двѣ главныя. Относительно строя не произошло пока никакихъ

преобразованій. Во главѣ стоялъ намѣстникъ, какъ замѣститель короля. Инфлянтамъ предоставили особыя привилегіи, власти, сеймъ, какъ и особыя законы. Итакъ, цѣлый рядъ актовъ инкорпорацій и уній создалъ и объединилъ польское государство. Вокругъ сердцевины, образуемой собственно польскими областями, сгруппировались всѣ прочія, прибрѣтенныя области, хотя не всѣ онѣ слились въ одно нераздѣльное цѣлое, хотя Пруссія и инфлянты удержали нѣкоторыя особенности, а Литва даже автономію, но, все-таки, узы, опредѣленныя закономъ, сплотились чрезвычайно сильно въ сравненіи съ тѣмъ свободнымъ союзомъ, какимъ были связаны области Польши послѣ смерти Казимира Великаго.

Въ составъ польской монархіи входили еще удѣльныя княжества. Это не всегда были союзы, представляющіе важное значеніе. Князья поморскіе, какъ и молдавскіе и волошскіе, признають себя при Ягайтѣ вассалами Польши, а слѣдовательно признають ея главенство, не связывая себя, однако, никакими особенными обязательствами. Отношенія эти, вполнѣ свободныя, нарушаются относительно Поморья весьма быстро, съ Молдавіей удерживаются еще въ продолженіи XV вѣка. Гораздо достойнѣе вниманія мазовецкіе лены. Основываясь на зависимости ихъ, польскіе короли заняли вполнѣ въ слѣдствіи все Мазовше. Въ 1466 г. присоединяется самый важный ленъ. Только часть Пруссіи была включена въ Польшу (королевская Пруссія), остальная часть удержалась за орденомъ, но тотъ дол-

Эженъ былъ признанъ себя вассаломъ Польши. Однако онъ постоянно стремится къ порванію этой зависимости, магистры отказываются свидѣтельствовать свою покорность. Польша выступаетъ съ требованіемъ вооруженной помощи и т. д., но, обыкновенно, напрасно. Только 1525 г. приноситъ значительныя перемѣны. Послѣдній великій магистръ Альбрехтъ, съ согласія Сигизмунда I, вступаетъ въ феодальное владѣніе Пруссіи, какъ свѣтскій князь. Это такъ называемая секуляризація Пруссіи. По актамъ 1525 г. ленъ долженъ былъ перейти отъ Альбрехта къ его мужскимъ потомкамъ, а въ случаѣ неимѣнія послѣднихъ, къ его тремъ братьямъ и ихъ потомкамъ. При пресѣченіи, однако, этихъ линій, княжеская Пруссія, какъ ее теперь называли, примыкала къ Польшѣ. Но уже при Сигизмундѣ I линія Гогенцоллерновъ (такъ называемая курфиршеская, правящая въ Бранденбургѣ) стала добиваться, чтобы ее допустили къ лену въ случаѣ прекращенія другихъ линій. Попытки эти, постоянно возобновляемыя, долго встрѣчали отпоръ съ польской стороны. Въ концѣ концовъ Сигизмундъ - Августъ уступилъ и въ 1563 году официально присоединилъ гогенцоллерновъ къ общей инвеститурѣ, т. е. къ участію въ общей покорности, признавъ за ней такимъ образомъ право наслѣдованія послѣ пресѣченія линіи Анспахской.

Если секуляризація была невыгодна для Польши, создавая на мѣстѣ гбнущаго ордена — жизненное свѣтское княжество, то, по крайней мѣрѣ при договорахъ 1525 г., имѣлось также въ виду расширеніе правъ Польши. Пруссій князь получилъ право уча-

стія въ польскихъ сеймахъ, ограниченное однако правомъ голоса въ дѣлахъ исключительно прусскихъ. Въ правѣ участія въ выборахъ короля уже при выборѣ Сигизмунда-Августа ему твердо отказали. Кромѣ того, онъ могъ требовать отъ короля защиты, если дѣло касалось вассальныхъ отношеній. Съ этого момента обязанности и ограниченія стали весьма значительны. Князь не имѣлъ права дѣлить княжество, продавать его частей, отдавать въ залогъ и пр. Въ случаѣ войны, прусскій князь обязанъ былъ снабжать Польшу военной силой. Титуль его былъ: «Князь въ Пруссіи» (*dux in Prussia*), тогда какъ польскій король назывался «Прусскимъ княземъ» (*dux Prussiae*). Весьма важны были предписанія, касающіяся споровъ между княземъ и его поданными, подлежащихъ рѣшенію польскаго короля. Король могъ оказывать сильное вліяніе внутри отдѣленнаго княжества, и оказывалъ его дѣйствительно. Комиссія, высланная королемъ въ Пруссію въ 1569 г., послѣ смерти князя Альбрехта, устраиваетъ свободно внутреннія отношенія. Также и апелляціи на рѣшенія княжескихъ судебныхъ мѣстъ идутъ на усмотрѣніе короля, что тоже имѣло большое значеніе. Король польскій имѣлъ право давать поданнымъ князя въ Пруссіи охранные листы, независимо отъ послѣдняго. Въ 1526 г. король далъ князю право чеканить монету, устанавливать таможенную пошлину, прокладывать новыя дороги, право складовъ и пр. Въ общемъ, съ 1525 г. польскіе короли приобрѣли такое огромное вліяніе въ прусскомъ княжествѣ, что послѣднее могло считаться частью Польши.

Наряду съ Пруссіей за Польшей удержался до Самаго его паденія еще другой ленъ: княжества Курляндія и Семигалія, образовавшіяся въ 1561 г. при занятіи инфлянтъ—въ пользу послѣдняго магистра инфлянтскаго ордена,—Готарда Кеттлера и его мужскихъ потомковъ. Съ 1569 г. онъ считается общимъ вассаломъ Польши и Литвы. Обязанности были тутъ почти такія, какъ въ Пруссіи, онъ заявляетъ свою покорность, снабжаетъ Польшу военной силой въ случаѣ войны; тяжбы противъ князя и апелляціи изъ княжескаго суда поступаютъ въ судъ короля Польши.

Во главѣ польскаго государства стоитъ **Королевская власть.** король; однако, королевская власть въ теченіе этого періода подвергается значительному ограниченію, благодаря измѣненіямъ въ основныхъ законахъ его правленія. Пяты были монархами наследственными, права ихъ на престолъ происходили отъ нихъ самихъ. На этомъ основаніи, Людовикъ Венгерскій, какъ родственникъ Казимира Великаго, взялъ власть послѣ его смерти въ свои руки. Еслибы онъ оставилъ мужскихъ потомковъ, то они послѣ него имѣли бы право на престолъ,—право, котораго никто не могъ оспаривать. Но у Людовика сыновей не было. А такъ какъ право наследства за женщинами въ Польшѣ не признавалось, то Людовикъ долженъ былъ получить согласіе общества на подобное нововведеніе. Такимъ образомъ, въ Польшѣ дѣло доходитъ до формальнаго избранія короля. Вопреки Кошицкой привилегіи (1375 г.), за дочерьми Людовика было признано право на престолъ. Послѣ его смерти одна изъ этихъ д-

черей Ядвига и вступила на польскій престолъ. Выборъ Ядвиги былъ уже просто такъ называемый «*praelectio*», т. е. избраніемъ изъ среды лицъ, имѣющихъ право на престолъ, а именно изъ числа дочерей Людовика. Это былъ однако выборъ династіи, а не одного лица. Если-бы у Ядвиги были мужскіе потомки, то права ея перешли бы къ нимъ, они не были бы принуждены добиваться вновь своего избранія. Но Ядвига не оставила сыновей. Что касается Ягайлы, то его положеніе было неполнѣ опредѣленное. Нельзя смотрѣть на него просто какъ на супруга королевы, ибо это понятіе совершенно чуждо тогдашнимъ воззрѣніямъ. Права свои онъ основывалъ на избраніи его въ супруги Ядвиги и на вытекающихъ отсюда правахъ ихъ дѣтей. Итакъ, когда дѣло шло о наследованіи престола его дѣтьми отъ четвертаго брака, то необходимы были выборы, и избраніе сыновей Ягайлы, Владислава и Казимира совершается при его жизни вопреки привилегій (1425, 1430, 1433). Выборъ между ними послѣ смерти Ягайлы—это уже только «*praelectio*». Съ этихъ поръ въ Польшѣ упрочивается избраніе не династіи, а лица. Потомки выбираемыхъ не имѣютъ права на корону, какъ дѣти короля, но должны пріобрѣсти это право путемъ избранія. Итакъ, отъ Варненчика слѣдуетъ считать избираемость королей. Что престолъ удержался за Ягайлонами до самаго пресѣченія ихъ династіи, это имѣетъ фактическое, но не законное значеніе. Надо было удержать союзъ съ Литвой, который бы распался въ случаѣ выбора посторонняго государя, такъ какъ Ягайлоны удержали право наследства въ Литвѣ. Поэтому -то

И надо было, путемъ избранія, держаться этой династїи.

Кто не имѣетъ права участвовать въ выборахъ, кто производитъ ихъ—это зависитъ отъ развитїя общественныхъ правъ. Въ первыхъ выборахъ принимаютъ участіе только вельможи, самые знатные среди дворянства, ибо пока лишь они подготовлены къ общественной и государственной жизни. Но уже при избранїи сыновей Ягайлы кругъ избирателей расширяется не только потому, что въ то время въ сеймахъ начинаетъ дѣйствовать дворянство, но и оттого, что Ягайла старается укрѣпить выборъ рѣшенный на сѣздѣ—согласіемъ воеводскаго дворянства, въ формѣ предъявляемыхъ воеводами документовъ съ печатями двухъ членовъ изъ каждаго осѣдлаго рода въ воеводствѣ. Позднѣйшіе выборы совершаются лишь на общихъ сѣздахъ (Варненчикъ, Казимїръ, Янъ Ольбрехтъ, Александръ). Право голоса имѣютъ прежде всего самые знатные, начиная съ примаса и епископовъ, воеводы, кастеляны и прочіе засѣдатели сената и кромѣ того представители шляхты въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ. Затѣмъ, совершенный выборъ объявляется въ присутствїи собранной шляхты, которая и подтверждаетъ его. Такъ, уже тогда каждый шляхтичъ имѣлъ право участвовать въ избранїи короля. Единственно Сигизмундъ-Августъ былъ избранъ на простомъ сеймѣ (1529—1530), обезпечивъ въ будущемъ право всего дворянства на личное участіе въ избранїи короля. При Сигизмундѣ-Августѣ, когда исчезла надежда на наслѣдника, въ сеймахъ неоднократно подымались (1558—1559, 1569, 1572) проекты,

имѣющіе цѣлью организацію безкоролья. Однако, не одинъ изъ нихъ не осуществился. Только путемъ практики выработались предписанія, опредѣляющія съ этихъ поръ «interregnum». Послѣ избранія короля въ Краковѣ происходила коронація короля. Совершалъ ее гнѣзнинскій архіепископъ, по строго опредѣленнымъ обрядамъ. Со дня коронаціи начиналось собственно правленіе новаго монарха. Первымъ его дѣйствіемъ является общее подтвержденіе законовъ, что осуществляется впервые при избраніи Варненчика.

Власть короля первоначально была очень велика, но уже въ теченіе этого періода подвергается ограниченіямъ, хотя еще не столь значительнымъ, какъ впоследствии. Точно опредѣлить кругъ дѣйствій короля невозможно. Онъ является законодателемъ, издаетъ эдикты, статуты, мандаты, универсалы. Правда, онъ обращается за совѣтомъ къ вельможамъ—сенату, но совѣтъ этотъ, въ продолженіи всего XV вѣка, не связываетъ его въ правовомъ отношеніи. Онъ слѣдуетъ ему, но не обязанъ слѣдовать. Мельницкая привилегія 1501 г., дающая сенату большія права въ ущербъ королевской власти, была впоследствии признана не обязательной. Во всякомъ случаѣ, королю нельзя нарушать законовъ и привилегій. Ясно выражаетъ это конституція 1505 г., извѣстная подъ названіемъ «Nihil novi», и она дѣйствительно не ввела «ничего новаго». Она послужила, однако, при двухъ послѣднихъ Ягайлонахъ, точкой опоры для расширенія власти сейма по всѣмъ почти вопросамъ, требующимъ законодательнаго пересмотра. Король обладаетъ высшей исполнительной властью, но пожизненность долж-

Ностей, а затѣмъ ихъ самостоятельность значительно ограничиваютъ короля. Онъ же является высшимъ судьей, источникомъ закона, высшимъ военачальникомъ, хотя самъ все рѣже и рѣже командуетъ войсками. Но несмотря на то, что власть его основана на избраніи народа, все-таки, онъ—король «Божьей милостью», и не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ за свои поступки.

Власть свою исполняетъ король при **Должности.** помощи чиновниковъ, сейма и сеймиковъ. Изъ должностей, которыя создались уже раньше, вслѣдствіе государственныхъ нуждъ возникаютъ новыя. Земскія должности преимущественно принадлежали къ первой группѣ; хотя онѣ и потеряли свое прежнее значеніе, все-таки ихъ вводятъ даже въ новопріобрѣтенныхъ или инкорпорированныхъ территоріяхъ. Число ихъ растетъ. Въ 1434 г. образовались воеводства Русское и Подольское съ земскими должностями и, кромѣ того, послѣднія были введены въ Холмской землѣ. Въ 1454 г. онѣ были установлены въ Пруссіи, но въ 1468 г. ихъ отмѣнили, образовавъ три воеводства: Поморское, Мальбургское и Хельминское. Въ 1474 г. изъ Сандомирскаго воеводства выдѣлилось Люблинское. Въ Мазавецкой области земскія должности существовали и раньше, но послѣ присоединенія Мазовша вопросъ о власти воеводъ былъ упрямоченъ и окончательно было образовано одно воеводство для земель: Гостынской, Равской и Сохачевской, одно для Плоцкой и одно для прочихъ земель Мазовша (Мазовецкое воеводство). Белзская

земля уже при ея инкорпораціи составляла особое воеводство; также и Литва, когда ее уніей соединили съ Польшей, имѣла свои воеводства и земскія должности, приче́мъ Польша получила воеводства: Волыньское, Брацлавское, Подлѣское и Кіевское, а за Литвой остались: Виленское, Троцкое, Смоленское, Полоцкое, Новгородское, Витебское, Брестское, Мстиславское и Минское.

Въ каждомъ воеводствѣ былъ очевидно отдѣльный воевода. Кастеляновъ бывало по-нѣскольку въ тѣхъ областяхъ, гдѣ должность эта развивалась послѣдовательно. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ кастелянства создавались искусственно, должность эта тѣсно связывалась въ одну цѣпь съ другими, образуя въ воеводствѣ одного только кастеляна, слѣдующаго сейчасъ за воеводой (Пруссія, Литва, русскія области, за исключеніемъ Червонной Руси). Только въ Червонной Руси каждая область имѣла своего кастеляна. Прочія земскія должности (подкоморій, судья, виночерпій и т. д.) находились какъ въ прежнихъ, такъ и въ большей части новыхъ воеводствъ, только по одной. Лишь въ Мазовшѣ каждая земля имѣла издавна свою собственную іерархію (собственно въ Мазовшѣ—10 іерархій, Савское воеводство—3); подобнымъ же образомъ организовали земскія должности, вводя ихъ въ Червонной Руси (пять іерархій). Но не вездѣ число этихъ должностей было одно и то же. Нѣкоторыя областныя должности исчезаютъ уже въ теченіе этого періода (канцлеры, казнохранители), хотя не всюду, въ другихъ число ихъ еще растетъ. Въ Пруссіи ввели ихъ меньше, въ Литвѣ существуютъ чиновники, неизвѣст-

ные въ другихъ областяхъ (маршалы уѣздовъ, городничіе и т. д.). На эти должности (подкоморій, судья, подсудокъ, писарь) назначаетъ самъ король изъ числа четырехъ кандидатовъ, представленныхъ дворянствомъ. Въ Литвѣ двое воеводъ избираемы, какъ и хорунжіе. Но и тутъ между областями существуютъ извѣстныя различія (напр. въ Пруссіи). Задачи земскихъ должностей весьма незначительны. Это скорѣе—саны. Воевода ведетъ къ королю всеобщее ополченіе своего воеводства, собираемое по уѣздамъ подъ предводительствомъ кастеляновъ. Кромѣ того, воевода удерживаетъ за собой власть надъ евреями, а въ XV вѣкѣ получаетъ надзоръ надъ мѣрами и вѣсами по городамъ и право опредѣленія цѣнъ на товары. По возникновеніи сеймиковъ, онъ занимаетъ въ нихъ первое мѣсто. Кастелянъ, кромѣ вышеупомянутыхъ военныхъ обязанностей, не имѣетъ никакихъ другихъ. Зато, эти двѣ должности даютъ доступъ въ сенатъ; поэтому ихъ очень высоко цѣнятъ и называютъ «сенаторскими». Подкоморій продолжаетъ производить судъ въ межевыхъ спорахъ; въ земскихъ судахъ засѣдаетъ судья, подсудокъ и писарь. Прочіе члены лишь почетные. И даже тѣ, у которыхъ есть опредѣленное дѣло, замѣщаются обыкновенно помощниками, которыхъ сами же и назначаютъ: воевода—подвоеводу, судья и подсудокъ—судебныхъ приставовъ, также и подкоморій.

Собственно управленіе страной остается въ рукахъ старостъ, они удерживаются въ тѣхъ же областяхъ и предѣлахъ территоріи и власти, какъ и раньше, т. е. въ границахъ всей области. Подобнымъ же путемъ

сложилась эта должность при введеніи или преобразованіи (если она уже существовала) въ новоприсоединяемыхъ территорияхъ, въ областяхъ Силезіи, Пруссіи, Руси и Литвы. Въ Пруссіи должность старосты слилась съ воеводскимъ саномъ; то же самое было обыкновенно и въ Литвѣ. Только Червонная Русь получила большее число старостъ. Старостѣ принадлежитъ администрація страны, онъ исполняетъ всякія повелѣнія короля. Поэтому-то и зовутъ старосту «плечемъ короля». Военную власть онъ теряетъ въ томъ смыслѣ, что уже съ конца XIV вѣка единственно король имѣетъ право созывать всеобщее ополченіе. Дальше, подѣ властью старосты остаются бурги, какъ крѣпости, и администрація королевскихъ имѣній, лежащихъ въ его области. Однако, въ теченіе этого времени короли все чаще и чаще отрываютъ части имѣній, даже съ бургами, отдавая ихъ въ такъ называемую аренду, такъ что, въ концѣ концовъ, у старостъ остается сравнительно немного помѣстій, превращающихся въ имѣнія, составляющія ихъ жалованіе. Самая сильная, сравнительно, власть старосты удержалась въ области старостинскаго или городского суда, которая въ теченіе этого періода еще болѣе расширяется. Инымъ путемъ подвигалось развитіе должности старосты въ Мазовшѣ, гдѣ ея до смерти Казимира великаго не было даже вовсе. Вскорѣ послѣ смерти этого монарха, староста появляется и тутъ, но въ совершенно другой формѣ. Тутъ не установили по одному старостѣ въ цѣлой области или воеводства. Каждый изъ нихъ имѣлъ опредѣленную власть. Только въ предѣлахъ своего уѣзда, вмѣщающаго иногда два или

три земскихъ судебныхъ уѣзда, староста былъ исполнителемъ всѣхъ порученій короля. Но что касается прочихъ вѣдомствъ, то онъ долженъ былъ добиваться права участія въ нихъ, такъ какъ всѣ эти вѣдомства принадлежали уже раньше другимъ должностямъ. Однако, старосты сумѣли подчинить себѣ судебную власть въ ущербъ земскимъ судамъ, отчасти потому, что подчинили своей власти палачей. Въ XV вѣкѣ палачи являются исключительно чиновниками старосты, имъ назначаемыми, и въ концѣ этого періода совершенно исчезаютъ. Военной власти староста не получилъ. Каждый староста получаетъ какой-нибудь городъ, отъ котораго и беретъ свое названіе. Бургграфы этихъ городовъ подпали также подъ начальство старостъ и, подобно палачамъ, являются съ этихъ поръ или чиновниками по администраціи города, или совершенно исчезаютъ. Только бургграфы Краковскаго замка остались сановниками лично королевскими, назначаемыми королемъ; число ихъ постепенно, въ теченіе XVI вѣка, возрастаетъ до десяти. Въ видѣ вознагражденія, староста получалъ опредѣленные денежные доходы (съ таможи), или нѣсколько деревень. Староста не получилъ также и администраціи королевскихъ имѣній, такъ какъ она находилась въ рукахъ краковскаго намѣстника, продолжавшаго исполнять свою должность.

Со временемъ надѣлъ этотъ увеличился, а такъ какъ въ другихъ областяхъ уменьшилось пространство владѣній, подчиненныхъ старостѣ, то уже въ XVI вѣкѣ между всѣми надѣлами изгладилась почти всякая разница.

Малопольскихъ старостъ можно назвать правильнѣе городскими, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ въ своей власти только городъ, а всѣхъ прочихъ—областными, такъ какъ каждый изъ нихъ управляетъ цѣлою областью. Названія эти однако съ XVI вѣка получаютъ другое значеніе: городскими зовутъ собственныхъ старостъ (всѣхъ) въ отличіе отъ негородскихъ—тенутаріевъ; названіе областныхъ носятъ лишь нѣкоторые: великопольскій, русскій,—вслѣдствіе большихъ размѣровъ ихъ власти, и краковскій, только по аналогіи съ первыми.

Въ теченіе этой же эпохи возникаютъ и формируются центральныя должности, коронныя и надворныя. Названія коронныхъ и надворныхъ имѣютъ значеніе только номенклатурное, не вліяя вовсе на основу и задачи этихъ должностей, и не могутъ быть отождествлены съ выраженіями: государственныя и придворныя. Да и не было даже существенной разницы между государственной и придворной дѣятельностью. Отличаются только министры, т. е. члены сената, отъ всѣхъ прочихъ должностныхъ лицъ.

Среди этихъ должностей уже въ XV вѣкѣ выдвигается на первое мѣсто должность маршала. Возникла она, какъ выше сказано, въ половинѣ XIV столѣтія, а задачей ея, вѣроятно, былъ первоначально надзоръ за конюшнями, а потомъ и за всѣмъ дворцомъ. Изъ того же титула произошла впослѣдствіи, тоже въ началѣ XV столѣтія, роль маршала, какъ церемоній-мейстера, идущаго впереди короля съ тростью,—аттрибутомъ его власти, какъ предсѣдательствующаго въ сенатѣ и пр.

Ему принадлежала администрація двора, слѣдовательно надзоръ и судопроизводство надъ придворными. Въ XV вѣкѣ маршалъ назначаетъ цѣны на съѣстные продукты въ той мѣстности, въ которой находится король. Только въ XVI вѣкѣ начинаетъ онъ, въ роли хранителя королевской особы, творить уголовный судъ за нарушеніе спокойствія въ мѣстопребываніи монарха.

Первоначально существуетъ только одинъ маршалъ — королевскій, или гофмаршалъ (*regis curiae*). Въ концѣ XIV вѣка онъ называетъ себя иногда королевскимъ (*regni*), что, впрочемъ, не имѣло значенія въ смыслѣ его дѣятельности. Послѣдній титулъ установился въ 1409 г., а названіе придворнаго перешло съ этого момента къ другому, новосозданному маршалу. Онъ являлся помощникомъ и замѣстителемъ королевскаго маршала; что же касается ихъ дѣятельности, то никакой разницы между ними не было. Должность канцлера и подканцлера (коронныхъ) развилась изъ должностей краковскаго канцлера и подканцлера, какъ раньше было сказано. Сначала краковскій подканцлеръ, выступающій, кажется, въ роли подканцлера и другихъ областей — сталъ называть себя придворнымъ, а затѣмъ и короннымъ подканцлеромъ, что, впрочемъ, не имѣло существеннаго значенія. Вскорѣ послѣ смерти Казимира Вел., титулъ этотъ окончательно утвердился, а затѣмъ примѣру подканцлера послѣдовалъ краковскій канцлеръ, принявъ сначала титулъ придворнаго (*aulae curiae*), а потомъ королевскаго канцлера. Областные канцлеры, играющіе неважную роль при жизни Казимира Вел., послѣ смерти послѣдняго окон-

Малопольскихъ старостъ можно назвать правильнѣе гродскими, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ въ своей власти только гродъ, а всѣхъ прочихъ—областными, такъ какъ каждый изъ нихъ управляетъ цѣлою областью. Названія эти однако съ XVI вѣка получаютъ другое значеніе: гродскими зовутъ собственныхъ старостъ (всѣхъ) въ отличіе отъ негродскихъ—тенутаріевъ; названіе областныхъ носятъ лишь нѣкоторые: великопольскій, русскій,—вслѣдствіе большихъ размѣровъ ихъ власти, и краковскій, только по аналогіи съ первыми.

Въ теченіе этой же эпохи возникаютъ и формируются центральныя должности, коронныя и надворныя. Названія коронныхъ и надворныхъ имѣютъ значеніе только номенклатурное, не вліяя вовсе на основу и задачи этихъ должностей, и не могутъ быть отождествлены съ выраженіями: государственныя и придворныя. Да и не было даже существенной разницы между государственной и придворной дѣятельностью. Отличаются только министры, т. е. члены сената, отъ всѣхъ прочихъ должностныхъ лицъ.

Среди этихъ должностей уже въ XV вѣкѣ выдвигается на первое мѣсто должность маршала. Возникла она, какъ выше сказано, въ половинѣ XIV столѣтія, а задачей ея, вѣроятно, былъ первоначально надзоръ за конюшными, а потомъ и за всѣмъ дворцомъ. Изъ того же титула произошла впослѣдствіи, тоже въ началѣ XV столѣтія, роль маршала, какъ церемоній-мейстера, идущаго впереди короля съ тростью,—аттрибутомъ его власти, какъ предсѣдательствующаго въ сенатѣ и пр.

Ему принадлежала администрація двора, слѣдовательно надзоръ и судопроизводство надъ придворными. Въ XV вѣкѣ маршалъ назначаетъ цѣны на съѣстные продукты въ той мѣстности, въ которой находится король. Только въ XVI вѣкѣ начинаетъ онъ, въ роли хранителя королевской особы, творить уголовный судъ за нарушеніе спокойствія въ мѣстопребываніи монарха.

Первоначально существуетъ только одинъ маршалъ — королевскій, или гофмаршалъ (*regis curiae*). Въ концѣ XIV вѣка онъ называетъ себя иногда королевскимъ (*regni*), что, впрочемъ, не имѣло значенія въ смыслѣ его дѣятельности. Послѣдній титулъ установился въ 1409 г., а названіе придворнаго перешло съ этого момента къ другому, новосозданному маршалу. Онъ являлся помощникомъ и замѣстителемъ королевскаго маршала; что же касается ихъ дѣятельности, то никакой разницы между ними не было. Должность канцлера и подканцлера (коронныхъ) развилась изъ должностей краковскаго канцлера и подканцлера, какъ раньше было сказано. Сначала краковскій подканцлеръ, выступающій, кажется, въ роли подканцлера и другихъ областей — сталъ называть себя придворнымъ, а затѣмъ и короннымъ подканцлеромъ, что, впрочемъ, не имѣло существеннаго значенія. Вскорѣ послѣ смерти Казимира Вел., титулъ этотъ окончательно утвердился, а затѣмъ примѣру подканцлера послѣдовалъ краковскій канцлеръ, принявъ сначала титулъ придворнаго (*aulae curiae*), а потомъ королевскаго канцлера. Областные канцлеры, играющіе неважную роль при жизни Казимира Вел., послѣ смерти послѣдняго окон-

чательно теряютъ значеніе, и даже титулы ихъ исчезаютъ въ началѣ XV вѣка. Канцлеръ и подканцлеръ являются начальниками королевской канцеляріи. Обязанностью подканцлера было замѣстительство канцлера. Въ XV вѣкѣ между ними устанавливается разница въ томъ, что канцлеръ къ издаваемымъ лично актамъ прилагалъ большую печать, подканцлеръ же, въ случаѣ замѣщенія канцлера, другую, меньшую, хотя сила документовъ была одна и та же. Въ XV в. значеніе канцеляріи растетъ, она беретъ на себя всю дипломатическую переписку Польши, и канцлеръ постепенно превращается въ министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ составляетъ посланія къ монархамъ, получаетъ письма изъ-за границы, принимаетъ иностранныя посольства. Одновременно съ этимъ, онъ расширяетъ предѣлы своей дѣятельности внутри государства, такъ что онъ въ то же время является и министромъ внутреннихъ дѣлъ, ибо черезъ его руки должны пройти и всѣ документы внутри страны. Онъ, слѣдовательно, принимаетъ прошенія, подаваемыя на имя короля, онъ говоритъ въ сеймѣ отъ имени короля и пр. Кругъ дѣйствій канцлера постепенно расширяется. Въ XVI вѣкѣ, при послѣднихъ Ягайлонахъ, дѣятельность канцлера уже вполне опредѣлена, хотя только путемъ практики. Подканцлеръ продолжаетъ оставаться его замѣстителемъ. Для помощи въ канцеляріи у нихъ есть цѣлый рядъ чиновниковъ, писарей (*notarii*), изъ которыхъ болѣе значительные называются въ XV в. протонотаріями, а затѣмъ секретарями. Одинъ изъ нихъ, высшій секретарь (*supremus secretarius*), съ 1504 г. допускается къ служебнымъ тайнамъ и получаетъ особую печать (перстень съ печатью).

Подобнымъ же образомъ перерождается и должность краковскаго казнохранителя, который еще при послѣднихъ Пястахъ начинаетъ называть себя придворнымъ казначеемъ (*curiae tesaurgarius*) или вице-казначеемъ (*subtesaurarius*). Другіе казнохранители исчезаютъ, или остаются только пустыми титулами. Лишь въ XV вѣкѣ окончательно устанавливаются для этого единого чиновника, завѣдующаго казной, титулъ королевскаго казначея (по-латыни *tesaurarius regni*). Помощниками ему служтъ казенные писари. Одинъ изъ нихъ, самый старшій, принимаетъ иногда въ первой половинѣ XV вѣка титулъ вице-казнохранителя, а затѣмъ во второй половинѣ того же столѣтія начинаетъ называть себя придворнымъ вице-казначеемъ (*vicetesaurgarius curiae*). Существенной разницы въ ихъ дѣятельности не было: придворный казначей—это замѣститель короннаго, которому онъ обыкновенно помогаетъ, а въ случаѣ отсутствія всецѣло его замѣщаетъ, исполняя всѣ его обязанности. Въ ихъ власти находится управленіе казной, полученіе доходовъ, распоряженіе ими и пр. Только въ исключительныхъ обстоятельствахъ въ теченіе этой эпохи бывало, при установленіи податей, отдавали ихъ расходowanіе особымъ чиновникамъ. Завѣдываніе казной нераздѣльно и въ томъ отношеніи, что казначей выдаетъ средства какъ на государственные расходы, такъ и на содержаніе двора, ибо нѣтъ еще разницы между казной государственной и королевской, хотя уже извѣстные признаки раздѣленія начинаютъ замѣчаться при Сигизмундѣ I. Казначей попрежнему имѣетъ подъ своей властью казначейство и государственный архивъ.

Гораздо медленнѣе развивается должность гетмана. Предводителемъ войскъ, всеобщаго ополченія, или вновь вводимыхъ рекрутскихъ ротъ, считается по принципу—король. Но онъ все рѣже и рѣже принимаетъ участіе въ войнѣ. Съ 1410 г. появляются донынѣ неизвѣстные замѣстители короля. Характерная ихъ черта заключается въ томъ, что это лишь временные полководцы — на одинъ походъ, послѣ чего власть ихъ отмѣняется. Иногда ихъ бывало по нѣскольку, одновременно назначаемыхъ, или напр. одинъ командуетъ всеобщимъ ополченіемъ въ одной части государства, другой рекрутскими полками въ другой и т. д. Названіемъ такихъ предводителей служитъ латинское «*capitaneus exercitus*», а потомъ «*capitductor*». Если онъ имѣетъ подъ своей властью силы всей Польши, какъ главнокомандующій, то его зовутъ генеральнымъ (*capitaneus exercitus*, или *capitductor generalis*). Перемѣна, происшедшая въ образѣ веденія войны, введеніе постоянныхъ рекрутскихъ ротъ служатъ причиной того, что уже въ концѣ правленія Казимира Ягайллона появляется постоянный предводитель войскъ — гетманъ. Должность эта удерживается съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ короткаго періода въ концѣ XV вѣка, уже непрерывно. Въ 1539 г. гетману этому дали въ помощь второго, получившаго титулъ полевого (*capitaneus campester*). Это—замѣститель великаго гетмана, какъ впослѣдствіи звали перваго предводителя. Задачей гетмана было командованіе войсками, хотя, очевидно, только въ случаѣ отсутствія при арміи короля.

Кромѣ этихъ, самыхъ важныхъ должностей, имѣющихъ большое значеніе для всего государства, существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ, второстепенныхъ, главнымъ образомъ, придворнаго характера. Къ нимъ принадлежатъ должности кухмистра (*magister coquinae regiae*), виночерпця (*pinserna regiae*, потомъ *roscillator*), съ конца XIV вѣка, затѣмъ съ начала XV вѣка кравчаго (*incisor regni*) нѣсколько позднѣе—наставника (*magister curiae*), превратившагося въ концѣ XV вѣка въ подкоморія (*succamerarius curiae*) и пр. Названія сами опредѣляютъ эти должности—преимущественно придворныя, а часто и только почетныя.

Таковы были должности. Нѣкоторые изъ нихъ нельзя было соединить въ одномъ лицѣ. Такія должности звались *incompatibiles*. Такъ наприм. староста не можетъ быть воеводой и кастеляномъ въ своемъ староствѣ, за исключеніемъ краковскаго, а также и земскимъ судьей. Съ 1504 г. нельзя соединять должности канцлера съ болѣе значительными и богатыми епархіями, ни съ саномъ воеводы и кастеляна. Начиная съ 1565 г., ни воеводой, ни кастеляномъ не можетъ быть коронный маршалъ, или казначей. Земскія должности раздавались пожизненно; въ теченіе XV вѣка пожизненность принимается какъ принципъ и относительно коронныхъ и придворныхъ должностей, что, однако, не мѣшало достигать высшихъ сановъ; староства только въ XVI вѣкѣ начинаютъ превращаться въ пожизненныя. Король, слѣдуя конституціи 1538 года, могъ удалить чиновника только тогда, если такое наказаніе предвидѣлось въ

конституціяхъ, что и служить подтвержденіемъ черезчуръ большой независимости сановниковъ отъ короля.

Сеймы и сеймики. Парламентскій строй Польши, окончательно выработавшійся въ теченіе этой эпохи, опирается на двухъ совершенно различныхъ между собой факторахъ, которые только въ этотъ періодъ сливаются, образуя полную форму, но слѣдъ этихъ факторовъ остается въ организаціи польскаго сейма уже навсегда. Сеймъ этотъ состоитъ въ послѣдствіи изъ сената и польской палаты. Складъ его соотвѣтствуетъ именно вышеупомянутому развитію. Поэтому необходимо прослѣдить возникновеніе каждой изъ этихъ частей сейма въ отдѣльности. Въ моментъ смерти Казимира Вел. не было еще никакихъ общихъ сѣздовъ, каждая область совѣщалась отдѣльно о своихъ дѣлахъ на особыхъ вѣчахъ. Но уже вскорѣ послѣ 1374 г. мы начинаемъ встрѣчаться съ общими сѣздами. Первоначально они немногочисленны, немного было вообще пока и вопросовъ, касающихся всѣхъ областей. Вопросъ о привилегіяхъ, о престолонаслѣдїи, вотъ—вопросы, ради которыхъ собираются обыкновенно такіе общіе сѣзды наряду конечно съ особыми вѣчами для отдѣльныхъ областей. Между областными вѣчами и общими сѣздами стоятъ провинціальныя великопольскіе (въ болѣе широкомъ значеніи, т. е. собственно Великопольши, Лэнчица, Сѣрадза и т. д.) и Малопольскіе (т. е. Малой Польши, а потомъ и Сѣрадза). Но главнымъ образомъ съ начала XV вѣка эти общіе сѣзды становятся болѣе

частыми. Тогда уже ихъ опредѣляютъ какъ сеймы. Возрастающее количество вопросовъ общихъ, касающихся всего государства — вотъ одна изъ причинъ этого учащенія сѣздовъ. Вторая — это усиливающееся ограниченіе королевской власти: король принужденъ чаще обращаться за совѣтомъ къ сѣздамъ даже въ вопросахъ, которые раньше рѣшались лично, безъ участія сеймовъ, или вѣчей. Уже въ концѣ правленія Ягайлы почти нѣтъ болѣе ни одного сколько нибудь важнаго дѣла, которое король рѣшился бы рѣшить самостоятельно.

Благодаря тому, что общіе государственные интересы призвали къ жизни неизвѣстные раньше сеймы, отдавая ихъ рѣшенію вопросы, относящіеся ко всемъ областямъ, составъ этихъ сеймовъ имѣетъ характеръ генеральнаго учрежденія. Сеймъ представляетъ изъ себя собраніе вѣчей, въ ихъ совокупности. Сѣзды же провинціальныя являются объединеніемъ провинціальныя вѣчей. Въ составъ какъ вѣчей, такъ и провинціальныя сѣздовъ и сеймовъ — входятъ земскіе чиновники. Кто изъ нихъ будетъ засѣдать въ сеймѣ — это, очевидно, зависитъ отъ короля; кого онъ назначить, ибо хотя фактически сеймы значительно ограничиваютъ короля, но по закону они являются только совѣтомъ. Но такъ какъ уже и на вѣча король призывалъ знатнѣйшихъ епископовъ, воеводъ и кастеляновъ, то и въ сеймахъ засѣдаютъ прежде всего епископы, воеводы и кастеляны. И они начинаютъ смотрѣть на свое участіе въ сеймахъ не какъ на обязанность нести свой совѣтъ королю, но какъ на законное свое право рѣшать государственныя дѣла. Ря-

домъ съ ними, король призываетъ въ сеймы и болѣе мелкихъ земскихъ чиновниковъ: подкоморіевъ, хорунжихъ, судей и пр. Участіе послѣднихъ не такъ постоянно и не превратилось въ законъ. Въ совѣщаніяхъ сейма участвовали и министры, т. е. главные изъ коронныхъ и придворныхъ чиновниковъ, которые, какъ ведущіе государственныя дѣла, были необходимы въ сеймѣ. Но рядомъ съ тѣми, у которыхъ были титулы, и которые по этимъ титуламъ засѣдали въ сеймахъ, въ XV вѣкѣ встрѣчаемъ тамъ и простое дворянство. Это — признакъ стремленія, о которомъ рѣчь будетъ ниже, къ приобщенію дворянства, даже несановнаго, къ управленію страной. Такое положеніе вещей длится до конца XV вѣка и тогда уже подвергается перемѣнѣ. Возникаетъ польская палата, какъ представительница интересовъ дворянства. Участіе дворянства и мелкихъ чиновниковъ въ сеймѣ становится лишнимъ, и ихъ исключаютъ изъ состава сейма, т. е. изъ сената, какъ называютъ съ этихъ поръ эту часть сейма, въ отличіе отъ польской палаты. Сенатъ замыкается. Теперь его составляютъ исключительно архіепископы, епископы, воеводы, кастеляны и министры. Какъ министры, удержались въ сенатѣ и тѣ коронные и придворные сановники, которые въ немъ и раньше засѣдали, а именно: коронный и надворный маршалъ, коронные канцлеръ и подканцлеръ и коронный казначей. Другіе не вступили въ сенатъ, въ особенности не могъ попасть туда ни придворный казначей, такъ какъ должность его создавалась только во второй половинѣ XV столѣтія, ни гетманы, такъ какъ установленіе ихъ дѣятельности и значенія совпадаетъ

лишь съ XVI вѣкомъ, т. е. съ эпохой замкнутости сената. Въ началѣ XVI вѣка всѣхъ сенаторовъ было 83. Число это, однако, увеличивается, такъ какъ при инкорпораціяхъ и уніяхъ въ сенатъ допускаются епископы, воеводы и кастеляны включаемыхъ въ предѣлы Польши территорій. Послѣ присоединенія Мазовша число сенаторовъ возрасло до 92, а послѣ уній 1563 и 1569 годовъ до 140. Въ 1569 г. точно установился порядокъ мѣстъ въ сенатѣ, при чемъ литовскихъ сенаторовъ перемежались съ коронными.

Совершенно инымъ путемъ возникаетъ палата пословъ. Если первоначально на управленіе государствомъ оказываютъ вліяніе только вельможи, т. е. должностныя лица, то потомъ, съ начала XV вѣка въ особенности, начинается движеніе среди дворянства. Длинный рядъ факторовъ вліяетъ на то, чтобы разбудить этотъ элементъ къ политической жизни: гуситизмъ, борьба съ церковью изъ-за десятинъ, вопросъ о престолонаслѣдіи, относительно котораго Ягайло обращается за совѣтомъ ко всему дворянству, и пр. Однако, нѣтъ еще органа, который являлся бы представителемъ дворянства — шляхты. Чтобы заполнить этотъ пробѣлъ дворянство образуетъ конфедерации, т. е. законно-частные союзы съ законно-общественными цѣлями, таковы, конфедерации противоцерковныя 1406 и 1407 г., конфедерация Спытка изъ Мельнигина 1439 г. и пр. Постепенно дворянство добивается мѣстъ въ судебныхъ вѣчахъ, организованныхъ старостами. Вѣча эти рѣшали кромѣ судебныхъ и областные вопросы. Уже въ половинѣ XV вѣка, и даже раньше, такое вѣче распадается.

Остается судебное вѣче, какъ учрежденіе чисто судебное, и наряду съ нимъ явля тся изъ него возникшій сеймикъ, какъ собраніе шляхты всего воеводства, для рѣшенія областныхъ дѣлъ. Предсѣдательство переходитъ къ воеводѣ, какъ къ высшему земскому сановнику (на вѣчахъ первымъ лицомъ являлся староста). Такъ развились сеймики въ Великопольшѣ (въ болѣе широкомъ смыслѣ). Малая Польша отличалась болѣе сильнымъ вельможнымъ элементомъ, но въ концѣ концовъ и тутъ, во второй половинѣ XV вѣка, появляются сеймики по примѣру Великопольши. Учрежденія эти вводились и въ новоприсоединяемыхъ къ Польшѣ территоріяхъ. Значеніе сеймиковъ пока не опредѣлилось. Усиливаетъ его и обличаетъ его дальнѣйшее развитіе вопросъ о податяхъ. Дворянство не было обязано платить налоговъ и, если платило, то лишь по добровольному соглашенію. Рѣшеніе сейма, въ которомъ участвуютъ только чиновники, недостаточно, ибо оно не связываетъ всего дворянскаго общества. Надо выслушать и дворянъ. Первоначально принимались, кажется, за различные способы: вѣроятно пробовали обращаться къ представителямъ родовъ, какъ при избраніи сыновей Ягайлы. Окончательно же воспользовались устройствомъ сеймиковъ, какъ учрежденіемъ, представляющимъ дворянское общество. Съ начала XV вѣка, когда все чаще и чаще возникаютъ вопросы о податяхъ, которыя, будучи установлены сеймомъ, должны были подтвердиться отдѣльными сеймиками. И вотъ сеймъ, образуемый только сенатомъ, и сеймики составляютъ теперь одно цѣлое. Во второй половинѣ

XV столѣтія сеймики начинаютъ сноситься съ сеймомъ посредствомъ пословъ, выбираемыхъ изъ ихъ среды. Это лишь облегчало переговоры и не мѣняло общаго положенія вещей, такъ какъ послы служили лишь представителями сеймиковъ и были связаны его порученіями. Понемногу входитъ въ жизнь обычай сеймиковъ постоянно высылать своихъ уполномоченныхъ въ провинціальныя сѣзды, а съ 1493 г., когда это стало правиломъ, и въ генеральный сеймъ. Это не повлекло за собой гибели провинціальныя сѣздовъ. Передъ каждымъ сеймомъ уполномоченные и сенаторы провинціи собирались вмѣстѣ (въ Великопольшѣ—въ Колѣ, въ Малопольшѣ—въ Корчинѣ) и оттуда только отправлялись въ генеральный сеймъ. Слѣдовательно, полную организацію польскаго сейма можно отнести къ 1493 г. Дворянство добилось представительства въ посольской палатѣ, поэтому его можно было удалить изъ сената. Количественно, представительство это пока весьма слабо. Обыкновенно каждое воеводство высылаетъ двухъ депутатовъ, такъ что посольская палата считаетъ въ началѣ XVI вѣка лишь сорокъ съ чѣмъ-то членовъ. Но по мѣрѣ присоединенія новыхъ земель, въ нихъ образуются новые сеймики и, въ свою очередь, новые депутаты этихъ сеймиковъ. Кромѣ того, при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ замѣчается стремленіе сеймиковъ къ увеличенію числа своихъ депутатовъ, такъ что нѣкоторые высылаютъ по шести и даже по четырнадцать депутатовъ. Въ 1569 г. депутатовъ отъ короны было 95; отъ Литвы включили въ сеймъ 48 депутатовъ (по 2 отъ cadaго уѣзда).

Пруссія высылала перемѣнное число депутатовъ. Инфлянты вовсе еще не засѣдали въ сеймѣ помимо уніи. Что касается роли депутатовъ, то они все еще продолжали быть представителями сеймиковъ, связанными порученіями, или инструкціями, пока преимущественно устными.

Относительно податей, король быть принужденъ обращаться какъ къ сеймикамъ, такъ и къ городамъ. Первоначально онъ помимо сейма сносился съ городами, т.-е. съ каждымъ изъ важнѣйшихъ представителей послѣднихъ въ отдѣльности. Но позднѣе, съ цѣлью облегчить переговоры о податяхъ, и города стали высылать въ сеймы своихъ депутатовъ. Но объ этомъ они не очень заботились, да притомъ большинство городовъ были слишкомъ слабы, чтобъ имѣть большое значеніе. Единственнымъ почти представителемъ городовъ является Краковъ. Его послы засѣдаютъ въ сеймѣ, и право его на это неоднократно ясно подтверждается. Однако, если рѣшался общегородской вопросъ, то еще въ XVI вѣкѣ призывались и другіе города. Но это рѣдкіе случаи; большей частью отсутствуютъ и депутаты Кракова. Въ концѣ этого періода, городскіе депутаты не имѣютъ въ сеймѣ почти никакого значенія. Для совѣщаній сеймовъ не было ни опредѣленныхъ пунктовъ съѣзда, ни постоянныхъ сроковъ. Созывалъ ихъ король, когда являлась потребность, въ особенности когда казна нуждалась въ податяхъ, которыхъ безъ сейма получить не могла. Сеймъ собирается иногда два и три раза въ годъ, иногда не созывается въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Нѣкоторые монархи сильно проти-

вятся сеймамъ, другіе, неблагосклонные къ нимъ, стараются (какъ Сигизмундъ-Августъ) по возможности рѣже собирать ихъ. Мѣстомъ сбора сейма является обыкновенно въ XV вѣкѣ Петроковъ; въ XVI вѣкѣ городъ этотъ считается уже постояннымъ центромъ сеймовыхъ сѣздовъ. Длится сеймъ обыкновенно въ XV вѣкѣ—лишь нѣсколько дней; но чѣмъ больше накопляется вопросовъ, тѣмъ продолжительнѣе становятся сеймы, такъ что въ XVI вѣкѣ совѣщаются иногда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Итакъ, формы польскаго парламентаризма, а также и формы совѣщаній устанавливаются практическимъ путемъ, безъ законодательной организаціи. Король письменно созывалъ сенаторовъ, онъ же созывалъ сеймики для совѣщаній, а затѣмъ для выбора депутатовъ. Сеймъ начинался богослуженіемъ. Затѣмъ, присутствующіе привѣтствовали короля. Послѣ возникновенія посольской палаты, она выбираетъ изъ своей среды маршала, но онъ только свидѣтельствуетъ монарху общее почтеніе. Послѣ привѣтствія и отвѣта на это привѣтствіе со стороны государя, обыкновенно черезъ канцлера, наступало цѣлованіе королевской руки. Тогда канцлеръ представлялъ поводы, по которымъ былъ созванъ сеймъ. Это было такъ называемое впослѣдствіи — сеймовое предложеніе. Затѣмъ, слѣдовали «votum», т.-е. мнѣнія сенаторовъ. Когда посольской палаты не существовало, въ этомъ состояла главная задача сейма. Когда-же явилась эта палата и когда, при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ, она пріобрѣтаетъ все больше и больше значенія, достоинство вотовъ постепенно уменьшается,

все менѣе на нихъ обращаютъ вниманія. Послѣ изложенія мнѣній, а слѣдовательно и споровъ, слѣдовалъ королевскій приговоръ, разрѣшающій сеймъ. Съ момента же возникновенія посольской палаты наступили собственные совѣщанія въ раздѣленныхъ избахъ. Посольская палата обсуждаетъ желаніе короля, представляетъ свои требованія и жалобы. Отъ времени до времени избы соединяются, чтобы депутаты могли высказать свои желанія, услышать мнѣніе сената, отвѣтъ короля. Рѣшеніе наступаетъ съ согласія этихъ трехъ факторовъ. Единогласіе вытекало здѣсь прямо изъ сути вещей. Если, напримѣръ, дѣло касалось нарушенія льготъ дворянства въ смыслѣ уплаты податей, или другихъ его привиллегій, то благодаря тому, что на нихъ смотрѣли какъ на основные законы, не подвергаемые измѣненіямъ безъ согласія тѣхъ, которые ими пользовались,— для рѣшенія каждой такой перемѣны было необходимо единогласіе всѣхъ депутатовъ. Единогласіе это вовсе не выработалось лишь въ XVII вѣкѣ, какъ это многіе утверждаютъ, но является существенной чертой тогдашняго строя, вытекающей изъ характера привиллегій и сословной организациі. А такъ какъ каждый изъ депутатовъ замѣщаль, собственно говоря, свой сеймикъ, то его и нельзя было принудить перемѣнить мнѣніе, такъ какъ его связывали данныя ему порученія. Положеніе сенаторовъ было иное, пока они составляли только думу. Но когда говорилось о податяхъ, или о рѣшеніяхъ, нарушающихъ ихъ привиллегіи, тогда сенаторы стояли наравнѣ съ посольской палатой, имѣли, какъ и ея члены, только каждый за

себя рѣшающей голосъ въ сеймѣ. И они, такимъ образомъ,—да и то всѣ—должны были согласиться на одномъ пунктѣ,—чтобы измѣненіе могло совершиться. Хотя такъ усиленно требовалось въ принципѣ единомысліе, но благодаря мощному общественному духу, оживлявшему сеймы, не трудно было добиться этого единомыслія, и часто противники добровольно уступали ради взаимнаго блага, а если нѣкоторые изъ нихъ отстаивали свое мнѣніе, то на нихъ не обращали вниманія. Замѣчается стремленіе къ поднятію значенія сейма, къ ограниченію вліянія порученій сеймиковъ. При Сигизмундѣ-Августѣ польскій сеймъ начинаетъ принимать характеръ почти новѣйшаго парламента.

Позднѣйшее развитіе однако искривило это направленіе.

Сеймъ, представляющій все общество, приобретаетъ первое мѣсто въ государствѣ. Онъ обнимаетъ все больше и больше вопросовъ, а при Сигизмундѣ-Августѣ, пользуясь недостаточно понятной конструкціей *Nihil Novi* 1505 г., старается расширить свою власть еще дальше. Нельзя, однако, конституціи *Nihil Novi* придавать значенія какого-го принципіальнаго уложенія, признающаго за посольской палатой право участія въ законодательствѣ. Опредѣленіе, что «ничего новаго» нельзя постановить безъ сейма, значило только то, что нельзя нарушать привиллегій дворянства безъ его согласія. Только впоследствии ею стали пользоваться для ограниченія королевской власти. Но польскій сеймъ не превратился при ея содѣйствіи въ собственно законодательный органъ. Онъ

остається сословнымъ сеймомъ, заботящимся, главнымъ образомъ, о привиллегіяхъ сословій, защищаетъ ихъ права, а о другомъ думаетъ только тогда, если это касается сословныхъ интересовъ. Все-таки, несмотря на широкія притязанія, предъявляемыя сеймомъ, онъ никогда не занимался вопросомъ о внутреннемъ строѣ городовъ, или объ организаціи евреевъ, развѣ настолько, насколько данныя предположенія имѣли значеніе и для дворянства, ибо иначе—вопросы эти стояли внѣ сословныхъ нуждъ и требованій.

Судопроизводство надъ дворянствомъ
Суды. продолжаетъ опираться на тѣ же основы, которыя начали вырабатываться при Казимірѣ Великомъ, и окончательно утвердились въ концѣ XIV-го и въ началѣ XV столѣтій. Судиами первой инстанціи являются суды земскіе, городскіе и подкоморскіе. Земскій судъ состоитъ изъ судьи и подсудка, и (отчасти, въ каждой «землѣ») есть свой земскій судъ; судъ объѣзжаетъ уѣзды и судитъ въ нихъ въ опредѣленные сроки («рочки») первоначально каждыя двѣ недѣли, послѣ Варгскаго статута ежемѣсячно (или точнѣе черезъ четыре недѣли), а послѣ Нѣшавскихъ статутовъ (въ 1454 г.) четыре раза въ годъ. Рядомъ съ судьей и подсудкомъ засѣдаютъ ассесоры въ числѣ шести или пяти изъ среды дворянъ, прибывшихъ на «рочки». Только въ собственно-Великопольшѣ (Познань и Калишъ) сложился другой составъ ассесоровъ, а именно засѣдаютъ тамъ въ «рочкахъ» замѣстители чиновниковъ: старосты (бургграфъ), воеводы, подкоморин и хорунжий. Къ вѣдом-

ству земскихъ судовъ принадлежать теоретически всѣ дѣла дворянства, т. е. дѣла, въ которыхъ выступаютъ дворяне, за исключеніемъ важнѣйшихъ вопросовъ, предоставленныхъ вѣчамъ и королевскимъ судамъ. Подкоморскій судъ остается въ своихъ предѣлахъ, какъ пограничный судъ. Суды эти дополняются городскими, или старостинскими судами. Въ Великопольскихъ областяхъ судъ старосты находится въ нѣкоторыхъ городахъ, въ Малой Польшѣ—только въ одномъ. Начиная съ конца XIV-го вѣка, старосты судятъ обыкновенно не лично, но черезъ назначенныхъ ими чиновниковъ. Послѣднихъ бывало два: бургграфъ, или подстароста, и городскій судья, а иногда только одинъ судья, такъ называемый комиссарскій (Сѣрадзъ). Суды эти, говоря о великопольскихъ областяхъ, возникли тогда, когда вслѣдствіе развитія земскихъ судовъ и вѣчей значительная часть вопросовъ перешла въ эти суды, а староста оставилъ за собой нѣкоторыя дѣла, главнымъ образомъ, уголовныя, и творилъ дополнительный судъ во всѣхъ случаяхъ, не относящихся къ вѣдомству прочихъ судовъ. Кромѣ того, такому суду принадлежало исполненіе приговоровъ всѣхъ судовъ. Затѣмъ, въ XV и XVI вѣкѣ судопроизводство по другимъ вопросамъ поручалось также городскимъ судамъ, имѣя въ виду болѣе скорое исполненіе приговора. Въ Малой Польшѣ судебная власть старосты возникла только со введеніемъ тамъ должности старосты, послѣ смерти Казимира Великаго, и сформировалась—хотя съ нѣкоторыми затрудненіями—по образцу городскихъ судовъ другихъ областей. Въ XVI вѣкѣ гро-

дамъ начинаютъ давать «вѣчность»—это значить расширять кругъ ихъ вѣдѣнія въ вопросахъ неспорныхъ, касающихся недвижимаго имущества, которые раньше, по принципу, подлежали исключительно земскимъ судамъ. Въ томъ же XVI-мъ вѣкѣ стали различать вѣдомство града, какъ суда (*indicium*) и управленія (*officium*). Къ вѣдомству града, какъ суда, относились прежде всего уголовныя дѣла (такъ называемыя четыре статьи: поджогъ, нападеніе на большой дорогѣ, нашествіе на домъ, изнасилованіе), а рочки происходили въ опредѣленные сроки (каждыя шесть недѣль), всегда при участіи старосты. Гораздо больше вопросовъ, въ особенности споры о временномъ владѣніи чужой собственностью, а равнымъ образомъ исполнительная власть принадлежали городу—*officium*. Управление производило рочки гораздо чаще (каждыя двѣ недѣли, а въ болѣе важныхъ городахъ—ежедневно), и староста участія въ нихъ не принималъ лично почти никогда.

Выше этихъ судовъ стояли вѣча, которыя развились уже раньше. Въ теченіе XV-го вѣка составъ вѣча начинаетъ точнѣе выработываться. Въ Великопольскихъ областяхъ предсѣдательство на вѣчахъ принадлежало старостѣ, и безъ него вѣче не могло состояться.

Въ теченіе XV-го вѣка устанавливается однако обычай, что наряду со старостой должны засѣдать въ вѣчѣ нѣкоторые сановники, а именно: воевода и нѣсколько кастеляновъ, безъ которыхъ также вѣче было не полно. Это неизбежное соучастіе еще сильнѣе развилось въ Малополюшѣ, гдѣ первоначально

удовлетворялись совершенно присутствіемъ какихъ либо шести сановниковъ, въ XV же столѣтіи участіе воеводы и кастеляновъ стало необходимымъ.

Но замѣчаются между вѣчами, относительно участія въ нихъ должностныхъ лицъ,—рѣзкія иногда отличія. Вѣча продолжаютъ собираться въ Малой Польшѣ въ опредѣленные сроки; въ Великопольшѣ—когда ихъ созоветъ староста, хотя и тутъ чувствуется стремленіе къ установленію срока. Въ продолженіи XV-го вѣка вѣча начинаютъ собираться все рѣже и рѣже, во второй половинѣ этого столѣтія почти вовсе не собираются и, наконецъ, замираютъ.

Ихъ воскресили въ XVI-мъ вѣкѣ, но и тогда они дѣйствуютъ не особенно хорошо. Тогда же подвергается перемѣнѣ и ихъ внутренній складъ. Участіе старосты устраняется, во главѣ вѣча остается воевода. Но рядомъ съ нимъ и кастелянами, въ вѣчѣ начинаютъ засѣдать и болѣе мелкіе земскіе чиновники, такъ что число лицъ, составляющихъ вѣче, значительно возрастаетъ. И тутъ, какъ мы видимъ, проявляется стремленіе, выражающееся такъ ясно и въ другихъ областяхъ строя, — къ ограниченію высшаго дворянства — сановниковъ въ пользу менѣе знатной «шлахты». Вѣча не пережили эпохи Ягайлоновъ, они исчезли въ моментъ возникновенія коронной судебной палаты (1578 г.). Что касается ихъ компетенціи (права судить), то слѣдуетъ различать вѣча XIV-го и XV-го вѣка отъ вѣчей XVI-го столѣтія. Вѣча первоначально представляютъ изъ себя судилище по важнѣйшимъ дѣламъ въ зависимости отъ стоимости спора и званія подсудимаго, или отъ не-

достаточной ясности законныхъ предписаній. Если такое дѣло возникало въ «рочки», то его отсылали въ вѣче. Но, кромѣ того, вѣче могло рѣшать и рѣшало, очевидно, и такія дѣла, какія подлежали обыкновенно низшимъ судамъ—земскимъ, или городскимъ. Когда, послѣ своего паденія, вѣча вновь появились въ XVI вѣкѣ, они выступаютъ уже, какъ инстанція второго разряда, и рѣшаютъ только аппеляціи на земскіе и городскіе суды. Въ первой инстанціи вѣча никакихъ дѣлъ съ этихъ поръ не рѣшаютъ.

Надъ этими судами сталъ королевскій судъ, какъ главный, ибо король считается источникомъ справедливости. Король могъ судить всякое дѣло, даже самое ничтожное, наравнѣ съ земскими, городскими судами и вѣчами, посредствомъ специально назначаемыхъ судей, комиссаровъ, или же просто во дворцѣ. Король судить тамъ, гдѣ въ данное время находится. Отъ него зависитъ приговоръ. Впрочемъ, на его судахъ засѣдаютъ ассесоры изъ среды высшихъ сановниковъ, однако содержаніе приговора опредѣляется исключительно его волею. Отсюда, большее или меньшее число ассесоровъ является дѣломъ случая и не имѣетъ значенія. Въ какой области король находится, той области земскій судъ засѣдаетъ въ королевскомъ судѣ для веденія формальной тяжбы. Судъ короля называется судомъ *in curia*. Однако, чаще всего, король лично на судѣ не присутствуетъ, участіе его ограничивается участіемъ ассесоровъ, но судъ этотъ имѣетъ значеніе королевскаго только тогда, когда происходитъ во дворцѣ короля. Къ вѣдомству этого суда принадлежатъ прежде всего, въ первой инстан-

ціи, тѣ вопросы, которыхъ другіе суды рѣшать не могли: дѣла объ общественныхъ правахъ (споры между сословіями, изъ-за общественныхъ правовыхъ узаконеній и т. д.), собственно уголовныя дѣла (*causae meae criminales*, т. е. преступленія относительно государства, напр. измѣна), жалобы на чиновниковъ по поводу ихъ служебныхъ обязанностей (*causae officii*), наконецъ дѣла, касающіяся личности короля, въ особенности королевскаго имущества (*causae fisci*). Кромѣ того, въ это судилище можно было вносить всякіе вопросы, подлежащіе всѣмъ прочимъ судамъ. Когда въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вѣка образовалась неизвѣстная ранѣ апелляція,— всѣ апелляціи изъ всѣхъ судовъ шли прямымъ путемъ, или черезъ посредство другихъ судовъ (вѣщей) къ королю. Вслѣдствіе этого, предѣлы правъ королевскаго суда возрасли неизмѣрно, въ особенности при двухъ послѣднихъ Ягайлонахъ.

Хотя королевскій судъ, гдѣ бы онъ ни находился, и при какомъ бы то ни было составѣ ассесоровъ, былъ всегда королевскимъ судомъ, однако въ XVI-мъ вѣкѣ въ особенности, громадное значеніе приобрѣли суды короля, производимые во время сеймовъ, такъ что значительная часть вопросовъ, предоставляемыхъ суду *in curia*, теперь идетъ въ судъ короля въ сеймѣ, т. е. въ сеймовый судъ (*causae meae criminales, fisci, officii*, а главнымъ дѣломъ — апелляціи). Но сеймы хотя и собирались, но не такъ часто. Число же тяжёбныхъ дѣлъ расло постоянно, въ особенности благодаря свободѣ апелляцій, принятой польскими законами. Вскорѣ дошло до того, что тысячи вопросовъ

заставались. Этому старались противодействовать, отсылая нерешенные вопросы (1540, 1553 года) в вѣча, если вопросы эти не прошли уже предварительно через вѣче (апелляціи можно было подавать королю прямымъ путемъ отъ cadaго суда), вѣ 1563 же году создались особые новые суды *ultimaе instantiae* (совершенно по образцу вѣчей), вѣ которые отсылали всѣ дѣла изъ королевскаго суда, какъ вѣ судъ послѣдней инстанціи. Однако это не прекратило чрезмернаго обремененія сеймовыхъ судовъ. Такое печальное положеніе вещей могло быть устранено только вѣ началѣ слѣдующей эпохи путемъ учрежденія коронной судебной палаты вѣ 1578 году.

По городамъ судебную власть исполняютъ, на основаніи германскаго права, суды, называемые городскими судами старшинъ, вѣдомству коихъ были отданы дѣла по спорамъ гражданскимъ и уголовнымъ. Но съ судомъ старшинъ нерѣдко соперничаетъ городская дума, которая тоже постепенно подчинила себѣ все большій и большій кругъ дѣлъ, вѣ особенности безспорныхъ. Вѣ XV вѣкѣ, наряду съ обыкновенными судами, производимыми старшинами вѣ опредѣленные сроки и съ «горячими» судами, т. е. созываемыми вѣ случаѣ надобности, удерживаются еще большіе официально открытые суды, производимые обыкновенно трижды вѣ годъ, на корые являлся часто владѣтель города, или его замѣститель. Но уже вѣ XVI вѣкѣ они начинаютъ исчезать. Къ вѣдомству этихъ судовъ принадлежали преимущественно болѣе важныя дѣла. Городскіе суды, старшины или думы, вѣ случаѣ неясности закона обра-

щались къ высшимъ судамъ германскаго права. Намѣреніе Казиміра Великаго создать единственный своего рода судъ въ видѣ высшаго Краковскаго суда—не осуществилось, и уже въ XIV вѣкѣ, какъ и въ слѣдующемъ столѣтіи, возникаютъ въ Малой Польшѣ и на Руси (въ великопольскихъ областяхъ такихъ судовъ нѣтъ) многочисленные высшіе суды германскаго права въ Сандомирѣ, Бѣчѣ, Санокѣ и пр. Они-то и давали судебные совѣты (ортили) городскимъ судамъ, а слѣдовательно, когда въ XV вѣкѣ установилась апелляція, — они же рѣшаютъ вносимыя въ нихъ дѣла во второй инстанціи. Характеръ такихъ же высшихъ судовъ получили также нѣкоторые городскіе суды въ большихъ городахъ. Но съ жалобами на эти высшіе суды, отчасти и съ ортіями городской думы обращались еще къ Краковскому суду, и, наконецъ, къ суду шести городовъ въ Краковскомъ дворцѣ. Но уже въ XVI вѣкѣ всѣ эти суды начинаютъ терять свое значеніе, нѣкоторые даже въ продолженіе этой эпохи замираютъ, потому что владѣльцы городовъ начинаютъ направлять апелляцію въ свои придворные суды, въ королевскихъ же городахъ апелляціи вносятся чаще и чаще къ старостѣ (въ мелкихъ городахъ) или (въ болѣе значительныхъ) въ королевскій судъ.

Судебный строй въ деревняхъ зависитъ отъ того, какими законами деревня управлялась: польскими или германскими. Въ селахъ съ польскими законами единственнымъ судомъ продолжалъ быть судъ хозяина деревни, т. е. патримоніальный. Въ колонизованныхъ деревняхъ остались сельскіе суды старшинъ

какъ собственные суды, и большіе открытые суды. По мѣрѣ выкупа солтыствъ, хозяинъ деревни начинаетъ оказывать все болѣе и болѣе сильное вліяніе на это судопроизводство. Апелляціи, вносимыя деревнями въ высшіе суды, въ XV вѣкѣ вообще не весьма частыя, въ XVI совершенно исчезаютъ, и ихъ мѣсто занимаетъ апелляція къ суду хозяина деревни.

Войты по городамъ и солтысы въ деревняхъ подчинялись—если дѣло касалось вопросовъ, вытекающихъ изъ солтыскихъ отношеній,—какъ и раньше ленскимъ судамъ германскаго закона, состоящимъ обыкновенно изъ семи солтысовъ. Такихъ судовъ образуется довольно много; къ вѣдомству ихъ относится тоже, что и къ высшимъ судамъ, такъ какъ обыкновенно ленный судъ былъ одновременно и высшимъ. Очевидно, по мѣрѣ выкупа солтыствъ, исчезаетъ и значеніе этихъ ленныхъ судовъ.

Что касается, однако, германскихъ законовъ, которыми руководятся эти суды, то это даже въ XIV вѣкѣ не были вполнѣ чисто-германскіе законы. Они представляютъ изъ себя особый типъ польскихъ: рукописи «саксонскихъ» или «магдебургскихъ» законовъ отличаются довольно рѣзко отъ германскихъ. Возникаютъ особые своды ортилей, исключительно польско-нѣмецкихъ и собственная польская литература по этимъ законамъ. Въ XVI вѣкѣ Сигизмундъ I стремится даже къ кодификаціи этихъ законовъ, однако до этого дѣла не дошло.

Евреи остались при своихъ особыхъ судахъ. Тяжебныя дѣла между евреями рѣшались еврейскіе суды (даяновъ), въ особенности, если дѣло касалось мел-

кихъ вопросовъ. Болѣе значительные споры, а также тяжбы христіанъ противъ евреевъ шли въ судъ под-воеводы, замѣстителя воеводы, рядомъ съ которымъ засѣдалъ обыкновенно еврейскій судья (христіанинъ) и еврейскій писарь. Самыя важныя дѣла и апелляціи рѣшалъ самъ воевода, являющійся отъ времени до времени въ эти суды. Въ частныхъ же и въ мелкихъ королевскихъ городахъ уже въ XVI вѣкѣ евреи были подчинены суду владѣльца города (констит. 1539 г.) и отчасти старосты.

Казна въ принципѣ остается въ теченіе этого періода нераздѣльной, хотя уже замѣчаются попытки къ ея раздѣленію. Обыкновенные доходы продолжаютъ стекаться въ казну, управляемую короннымъ, отчасти же, при его замѣстительствѣ, придворнымъ казначеемъ; но уже въ XV столѣтіи, въ случаѣ назначенія новыхъ податей, завѣдываніе суммами, поступающими отъ нихъ, передается иногда въ руки спеціально выбранныхъ казнохранителей, которые обязаны выдавать ихъ только на извѣстныя, указанныя заранѣе цѣли. Въ началѣ правленія Сигизмунда I выдача суммъ на нужды двора выдѣляется изъ общаго казначейства и поручается исключительно придворному казначею. При двухъ послѣднихъ Ягайлахъ сеймы начинаютъ требовать отчета въ суммахъ, собранныхъ въ подати, предназначая ихъ единственно для государственныхъ цѣлей. Наконецъ, въ 1563 г. образуется особая казна, такъ называемая равская (хранимая въ Равѣ), какъ источникъ исключительно государственныхъ расходовъ. Это уже шагъ

впередъ. Но окончательное раздвоеніе казны на королевскую и государственную совершилось только въ началѣ слѣдующаго періода.

Среди доходовъ, поступающихъ въ казну, слѣдуетъ различать обыкновенные и экстренные. Источникомъ обыкновенныхъ являются: 1) имѣнія, весьма обширныя, несмотря на то, что короли постоянно раздають ихъ. Имѣнія эти находятся подъ властью старостъ въ великопольскихъ и русскихъ областяхъ и краковскихъ намѣстниковъ въ Малопольшѣ; платять они или опредѣленный годовой оброкъ, или держать эти помѣстья *ad fideles manus* — «въ вѣрныхъ рукахъ». Но иногда короли закладываютъ эти имѣнія за известную сумму, и залогодатель имѣетъ право пользоваться доходами съ имѣнія вплоть до выкупа послѣдняго. Закладываются также и мелкіе участки помѣстій, исключенные изъ-подъ власти старостъ, или намѣстниковъ, даже отдѣльныя деревни. Такіе же мелкіе участки отдають короли въ аренду, очевидно съ маленькимъ оброкомъ, или же раздають ихъ въ пожизненное владѣніе, такъ называемое голое, т. е. безъ оброка, какъ вознагражденіе за заслуги (*panis bene merentium*). Большія помѣстья носятъ названіе «тенуть», или негородовыхъ староствъ. Доходы короля изъ этого источника, благодаря щедрой раздачѣ земель, сильно сократились. Въ XV вѣкѣ короли неоднократно, подъ давленіемъ, обязываются не отдавать нѣкоторыхъ земель (напр. сандомирской, намѣстничествъ) въ залогъ. Однако, только въ 1496 и 1504 гг. было постановлено, что король безъ согласія сейма (отчасти сената) не въ правѣ закладывать государствен-

ныя имѣнія. Когда же, несмотря на это, короли не слѣдовали этому постановленію, то дворянство помѣстило въ число пунктовъ своей политической программы (такъ называемыя «исполненія законовъ»), изданной имъ во время Сигизмунда-Августа, экзекуцію измѣненій, т. е. возвращеніе помѣстій, полученныхъ незаконнымъ путемъ. Дворянство провело въ жизнь свою программу, хотя еще не совершенно, на сеймѣ 1563 г. и послѣдующихъ. 2) Соляныя копи Краковскія (бохенскія и вѣлицкія) и русскія. 3) Таможня и пошлины, сборъ которыхъ значительно усовершенствовался. Сюда относятся пошлины съ товаровъ, идущихъ изъ Данцига и Эльблонга, носяція названіе «фунцоли». 4) Лановая подать, т. е. два гроша съ лана, которыя платятъ дворянство и духовенство (нѣсколько больше), на основаніи Кошицкой привиллегіи 1374 г. 5) Олькушскіе рудники—сборъ $\frac{1}{10}$ олова и серебра съ этихъ рудниковъ, разработкой которыхъ занимались гварки. 6) Подводный сборъ, уплачиваемый съ 1564 г. королевскими городами взаменъ снабженія королевскихъ пословъ подводами. 7) Станціонный сборъ, уплачиваемый королю нѣкоторыми монастырями, городами, евреями, вмѣсто станціи, т. е. содержанія короля, когда онъ находится въ пути. Къ обыкновеннымъ доходамъ причислялись также и такіе, которые только изрѣдка поступали въ казну: напр. 8) коронаціонный сборъ, обязывающій королевскіе города нести расходы въ случаѣ коронованія короля или королевы. 9) Доходъ отъ чеканки монеты, если ее чеканили. 10) аннаты и другого рода пожертвованія, идущія въ пользу Папъ, которые иногда передавали ихъ въ королевскую казну.

бенности для защиты восточныхъ границъ—это такъ называемая (въ XVI в.) привычная оборона. Только въ случаѣ войны приходитъ поддержка, въ видѣ подарковъ. Специально въ пользу постоянной обороны была назначена съ 1563 г.—четверть. Изъ казны же покрываетъ король издержки на своихъ пословъ, высылаемыхъ за границу, и иностранныхъ, прїѣзжающихъ въ Польшу со времени образованія въ ней польской избы, и суточного вознагражденія пословъ и въ особенности на многочисленные подарки, подносимые тѣмъ, кто оказалъ услугу королю или государству. За то администрація государства не стоитъ почти ничего, такъ какъ чиновники получаютъ жалованіе преимущественно доходами съ земли, связанной съ должностью; лишь не многіе получаютъ денежное вознагражденіе. О школахъ заботится церковь, отчасти же идутъ на нихъ особыя пожертвованія.

Основой воинской повинности является **Войско.** всеобщее ополченіе (посполитое рушеніе), въ такомъ видѣ, въ какомъ оно предварительно выработалось. Къ ней обязано все дворянство, насколько оно владѣетъ землей. Неосѣдлыхъ не требуютъ въ военную службу. Размѣры службы зависятъ отъ обпирности имѣнія, что въ XV вѣкѣ изслѣдуютъ передъ войной особыя комиссіи, т. е. провѣряютъ съ достаточной ли свитой, и въ соответствующемъ ли вооруженіи явился призванный на войну землевладѣлецъ. Ксендзы (въ частныхъ имѣніяхъ) больные, женщины и дѣти поставляли замѣстителей. Въ случаѣ всеобщаго ополченія, города обязаны

были снабжать войска такъ называемыми военными подводами, нагруженными нужными предметами, въ особенности провизіей. Кромѣ того, ко всеобщему ополченію призывались солдаты изъ деревень, колонизованныхъ по германскимъ законамъ. Иногда передъ войной издавались особые приказы всеобщаго ополченія, опредѣляющіе точно обязанности, возлагаемыя имъ, порядокъ и пр. Эти приказы имѣли всегда только одновременное значеніе. Въ этотъ періодъ уже только одинъ король имѣлъ право созывать всеобщее ополченіе. Онъ созывалъ его посредствомъ писемъ, такъ называемыхъ «витей». Уже въ XV вѣкѣ принимается и устанавливается обычай тройныхъ витей, т. е. что ополченіе двигается въ походъ только послѣ третьихъ витей. Вели его кастеляны и воеводы изъ своихъ воеводствъ, на сборное мѣсто, назначенное королемъ, гдѣ происходилъ «строй». Также и потомъ, во время войны шляхта оставалась подъ знаменами воеводствъ. При Ягайлѣ организуются особые родовые полки, (бандеріи), состоящіе изъ дворянъ одного и того же рода. Но это лишь временное подражаніе венгерской бандеріальной системѣ. Наказаніемъ за неявку въ походъ была конфискація имѣнія. Съ XV вѣка король поступаетъ такимъ образомъ, что даритъ имѣніе того, кто не участвовалъ въ походѣ, доносчику, который въ свою очередь, путемъ тяжбы въ судѣ, специально для этого назначенномъ королемъ, добивается ввода во владѣніе имѣніемъ виновнаго.

Въ одномъ отношеніи уже въ началѣ этого періода ограничили обязанность военной службы дворянъ. Привиллегія 1386 г. ввела различіе между

службой въ предѣлахъ государства и внѣ его. Въ границахъ Польши дворянинъ обязанъ служить на свой счетъ, однако король вознаграждаетъ ущербы, особенно въ лошадахъ, и выкупаеъ плѣнныхъ. Въ случаѣ похода за предѣлы края, король кромѣ того платитъ дворянству по пяти гривенъ отъ штыка. То же вознагражденіе обезпечиваютъ дворянству и послѣдующія привиллеги; не получивъ его, дворяне не обязаны переходить границу государства. Въ этомъ смыслѣ право короля требовать военной повинности было съ этихъ поръ нѣсколько стѣснено. Что касается продолжительности похода, и теперь никакихъ предписаній по этому поводу не было.

Всеобщее ополченіе начинаетъ падать уже въ XV вѣкѣ. Перемѣнился образъ веденія войны—мѣсто кавалеріи занимаютъ всюду пѣхотные полки, переѣнилась военная тактика, войны длятся цѣлые годы. Въ такихъ обстоятельствахъ, очевидно, всеобщее ополченіе было непригодно и его собираютъ все рѣже и рѣже. Вслѣдствіе этого, дворянство начинаетъ отвыкать отъ войны. Чтобы удержать дворянъ въ исправности, постановили въ 1544 г. люстрацію, т. е. смотръ обязанныхъ ко всеобщему ополченію, а конституціи 1563 и 1564 гг. рѣшили постоянныя, періодическія обзорѣнія, или такъ называемую «явку», что однако помогло немного. По причинѣ же выкупа солтыствъ, исключаются въ XV вѣкѣ изъ всеобщаго ополченія солтысы, представлявшіе хорошіи военный матеріаль. Центръ тяжести военной силы переходитъ уже къ рекрутскимъ войскамъ. Они появляются въ Польшѣ въ началѣ XV вѣка, и войны все чаще и чаще ве-

Дутся этими войсками. Сначала рекрутскіе полки набирались только въ случаѣ потребности, на время войны. Но уже при Казиміръ Ягайлонѣ стало яснымъ, что необходимо содержать хотя незначительную вооруженную силу, но постоянно, въ особенности для защиты восточныхъ границъ государства. Возникаетъ проектъ образованія такого постоянного войска, связанный съ мыслью введенія постоянной подати въ пользу войскъ. Однако это не осуществилось. Въ началѣ правленія Сигизмунда I встрѣчается еще болѣе широкій планъ раздѣленія государства на пять округовъ, съ тѣмъ, чтобъ эти округа поочередно каждый годъ производили постоянную охрану восточной границы. Но и эти планы разбились, и только небольшой постоянный отрядъ содержится на Руси королемъ, на его собственные средства. Это и есть, такъ называемая, въ XVI в. «обычная оборона». Вопросъ о постоянномъ войскѣ отчасти только рѣшился на сеймѣ 1562/3 года, съ назначеніемъ исключительно на его содержаніе установленной тогда «четверти». Отсюда и вытекаетъ названіе возникшей тогда постоянной вооруженной силы, содержимой на эти средства—«четвертнымъ войскомъ».

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОДЪ.

Характери-
стика періода.
Застой.

Люблинскій сеймъ 1569 г. опредѣлили на долгое время внутренній строй государства, въ особенности взаимное отношеніе его составныхъ частей. Безкорольеве, послѣ прекращенія династіи Ягайлоновъ, помогло дворянству окончательно уничтожить межсословное равновѣсіе, уже сильно поколебленное, привлечь перевѣсъ на свою сторону, а также совершенно стѣснить и связать королевскую власть, съ которой оно издавна вело побѣдоносную войну за права и привилегіи. Періодъ, начинающійся съ этого момента, это—эпоха превосходства одного класса—періодъ дворянской «рѣчи политической». Характерная его черта—застой въ развитіи. Польша изъ элементовъ средневѣкового строя развивалась нормально, болѣе нормально, нежели государства западной Европы, гдѣ въ XVI вѣкѣ наступаетъ эпоха абсолютизма, которая, сокративъ линію развитія, подчиняетъ общественныя права власти государства. Эпоха абсолютизма составляетъ въ жизни

этихъ державъ переходную стадію, которая въ концѣ концовъ, по истеченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, приводитъ вновь къ признанію правъ общества, къ соединенію дѣятельности государей съ народомъ въ конституціонныхъ монархіяхъ. Польша этой эпохи не имѣла, однако могла и, очевидно достигла тѣхъ же результатовъ, только инымъ путемъ, а именно посредствомъ дальнѣйшаго развитія общественныхъ правъ. Но развитіе это было одностороннее — шло въ пользу одного сословія, дворянскаго; вмѣсто абсолютизма у насъ является анархія. И не направленіе даже этого развитія было вредно, а направленіе, истекающее изъ условій развитія, и тотъ фактъ, что періодъ этотъ длится чрезмѣрно долго. Только въ его началѣ Польша обнаруживаетъ способность создавать новыя формы быта. Но это вскорѣ прекращается. До половины XVII вѣка Польша живетъ и можетъ жить въ условіяхъ, созданныхъ предшествующими столѣтіями. Но, начиная со второй половины XVII вѣка, формы эти становятся мертвыми, не способными удовлетворить требованіямъ жизни. Реформы стали неизбежны; надо было преобразовать строй, толкнуть его впередъ. Въ другихъ государствахъ роль эту играетъ абсолютная монархія. У насъ монархъ не имѣлъ для этого достаточно силы, и не могъ имѣть ее, будучи почти лишеннымъ власти. Реформы должно было проводить дворянство, такъ какъ оно имѣло власть, въ его рукахъ находился руль государства. Но дворянство объ этомъ не позаботилось. Всеобщій упадокъ знанія и мысли, отсутствіе правильныхъ воззрѣній на нужды государства и ихъ пониманія — вотъ причины той ле-

таргіи, въ которой Польша покоится вплоть до 1764 г., когда, наконецъ, появились первыя предзнаменованія новой эпохи. Безплоденъ этотъ періодъ. Нѣтъ новыхъ учреждений, новыхъ формъ; это—лишь передѣлка наслѣдства, оставленнаго прошлымъ, наслѣдства богатаго, которое, однако, не могло питать общество и государство въ продолженіи цѣлыхъ двухъ столѣтій. Польша, поспѣвающая до этого времени за строемъ западно-европейскихъ государствъ, стоящихъ выше ея въ культурномъ отношеніи, начинаетъ отставать, перестаетъ двигаться впередъ, а слѣдовательно идетъ назадъ.

Дворянское сословіе осталось замкнутымъ въ себѣ, ревнивымъ къ своимъ привилегіямъ. Доступъ къ нему сталъ еще болѣе труднымъ. Конституція 1578 г. рѣшила, что король можетъ выдавать нобилитаціи только на сеймѣ, во время войны; съ 1601 г. титулъ дворянина долженъ быть «объясненъ» конституціей; значитъ, что съ этихъ поръ, для нобилитаціи необходимо постановленіе сейма и притомъ единогласное, какъ и во всякихъ другихъ вопросахъ. Осложнилось также и полученіе индигената (права гражданства). Съ 1641 г. индигенатъ былъ тоже подчиненъ постановленію сейма. Въ XVII вѣкѣ возникаетъ, путемъ обычая, новое понятіе о томъ, что нововозведенный дворянинъ получаетъ только такъ называемый «скартабеллатъ», какъ бы половинное дворянство, не дающее ему нѣкоторыхъ правъ, напр., доступа къ должностямъ, такъ что лишь его потомки въ третьемъ поколѣніи уравниваются съ прочимъ

дворянствомъ. Зато дворяне добиваются, чтобы никто не выдѣлялся изъ общаго уровня посредствомъ какихъ ни будь высшихъ титуловъ. Титулами, употребляемыми въ Польшѣ, являлись литовскіе титулы князей, или по западно-европейской номенклатурѣ—принцевъ, которыми пользовались фамиліи, происходящія отъ мелкихъ царствующихъ правителей, столь многочисленныхъ нѣкогда въ Литвѣ и на Руси (а именно—потомки Рюриковичей, Гедиминовичей, литовскихъ Кунигасовъ и пр.), или же западные титулы князей и графовъ, данные нѣсколькимъ семействамъ въ XVI столѣтіи императорами и папами. Законы этимъ вопросамъ не занимались. Только конституція 1638 г., а за ней другія (1641, 1673) запретили принимать и употреблять всякіе титулы, за исключеніемъ тѣхъ семействъ, титулы которыхъ находились въ документахъ Люблинской уніи. Но предписанія эти не лишили польскихъ королей права раздавать титулы. Примѣръ этого находимъ уже во времена Баторія, а со второй половины XVII вѣка короли все чаще и чаще создаютъ графовъ и бароновъ; но титулы эти давались всегда семействамъ иностраннымъ, — а именно: итальянскимъ, французскимъ, венгерскимъ и пр., но никогда—польскимъ. Наряду съ титулами было запрещено въ 1638 г. носить ордена, вслѣдствіе чего не осуществилось установленіе ордена Безгрѣшняго Зачатія Пресвятой Богородицы, о чемъ статуты, посланные Владиславомъ XV въ Римъ, были уже въ 1634 г. утверждены папой Урбаномъ XIII. Однако, несмотря на эти ограниченія, въ эпоху сильнѣйшаго разстройства — въ 1705 г. Августомъ II былъ установленъ

первый польскій орденъ Бѣлаго Орла. Привилегіи свои дворянство защищало весьма усердно. Оно только пользуется правомъ владѣть землей. Предписанія, запрещающія мѣщанамъ покупать землю, неоднократно еще возобновляются въ теченіе этого періода (1496, 1538 г.г.). Лишь въ видѣ исключенія признавалось право покупки имѣній за краковскимъ мѣщанствомъ, что распространилось впоследствии еще на нѣсколько крупныхъ городовъ — Лембергъ (Львовъ), Вильну и Люблинъ (1658, 1678, 1703). Законы о собственности на нѣдра земли расширяются, насколько это было возможно, устраняя, въ такъ называемыхъ генриховскихъ статьяхъ (1573 г.), право короля на металлы, соль и сѣру и поручая ихъ добываніе владѣльцу земли. Домъ дворянина не подвергается обыску, хотя бы въ немъ скрывался изгнанникъ (1588 г.). Удержался вполне принципъ «Neminem captivabimus». Земля подъ усадьбой свободна отъ всякихъ податей, и лишь крестьянскіе ланы платятъ налогъ. Дворянство можетъ также не давать квартиры войску. Тотъ только пользуется полными правами дворянина, у кого есть земля, хотя бы онъ былъ даже принужденъ воздѣлывать ее собственноручно, какъ крестьянинъ (сельскіе шляхтичи). Дворянъ, не имѣющихъ земли («голая шляхта») не допускали въ земскіе суды, бывшіе судами исключительно дворянскими; въ теченіе этого періода добивались даже не разъ устраненія «голой шляхты» отъ всѣхъ должностей, даже отъ сеймиковъ. Дворянство не платитъ таможенной пошлины, — развѣ въ случаѣ установленія такъ называемой генеральной пошлины (что съ XVII вѣка встрѣчается нерѣдко); для своихъ

имѣній оно имѣетъ право получать соль изъ соляныхъ копей и таможенъ по удешевленному тарифу,—право, которое расширяется въ теченіе этого періода, въ большой ущербъ доходамъ короля отъ соляныхъ копей. Обязанности же дворянства относительно государства ограничивались: уплатой лановой подати (2 гроша съ лана), собственно обязательной только для крестьянъ, и службой въ «посполитомъ рушеніи», не имѣющей уже теперь ровно никакого значенія.

Хуже, однако, этихъ привилегій, чрезмѣрно широкихъ, были преобразованія, происшедшія въ эту эпоху въ общественной организаціи дворянства. Въ то время, какъ еще при Ягайлонахъ господствуютъ дворяне, владѣющіе одной или нѣсколькими деревнями, теперь, въ особенности послѣ присоединенія уніей русскихъ земель, начинаютъ возникать «латифундіи», начинаютъ властвовать знатные роды въ особенности въ Литвѣ и Украинѣ, отъ которыхъ зависитъ толпа, все болѣе и болѣе многочисленная, безземельной шляхты. Такихъ «маленькихъ королей» не знала предыдущая эпоха.

Духовенство. Какъ дворянство, такъ и духовенство удерживается въ своемъ привилегированномъ положеніи. Король оказываетъ нѣкоторое вліяніе только отъ того, что въ его власти находится назначеніе епископовъ и аббатовъ. Это право короля подтвердилъ въ своей буллѣ и папа Сикстъ V, въ 1589 г. Относительно же номинаціи аббатовъ, въ концѣ XVI-го вѣка, возникли споры, прекращенные вмѣшательствомъ Рима, который въ 1763 г. далъ ко-

ролю право замѣщать 12 аббатствъ и одно прево-
ство. По отношенію къ дворянству духовное сословіе
осталось связано съ нимъ тѣсными узами, постано-
вленіями, созданными предшествующей эпохой и обя-
зывающими попрежнему замѣщать важнѣйшія долж-
ности, въ особенности капитульныя и аббатскія—
только дворянами. Однако и тутъ возникали споры.
Церковные суды, столь ограниченные въ концѣ пре-
дыдущей эпохи, еще продолжали служить поводомъ
къ жалобамъ. Неоднократно конституціи запрещаютъ
вносить свѣтскіе вопросы въ церковные суды. Въ
духовныхъ дѣлахъ апелляціи посылались въ Римъ,
чему дворянство всячески противодѣйствовало. Во-
просъ этотъ былъ рѣшенъ наряду съ другими спор-
ными пунктами посредствомъ договора съ Римомъ,
подтвержденнаго буллою Урбана VIII въ 1634 г. и кон-
ституціей 1635 г. Апелляціи въ Римъ были отмѣнены,
и высшей церковной инстанціей въ судебныхъ дѣ-
лахъ явился нунцій (папскій посолъ) въ Варшавѣ.
Главнымъ же образомъ стремились ограничить цер-
ковь въ расширеніи ея территорій въ ущербъ дво-
рянству. Постановленія 1634 и 1635 гг. позаботились
и объ этомъ, ограничивъ право основывать новые
монастыри, запретивъ отдавать недвижимость и даже
отчасти и движимое имущество въ пользу церкви,
опредѣливъ налоги съ суммъ, записанныхъ по зем-
скимъ помѣстьямъ въ пользу церкви (такъ называе-
мые «заклады») — въ 7⁰/₀ и т. д. Такимъ образомъ,
были устранены споры и проведено, хотя отчасти,
соглашеніе между сословіями (*compositio inter status*).
Однако, и позже вопросы эти нерѣдко поднимались,

давая поводъ къ недоразумѣніямъ, и не разъ еще занимаются ими конституціи (1669, 1676 годовъ и т. д.).

Если католическая церковь и въ про-
 Диссиденты. долженіи этой эпохи удержалась въ своемъ привилегированномъ, хотя и нѣсколько ограниченномъ положеніи въ государствѣ, то, по крайней мѣрѣ, относительно другихъ вѣроисповѣданій государство заняло теперь другое законное положеніе, чѣмъ во времена Ягайлоновъ. Въ теченіе перваго безкоролья, такъ называемая варшавская конфедерація 1573 года признала, наконецъ, законнымъ до тѣхъ поръ только фактическое равноправіе всѣхъ иновѣрцевъ (*dissidentes de religione*). Неправильно стали теперь называть христіанъ-некатоликовъ диссидентами, причисляя къ этому названію какъ протестантовъ, такъ и приверженцевъ восточно-греческой церкви, которые, однако, пользовались равноправіемъ и раньше. Несмотря на сопротивленіе клира, конфедерацію подтвердилъ присягой Генрихъ Валезій, подтвердили и послѣдующіе государи. Съ этого момента иновѣрцы пользуются такою же свободой вѣроисповѣданія, какъ и католики, хотя однако, привилегіями католиковъ они не пользуются. Мѣстъ въ сенатѣ не получали только епископы-уніаты послѣ заключенія такъ называемой Брестской уніи въ 1595 г. На практикѣ, однако, проведеніе въ жизнь принциповъ варшавской конфедераціи встрѣчало значительныя препятствія, а въ конституціяхъ при Сигизмундѣ III неоднократно, хотя обыкновенно бесполезно, настаи-

вали на исполненіи ея предписаній. Въ XVII вѣкѣ начинается постепенное—путемъ практики—ограниченіе правъ диссидентовъ посредствомъ устраненія ихъ отъ должностей, главнымъ образомъ, изъ сената. Въ 1658 г. ариане были даже изгнаны изъ Польши, хотя они и не причислены вполне къ диссидентамъ. Хотя фактически уже въ теченіе XVII-го столѣтія были отняты у диссидентовъ права, обезпеченныя варшавской конфедераціей, тѣмъ не менѣе, законное ихъ ограниченіе рѣшилъ только сеймъ въ 1717 г., а затѣмъ конфедерація во время безкорольвья въ 1733 г., подтвержденная сеймомъ 1736 г. Имъ ограничили право богослуженія, запретили постройку новыхъ храмовъ и мѣстъ сборищъ, устранили ихъ отъ всякихъ должностей, какъ коронныхъ, такъ воеводскихъ и гродскихъ, перестали принимать ихъ въ польскую палату и въ суды. Это являлось законнымъ подтвержденіемъ тѣхъ ограниченій, которыя на практикѣ водворились гораздо раньше. Предписанія эти касались равнымъ образомъ немногочисленныхъ уже протестантовъ, какъ и болѣе численныхъ диссидентовъ.

Города. Въ городскомъ строѣ не мѣняется почти ничего, если говорить объ основныхъ формахъ городской организаци. Править продолжаютъ думы и суды старшинъ (лавы), при участіи мѣщанства въ важнѣйшихъ вопросахъ. Но положеніе городовъ ухудшается. Причины, о которыхъ говорилось раньше, существующія уже въ XVI-мъ столѣтіи, не выступаютъ столь ярко даже при послѣднихъ двухъ

Ягйлонахъ; сильное развитіе деревень въ экономическомъ отношеніи, благосостояніе, введенное въ страну экспортомъ хлѣба,—способствовали къ тому, что города не чувствовали, что теряютъ почву, на которую опиралось ихъ существованіе и даже, нѣкоторое время, ихъ блескъ. Но причины эти продолжаютъ дѣйствовать. Внутренняя организація разстраивается все сильнѣе и сильнѣе, требуя настоятельно реформъ. Между тѣмъ, города пытаются пособить злу посредствомъ еще большей замкнутости относительно чужихъ элементовъ, путемъ борьбы съ евреями и пр., ищутъ причинъ упадка въ постороннихъ обстоятельствахъ, или въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя сами по себѣ были слѣдствіемъ болѣе глубокихъ поводовъ къ паденію. Торговля переходитъ въ руки дворянства, вывозящаго теперь свой скотъ, золу, хлѣбъ и т. д. непосредственно, или черезъ данцигскихъ купцовъ, которые, благодаря направленію торговыхъ путей къ устью Вислы, пользуются своимъ выгоднымъ мѣстоположеніемъ. Отъ транзитной торговли остались лишь слѣды, торговля польскихъ городовъ ограничивается посредничествомъ въ привозѣ товаровъ извнѣ страны, изъ-за границы, въ чемъ она должна была соперничать съ Данцигомъ, въ особенности. Отсутствіе охранной таможни убиваетъ цеховую промышленность, иностранныя издѣлія наполняютъ рынки; цехи падаютъ. Безполезно было возобновленіе предписаній о правѣ складовъ (конституціи 1609, 1611, 1629 гг.), старающихся воскресить отжившія уже, несоотвѣтствующія эпохѣ учрежденія. Причины, дѣйствующія вообще, имѣли особенное значеніе для большихъ го-

родовъ. Но и меньшіе, имѣющіе въ виду мелкую мѣстную торговлю, также падаютъ. Основой ихъ существованія служила ихъ экономическая связь съ окрестными деревнями. Теперь, не только вредно дѣйствуютъ на нихъ вліянія, о которыхъ говорилось выше, но и деревня, въ теченіе этого періода, начинаетъ все больше и больше замыкаться; узы, связывающія ее съ ближайшимъ рынкомъ, ослабляются. Въ деревняхъ возникаютъ винокурни, до сихъ поръ существующія только въ городахъ; владѣлецъ деревни, пользуясь своей властью, начинаетъ становиться посредникомъ въ покупкѣ и продажѣ товаровъ своей деревни, является и второй посредникъ въ торговлѣ, въ лицѣ еврея-корчмаря. Городъ становится все менѣе и менѣе нужнымъ деревнѣ. Свое спасеніе горожане видятъ въ изгнаніи евреевъ, въ увеличеніи числа ярмарокъ и рынковъ, какъ будто это могло устранить зло, усилить сбытъ товаровъ и пр. Формы ошибочно принимались за сущность, но, замѣнить эту сущность онѣ не могли.

Внутреннее безсиліе городовъ дѣлаетъ невозможной самозащиту ихъ противъ внѣшнихъ вліяній, все болѣе и болѣе стѣсняющихъ ихъ. Частные города, гдѣ нерѣдко владѣльцы съ самаго начала имѣли широкія права, теперь распоряжаются въ нихъ точно такъ же, какъ въ деревняхъ—замѣщаютъ должности, издають обязательныя для всѣхъ постановленія, рѣшаютъ апелляціи и пр. Самоуправленіе, собственно говоря, исчезаетъ совершенно, превращается въ пустую внѣшнюю форму. То же самое произошло и въ королевскихъ городахъ. Уже конституція 1565 г. по-

становила, что города обязаны давать старостѣ отчетъ въ доходахъ. Цѣль конституціи была вполне правильна: финансы городовъ нуждались въ контролѣ. Но конституція эта, возобновляемая неоднократно (въ 1566, 1567, 1620 и 1631 гг.) и установленная въ концѣ концовъ, несмотря на сопротивление городовъ, довела до того, что всѣ города, за исключеніемъ самыхъ крупныхъ, попали въ зависимость отъ старостъ, которые обращали ее въ свою пользу, не заботясь объ интересахъ города и государства. Сильнѣе становится также и вліяніе воеводскихъ прејскурантовъ. Издаютъ ихъ обыкновенно воеводы. Лишь нѣсколько разъ, въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го вѣка, сеймы составляютъ общіе прејскуранты. Въ 1593 и 1611 гг. сеймъ постановилъ таксу на вино, въ 1620 г. общую таксу на заграничные товары, а въ 1621, 1623, 1627, 1633, 1643 и 1667 гг., были назначены особыя комиссіи, которымъ поручено было установленіе цѣнъ, но только для товаровъ, привозимыхъ въ Польшу. Не всѣ исполнили свою задачу, а комиссія 1643 г. вмѣсто прејскуранта издала лишь положеніе—совершенно неправильное и, на практикѣ вѣроятно вовсе не принятое, о томъ, что мѣстный купецъ можетъ брать отъ товаровъ 7°/_o прибыли, иностранный 5°/_o, а еврей 3°/_o. Значеніе этихъ комиссій было не велико, и однако воеводскіе прејскуранты повторяются все чаще и чаще, и навязываемые извнѣ, властью, не знающей въ достаточной степени условій торговли, дѣйствующей въ пользу одной только стороны, т. е. дворянства, противъ лишенныхъ оборонительной силы мѣ-

щанъ, не могли не вліять тоже весьма неблагоприятно на развитіе городовъ.

Въ то время, какъ внѣшніе факторы, владѣлецъ города, староста, воевода, разрушали свободу городовъ, въ особенности мелкихъ, внутреннее ихъ управление разбивалось, въ большихъ, преимущественно городахъ, такъ называемыми «юридиками». Уже при Сигизмундѣ стали появляться привилегіи въ пользу отдѣльныхъ лицъ, осѣдлыхъ въ городахъ, и исключаяющія ихъ дома и ихъ лично изъ судебного вѣдомства и вообще изъ-подъ городской власти и подчиняющія ихъ земскимъ или гродскимъ судамъ. Города возстали противъ этого, главнымъ образомъ Краковъ, который даже добился уничтоженія такихъ, уже изданныхъ, привилегій. Быть можетъ, болѣе широкое развитіе послѣднихъ, предпринятое по извѣстному плану, могло бы преобразовать соответствующимъ образомъ городской строй. Однако, системы въ этомъ не было, а подобнаго рода исключенія вводили только безпорядокъ въ городскія учрежденія. И позднѣе встрѣчаются такія привилегіи, обыкновенно, сопровождающія такъ называемый «сервиторіатъ», т. е. зачисленіе даннаго лица на службу короля. Наряду съ этимъ дворянство, начинающее все чаще и чаще покупать дома въ крупныхъ городахъ,—о нихъ теперь и идетъ рѣчь,—понежному уклонялось отъ исполненія городскихъ предписаній на основаніи своей общей свободы. Кромѣ того дворяне, а часто и духовенство, образуютъ рядомъ съ городомъ маленькую усадьбу съ характеромъ предмѣстій, нерѣдко основанную на особыхъ привилегіяхъ ко-

роля, въ особенности съ XVII-го вѣка. Такія территории, расположенныя въ предѣлахъ города, или подъ городомъ, исключенныя изъ-подъ власти городскихъ учреждений, и назывались юридиками. Онѣ разбивали городской строй, дезорганизовали его. Здѣсь городскіе законы не были обязательны, владѣльцы юридикъ, не уплачивающіе податей, не стѣсняемые городскими правилами, приносили городамъ значительный вредъ, посредствомъ своего права питейной продажи въ ущербъ городскому винному откупу, или же конкуренціей ремесленниковъ осѣдлыхъ въ юридикѣ (часть, такъ называемыхъ «штургалей», т. е. не годящихся въ члены цеховъ) и т. д. Это вызвало соперничество, весьма ощутительное для городовъ, подрывало ихъ, и города не имѣли достаточно силъ, чтобы бороться съ дворянствомъ и уничтожить юридики. Последніе, въ особенности съ внутренней стороны, причинили много вреда такимъ большимъ городамъ, какъ Краковъ, Варшава и т. д., которые, будучи немногимъ сильнѣе другихъ, имѣя нѣсколько болѣе привилегій, счумѣли хотя отчасти защищаться отъ этихъ вышнихъ вліяній, тяготѣвшихъ надъ мелкими городами, въ особенности отъ господства старостъ.

Эта односторонность общественнаго развитія Польши, ростъ одного сословія, и отсутствіе условий, способствующихъ развитію и укрѣпленію городовъ, вызвали сознаніе подчиненности, низменности городского сословія, на которое стали смотрѣть какъ на болѣе ничтожный классъ общества. Если уже и раньше запрещали дворянамъ посвящать себя городскимъ занятіямъ, съ цѣлью сохраненія различія между

сословіями (1505, 1550 г.), то въ теченіе этого періода появляются конституціи, рѣшающія прямо, что дворянинъ, отдающій себя мѣщанскимъ занятіямъ, или даже принимающій на себя городскую должность, теряетъ право дворянства (конст. 1633 и 1677 гг.). Тотъ же характеръ носятъ и ограниченія горожанъ, не позволяющія имъ употреблять драгоценныя мѣха, богатую одежду и пр. (1613, 1620, 1655, 1659, 1683 и 1764 гг.) Это является выраженіемъ презрѣнія къ сословію, за которымъ изъ-за его низменности, не признается даже права роскошно одѣваться. Поэтому неудивительно, что отдѣльныя, болѣе сильныя лица среди горожанъ, въ особенности болѣе богатые, старались при такихъ отношеніяхъ переходить въ дворянство, хотя бы и не всегда законнымъ путемъ,—старались изгладить слѣды своего мѣщанскаго происхожденія. Уходъ же этихъ, сравнительно самыхъ сильныхъ и культурныхъ элементовъ, еще больше, очевидно, обезсиливаетъ города. А новыхъ силъ не прибывало; дворяне не переходили въ города — развѣ самые слабые элементы дворянства, изъ крестьянской же среды тоже въ города стремиться не могли.

Всѣ эти обстоятельства вліяютъ на упадокъ городовъ. Еще нѣкоторые, благодаря особымъ условіямъ, пользуются до извѣстнаго времени лучшимъ существованіемъ. Когда же, въ половинѣ XVII вѣка возникли политическія смуты, когда приблизительно въ то же время и въ общественныхъ отношеніяхъ произошелъ нежелательный переворотъ, то города весьма быстро клонятся къ упадку, отъ котораго имъ не скоро суждено было подняться.

Законь связывали крестьянъ уже и раньше. Генриховскіе артикулы 1573 года ^{Крестьяне.} установили полную власть господина надъ крестьянскимъ населеніемъ, живущимъ въ его имѣніяхъ. Однако, несмотря на огромныя законныя ограниченія, судьба крестьянъ въ предыдущемъ столѣтіи все не была такъ тяжела, благодаря тому, что не было обстоятельствъ, принуждающихъ дворянство къ полному использованію этихъ артикуловъ для своихъ цѣлей. Теперь же, въ теченіе этой эпохи, хотя уже нѣтъ почти никакихъ новыхъ постановленій, ухудшающихъ общественное положеніе поселянъ,—тѣмъ не менѣе послѣднимъ живется все хуже и хуже. Вывозъ хлѣба, возрастая весьма быстро при Сигизмундѣ III и Владиславѣ IV, въ половинѣ XVII вѣка достигаетъ высшей точки своего развитія, именно превышаетъ 100,000 ластовъ ¹⁾ въ годъ. Фольварки развиваются все болѣе и болѣе, хотя осталось еще много земли, принадлежащей къ фольварку, но не воздѣланной; однако, въ продолженіе этого періода фольваркъ достигаетъ въ деревнѣ тѣхъ же размѣровъ, относительно пахотной земли, что и пахотныя пространства крестьянъ. Поэтому, теперь больше нуждаются въ работѣ крестьянина. Дворянство пользуется своими привиллегіями, чтобы прикрѣпить крестьянина къ землѣ. Единственно еще законъ о переселеніи даетъ возможность бѣгства, въ особенности на востокъ, гдѣ постоянно нуждаются въ рабочей силѣ для обработки обширныхъ пространствъ, кото-

¹⁾ Ластъ—большая хлѣбная мѣра, до 165 п. (въ XIII в.). Позднѣе ластъ вѣсилъ 120 п., а въ концѣ XV в. уже 90 пуд.

рыя стали воздѣлывать только съ конца XVI вѣка. И наконецъ—можно вѣдь было бѣжать къ казакамъ. Противъ такого выселенія крестьянъ на востокъ выступаетъ дворянство въ цѣломъ рядѣ конституцій (1578, 1581, 1611, 1613, 1626, 1635, 1638, 1641, 1685 гг.). Упрощая тяжбу о «бѣглыхъ подданныхъ», назначая (1588, 1613 гг.) «таксу за бѣглыхъ подданныхъ», т. е. вознагражденіе убытка за принятіе въ домъ бѣглаго крестьянина—до 500 гривенъ (въ 1523 г. только 10 гривенъ). Отпаденіе казаковъ, уничтоженіе тѣхъ ихъ остатковъ, которые находились при Польшѣ (1699), ослабленіе въ XVIII вѣкѣ военныхъ бурь, которыя способствовали бѣгству и размножали число «бездѣльниковъ» и «вольныхъ»—приковало окончательно крестьянъ къ землѣ. Хозяинъ деревни дѣйствительно является въ ней королемъ, какъ часто самъ себя любитъ называть. Гибнутъ слѣды самоуправленія, владѣлецъ свободно устраняетъ крестьянина отъ земли, отнимаетъ у него его участокъ, и взамѣнъ даетъ ему другой, издаетъ приказы, составляетъ какъ бы своды законовъ для своихъ подчиненныхъ, судить ихъ по своей прихоти, никакихъ апелляцій на него нѣтъ, крестьянинъ не можетъ подать на него жалобу ни въ какой судъ. Обычай и законы онъ признаетъ лишь настолько, насколько это является неизбѣжнымъ, лишь были бы какіе-нибудь законы въ его деревнѣ. Въ церковныхъ имѣніяхъ, гдѣ вообще жилось легче, уже съ половины XVII вѣка исчезаетъ возможность жалобъ на того, кто правитъ имѣніемъ. Исключительно въ королевскихъ имѣніяхъ за крестьянами удержалось право подавать, въ случаѣ притѣсненія, жалобы въ

референдарскій судъ; но дѣятельность этого суда не простиралась на окраины, напримѣръ на русскую область, и процедура длилась долго и слишкомъ дорого стоила. Въ такихъ условіяхъ, очевидно, обязанности «хлопа» возрастаютъ, такъ какъ «панъ» деревни могъ, пользуясь неограниченной властью, произвольно налагать ихъ. Увеличивается поземельная подать, хотя не черезчуръ сильно; зато, усиливаются барщины, составляя—за небольшими исключениями въ виду особыхъ обстоятельствъ—главное бремя для крестьянина. Общей нормы дѣйствительно нѣтъ. Различнымъ образомъ сформировалось отношеніе тяглой барщины—со скотомъ—къ «пѣшей»—безъ скота. Но въ общемъ барщина эта очень высока. Въ XVIII вѣкѣ тяглую барщину можно, кажется, свести до двухъ дней въ недѣлю съ четверти лана, т. е. до 8 дней съ лана, хотя иногда она достигаетъ четырехъ дней съ четверть лана, т. е. 16 дней съ лана. Кромѣ того, крестьяне помимо «дней» снабжаютъ владѣльца подводами и множествомъ мелкой дани въ формѣ хлѣба, куриць, яицъ, пряжи и т. д. Рабочіе дни тщательно зачисляются, а затѣмъ ими пользуются въ случаѣ серьезной потребности; обыкновенно же въ важныхъ случаяхъ на толоку и шарварокъ должно идти населеніе, не обязанное къ «днямъ» (крайняя нужда, помощь). Наконецъ, въ теченіе этого періода «панъ» развиваетъ свое право торговли напѣтками, послѣ выкупа солтыствъ, которымъ обыкновенно принадлежала корчма. Только панъ можетъ варить пиво, гнать водку, содержать шинокъ, ни откуда больше брать вина нельзя, нельзя даже пить внѣ панской корчмы. Хозяинъ принуждаетъ также

крестьянъ покупать известное количество водки и пива въ случаѣ свадьбы, крестинъ и пр. Кромѣ того, помѣщики приобрѣтаютъ себѣ мельничное право, т. е. запрещаютъ молоть хлѣбъ помимо господской мельницы, и даже иногда крестьянинъ только въ хозяйскомъ дворѣ можетъ продавать свои продукты, и только тамъ покупать то, что ему нужно. Деревня замыкается, возвращается на пути развитія къ временамъ естественнаго хозяйства, она должна удовлетворяться сама собой, создавать для себя отдѣльный мірокъ.

Но несмотря на все это, крестьянинъ не перестаетъ быть лично свободнымъ. Онъ еще не рабъ, какъ иногда говорятъ, онъ обладаетъ правоспособностью, у него есть движимое имущество, принадлежащее ему лично, отнять которое никто не имѣетъ права; онъ можетъ «выкупить» иногда участокъ, на которомъ сидитъ, и такимъ образомъ приобрѣсти на него наследственное право; обязанности, связывающія крестьянина, еще не отнимаютъ у него характера человѣка свободнаго.

Однако, подобное ограниченіе его правъ, прикрѣпленіе къ деревнѣ, подчиненіе волѣ и даже произволу пана—ослабляетъ рвеніе крестьянина къ труду, его самодѣтельность и старательность. Онъ не идетъ впередъ въ своемъ хозяйствѣ, скорѣе идетъ назадъ. Отсюда, хотя налоги и барщина крестьянъ усилились, все-таки съ половина XVII вѣка экспортъ хлѣба уменьшается, и въ XVIII вѣкѣ рѣдко достигаетъ 30.000 ластовъ въ годъ, чему впрочемъ содѣйствовалъ и застой въ дворянскихъ хозяйствахъ.

Но, главнымъ образомъ, на дурное положеніе крестьянина вліяютъ два фактора: распаденіе хозяйствъ и отсутствіе культуры. Если при Ягайлонахъ крестьяне сидятъ на лановыхъ и полулановыхъ участкахъ, то въ теченіе этого періода хозяйства постоянно уменьшаются. Населеніе растеть, и находитъ себѣ лишь единственный путь—эмиграцію, именно на Востокъ, чему со своей стороны дворянство старается всячески противодѣйствовать. Съ другой же стороны, отсутствіе промышленности, застои и даже упадокъ городовъ заставляютъ излишнее населеніе сидѣть по деревнямъ: уйти ему некуда. На увеличеніе населенія смотритъ дворянинъ благосклонно, такъ какъ усиливается вмѣстѣ съ этимъ число рабочихъ рукъ для мызнаго труда. Въ исключительныхъ лишь случаяхъ встрѣчаются ограниченія относительно дробленія хозяйствъ въ концѣ періода: насколько теперь можно судить, лановыхъ участковъ почти что нѣтъ, полулановые—весьма немногочисленны, крестьяне сидятъ на четверть-ланкахъ, и даже часто на какихъ-нибудь нѣсколькихъ моргахъ.

Раньше, въ XIV и XV вѣкахъ, въ деревнѣ не было почти вовсе безземельнаго населенія: ни «загородниковъ»—имѣющихъ, кромѣ избы, лишь небольшой огородъ, ни «бобылей»—имѣющихъ одну только избу, ни «коморниковъ», наконецъ, нанимающихъ квартиру въ чужой хатѣ. Въ XVI вѣкѣ такое населеніе усиливается и въ теченіе этой эпохи замѣтно растеть. И оно подчиняется крѣпостной зависимости, несетъ рядъ повинностей въ пользу пана, главнымъ образомъ барщину, образуетъ собственно рабочей классъ.

И у крестьянъ-землевладѣльцевъ экономическія отношенія подверглись, среди данныхъ условій, кореннымъ измѣненіямъ. Раньше за право владѣть землей крестьянинъ обязывался платить извѣстные налоги, подати и пр., теперь онъ становится, собственно говоря, работникомъ помѣщика, что является основой отношеній между ними, земля же начинаетъ принимать характеръ вознагражденія его за трудъ. Въ этомъ раздробленіи хозяйствъ, въ экономическомъ подчиненіи крестьянина интересамъ фольварка слѣдуетъ искать главной причины паденія деревни. Если бы крестьяне сѣумѣли удержать свои хозяйства въ прежней мѣрѣ, то, несмотря на усиленныя обязанности, судьба ихъ не была бы такъ тяжела. Повинности уменьшались по направленію къ востоку; чѣмъ, однако, дальше на востокъ, чѣмъ, слѣдовательно, лучше экономически стоялъ крестьянинъ, владѣя большимъ хозяйствомъ, и отдавая меньше хозяину, тѣмъ ниже, зато, стоялъ уровень просвѣщенія и культуры, такъ что все-таки на западѣ крестьянину жилось сравнительно лучше. Не слѣдуетъ, однако, полагать, что въ Польшѣ было хуже, нежели за ея границами, на западѣ, или на востокѣ. Подданство существовало и тамъ, нерѣдко гораздо болѣе суровое. Чаще въ Польшу бѣгутъ иностранные крестьяне, чѣмъ наоборотъ. Но такое положеніе дѣлъ длилось у насъ черезчуръ долго, почти до конца существованія государства, между тѣмъ какъ на западѣ реформы начались значительно раньше.

Основой организаціи евреевъ остались тѣ же гмины (кагалы). На мѣсто исчезнувшаго европейскаго сеніората, появляются при Стефанѣ Баторіи постоянные еврейскіе съѣзды, такъ называемые «синоды четырехъ краевъ» (т. е. Великопольши, Малопольши, Руси съ Подольской областью и Волыни съ Украйной), собиравшіеся обыкновенно во время ярмарокъ въ Люблинѣ и Ярославлѣ. Участіе въ синодѣ принимаютъ представители гминъ и раввины. Съѣзды эти рѣшали дѣла внутренней автономіи еврейскихъ гминъ и въ то же время являлись посредникомъ между евреями и государствомъ. Одною изъ главныхъ задачъ синода было равномерное распредѣленіе податей, налагаемыхъ на евреевъ гуртомъ. Однако, въ продолженіе этого періода еврейская автономія ослабѣваетъ. Воевода, имѣющій доннынѣ лишь надзоръ надъ гминами, начинаетъ посредствомъ своихъ органовъ (подвоеводьяго) все болѣе и болѣе вторгаться во внутреннія дѣла гминъ, употреблять свои права для своей личной пользы. Впрочемъ, только въ самыхъ крупныхъ городахъ евреи удержались подъ верховной властью воеводы; ихъ все-таки защищали королевскія привилегіи, какъ генеральныя, болѣе раннія, впоследствии не разъ подтверждаемыя, такъ и другія, издаваемыя въ пользу отдѣльныхъ гминъ. Въ XVIII вѣкѣ евреи создаютъ какъ бы краткіе своды законовъ, опираясь на эти привилегіи: одинъ для Великопольши, другой для Малой Польши. И воеводы также опредѣляютъ закономъ свое отношеніе къ гминамъ, главнымъ образомъ, права и задачи своихъ чиновниковъ въ увеличивающихся постоянно воевод-

скихъ постановленіяхъ. Но въ мелкихъ городахъ евреи были подчинены власти старость, въ частныхъ же владѣніяхъ зависѣли всецѣло отъ пановъ, которые могли произвольно разрѣшать имъ жительство въ своихъ помѣстьяхъ, на условіяхъ, ими же назначаемыхъ. Всеобщій экономическій кризисъ отразился и на еврейскомъ населеніи. Оно расло, а мѣста для него не хватало. Евреи старались расширить свои занятія, но этому противодѣйствовали города, недоброжелательно смотрѣвшіе на такое соперничество, и даже находившіе въ немъ причину паденія ремесленного промысла. Поэтому увеличивается число дорого оплачиваемыхъ евреями договоровъ съ городами, опредѣляющихъ ихъ права; но въ городѣ евреямъ становится тѣсно, ихъ тамъ уже чересчуръ много. И вотъ, въ XVII в. они въ большомъ числѣ уходятъ въ деревни, осѣдаютъ по корчмамъ. Появляется типъ «жида-корчмаря». Но это все не помогло. Положеніе евреевъ въ XVIII в. весьма печально, кагалы ихъ отягчены громадными долгами.

Основы, созданныя въ области государственнаго строя Ягеллонской эпохою, а главнымъ образомъ сеймомъ 1569 г., продолжаютъ поддерживать государственную организацію. Государство состоитъ собственно изъ двухъ равноправныхъ частей: Польши и Литвы съ фактическимъ превосходствомъ на сторонѣ Польши. Но и нѣкоторыя ея составныя части имѣютъ свои опредѣленные закономъ особенности. Пруссія, во-первыхъ, несмотря на то, что приняла въ 1598 г. польскіе законы (суды)

хотя только отчасти (такъ наз. прусская корректура), основы отношеній Польши къ Литвѣ, какъ ихъ опредѣлили въ Люблинской уніи, несмотря на борьбу, которую ведетъ еще нѣсколько времени Литва, все-таки удержались безъ измѣненія. Точнѣе сформировались лишь отношенія Инфлянта къ Польшѣ и Литвѣ. Реорганизацию Инфлянта проводить уже въ 1582 г. Баторій, но только конституція 1598 г. сравняла ихъ окончательно съ Польско-литовскимъ строемъ, введя и туда воеводства (венденское, дерптское, перновское), земскія должности, сеймики и пр., и причисливъ воеводъ и кастеляновъ къ польскому сенату. Исчезла самостоятельность казны: годовые доходы должны были съ этихъ поръ поступать поочередно, то въ польскую, то въ литовскую казну. Также и высшія должности (маршаловъ и т. д.) поручались попеременно польскимъ и литовскимъ сановникамъ. Но уже приблизительно въ 1617 — 1625 г. Польша утратила значительную часть Инфлянтовъ въ пользу Швеціи, хотя формально они были отняты у Польши лишь по Оливскому трактату въ 1660 г. — Но и потомъ въ Инфлянты назначались воеводы, кастеляны и пр., какъ будто они еще принадлежали Польшѣ. Лишь конституція 1677 г. устранила ихъ, образовавъ въ Инфлянтахъ одно воеводство — инфлянтское и одно земское чиновначаліе. Тогда тамъ было введено и польское судебное право, вмѣстѣ съ литовскимъ статутомъ. Подчиненіе Инфлянтовъ обѣимъ половинамъ государства удержалось все-таки независимо отъ Швеціи.

Изъ удѣльныхъ владѣній за Польшей осталось одно княжество Курляндское. Послѣ пресѣченія ли-

ни Кетлера (1738 г.) княжество это должно было соединиться съ Польшей, на основаніи конституціи 1589 года. Несмотря на это, княжество, въ видѣ лена, было отдано Бирону и его потомкамъ. Зависимость эта удержалась въ той формѣ, въ какой она опредѣлилась въ 1561 году, и лишь въ 1639 г. была при прибавлена обязанность уплаты дани 10.000 флор. въ случаѣ назначенія въ Польшѣ рекрутскаго набора. Княжеская Пруссія остается еще нѣкоторое время какъ ленное княжество въ рукахъ Ансбахской линіи Гогенцоллерновъ. Курфюрстская линія однако добилась путемъ актовъ 1578, 1589, 1605 и 1609 г.г. подтвержденія правъ на этотъ ленъ въ случаѣ пресѣченія Ансбахской линіи, и даже временнаго правленія (регенци), когда послѣдній членъ этого дома не могъ самъ править вслѣдствіе умственной болѣзни. Въ 1611 г. линія курфюрстская окончательно получила княжество Курляндію на вассальныхъ условіяхъ, хотя потомокъ Ансбахскаго дома былъ еще въ живыхъ, такъ что послѣ его смерти (1618 г.) Янъ Сигизмундъ сразу взялъ власть въ свои руки, какъ представитель курфюрстерской семьи. Болѣе крупныхъ перемѣнъ въ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ ленной зависимости, не произошло. Единственно въ актахъ 1605 и 1611 г. князя обременили нѣсколько большими повинностями, а именно — снабженіемъ короля въ случаѣ войны судами (лишь четыремя), и годовой податью—30.000 фл., въ случаѣ же рекрутскаго набора въ Польшѣ еще 30.000 фл. Зато ограничилось число апелляцій на княжескій судъ къ королю — до важнѣйшихъ вопросовъ свыше 500 фл. и право короля выдавать охран-

ныя грамоты прусскимъ подданнымъ. На практикѣ же съ момента водворенія въ Пруссіи курфюрстской линіи зависимость стала номинальной. Окончательно узелъ этотъ былъ разрубленъ Велявскимъ трактатомъ 1657 года. Князь прусскій пересталъ считаться вассаломъ Польши: феодальное отношеніе замѣнилось союзомъ. Однако было постановлено, что въ случаѣ пресѣченія курфюрстской династіи, княжеская Пруссія возвращается Польшѣ.

Королевская власть, элекци и безкоролья. Во главѣ государства продолжаетъ стоять король, но королевская власть теперь представляеть изъ себя лишь часть той власти, которою нѣкогда пользовались Ягайлоны. Польша является въ полной мѣрѣ монархіей избирательной. Если раньше законный принципъ избранія былъ нѣсколько ограниченъ вслѣдствіе отношенія къ Литвѣ, на которую Ягайлоны сохранили свое наследственное право, такъ что въ Польшѣ въ предѣлахъ избранія удержалось право наследства на престолъ лишь среди членовъ царствующей семьи, то теперь не существуетъ въ этой области никакихъ ограниченій. Генриховскіе артикулы 1573 года постановляютъ даже, что при жизни короля нельзя выбирать наследника, и это постановленіе повторяется и послѣдующими конституціями (1576, 1593, 1607, 1662, 1667, 1670 г.г.). Способъ избранія при Ягайлонахъ не былъ точно опредѣленъ. Онъ выработался во время двухъ первыхъ избраній, и принципы, одержавшіе верхъ тогда, послужили основой для послѣдующихъ. Периодъ, продолжающійся съ момента смерти короля до коро-

націи наслѣдника, носитъ названіе межкорольевья— (interregnum). Во главѣ государства становится примасъ — первый сановникъ, несмотря на стремленіе, выразившееся въ теченіе перваго межкорольевья — поручить эту власть коронному маршалу. Какъ замѣститель короля, примасъ носитъ титулъ «межкороля» (interex). Во время перваго межкорольевья воеводства, съ цѣлью создать временное правительство, соединялись между собой въ конфедераціи, или такъ называемые «каптуры», имѣющія главной задачей сохраненіе спокойствія и безопасности. Затѣмъ, примасъ, извѣщая письменно (универсалами) о смерти короля, въ то же время назначалъ и срокъ сеймиковъ, установленныхъ каптурами. Немногія предписанія, касающіяся избранія короля, въ эпоху Ягайлоновъ не предвидѣли никакого другого съѣзда, кромѣ избирательнаго сейма. Въ теченіе перваго межкорольевья послѣ многихъ неудачныхъ съѣздовъ, дѣло въ концѣ концовъ свелось къ сейму, имѣющему всѣ признаки обыкновеннаго. Чтобы, однако, изгладить противорѣчіе между закономъ, не признающимъ такого сейма, и фактомъ его созыва, — противорѣчіе, которое особенно сильно подчеркивала Литва, — съѣздъ этотъ назвали не просто сеймомъ, но «созывнымъ» сеймомъ, или конвокаціей. Отсюда утверждается обычай такого сейма, созываемаго примасомъ немедленно послѣ смерти короля. Задача созывнаго сейма, происходящаго всегда въ Варшавѣ — подготовить избраніе. Рѣшенія его носятъ названіе конфедерацій, такъ какъ защищать данное постановленіе обязывались специально и лично всѣ принимающіе участіе въ этомъ сеймѣ. Поэтому-то конфедерація до-

Стигается даже въ случаѣ распадeнiя сейма. Въ особенности первая конфедерация 1573 г. — заключаетъ весьма важныя постановленiя, среди которыхъ находимъ и постановленiе о диссидентахъ. Конвокация назначала новые сеймики и избирательный сеймъ. Въ сеймъ этотъ звали, за исключенiемъ перваго межкоролья, депутатовъ, какъ вообще и въ другiе сеймы. Избирательный сеймъ отличается отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что главнымъ предметомъ его совѣщанiй является вопросъ объ избранiи короля (въ элекціонномъ сеймѣ принимаютъ иностранныхъ пословъ, рѣшаютъ экзорбитации, т. е. предписанiя, цѣль которыхъ исправить нарушенiе закона королемъ, составляютъ *pacta conventa* и пр.). Совѣщанiе происходитъ въ полѣ: сенатъ засѣдаетъ подѣ «навѣсомъ», рядомъ съ навѣсомъ — посольская палата въ «кругу», ограниченномъ валами. Продолжительность сейма опредѣлялась обыкновенно заранѣе конвокаціей. Сеймъ собирается подѣ Варшавой, въ окрестностяхъ деревни Воли.

Самое избранiе составляетъ совершенно особый актъ. Во время перваго межкоролья верхъ одержало правило не новое, признанное уже и раньше — относительно участiя въ избранiи всего дворянства, т. е. голосованiя «*virorum*». Во время сейма съѣзжается шляхта со всего государства, хотя часто воеводства на сеймикахъ рѣшаютъ, что участiе въ избранiи короля примутъ только депутаты. Шляхта окружаетъ «кругъ» верхомъ, обыкновенно въ полномъ вооруженiи. Въ день, назначенный сеймомъ, сенаторы и депутаты расходятся по своимъ воеводствамъ, такъ что

подъ «навѣсомъ» остается одинъ примасъ. Шляхта подаетъ голоса. Выборъ можетъ рѣшиться только единоголосно. Въ случаѣ, если ни одна сторона не хочетъ уступить — выборы разбиваются, каждая партія отдѣльно выбираетъ «кандидата» (*electa*), а судьбу послѣднихъ рѣшаетъ борьба между ними. Послѣ провозглашенія примасомъ выбора, составляется избирательный дипломъ. Завершается совѣщаніе избирательнымъ сеймомъ, который назначаетъ день коронаціи.

Коронація оканчиваетъ межкоролье. Она происходитъ въ Краковѣ, во время коронаціоннаго сейма, который ведется, слѣдую всѣмъ обыкновеннымъ формамъ. Только обрядъ торжественной коронаціи короля, имѣющей религіозный характеръ, даетъ монарху его полныя права. Король послѣ коронаціи даетъ подтвержденіе законовъ (*confirmatio generalis*), свидѣтельствуетъ отдѣльно о своей присягѣ (*litterae iuramenti praestiti*) и извѣщаетъ о совершеніи коронаціи (*denuntiatio regis coronati*).

Избраніе ввело уже и раньше договоръ, какъ основу вступленія на престолъ. Народъ, который назначаетъ короля, имѣетъ право ставить этому королю какія угодно условія, можетъ заранѣе опредѣлить границы его власти. И вотъ сразу, первое межкоролье вводитъ въ жизнь подобныя статьи: это такъ называемыя Генриховскіе артикулы и *pacta conventa* (1573 г.). Въ этихъ актахъ заключалось признаніе королемъ нѣкоторыхъ основныхъ законовъ строя, отчасти выработавшихся раньше, отчасти только что постановленныхъ; эти предписанія касаются вопросовъ о «се-

наторахъ-резидентахъ», «посполитомъ рушеніи (всеобщее ополченіе), сеймахъ, податяхъ и пр. Въ пактахъ конвентахъ же на короля возлагались извѣстные обязанности, имѣющія характеръ специальныхъ обязанностей избранника: снабженіе государства денежной помощью, заключеніе союзовъ, воспитаніе опредѣленнаго числа молодежи за границей и т. д. Однако это различіе между артикулами Генриха и пактами выступаетъ въ послѣдствіи еще только одинъ разъ, относительно Стефана Баторія. Въ послѣдующихъ междокоролевскихъ всякія повинности и ограниченія королевской власти были помѣщены только въ пактахъ, которые теперь кромѣ точнаго опредѣленія главныхъ основъ строя, заключали въ себѣ и личныя обязанности избранника. Пакты готовились предварительно избирательнымъ сеймомъ, отдѣльно для cadaго избранія. Однако, на практикѣ позднѣйшіе пакты основываются на предыдущихъ, вводя въ нихъ лишь незначительныя измѣненія. Въслѣдствіе того, что основой королевской власти сталъ контрактъ, заключаемый съ избранникомъ, явился вопросъ: какое положеніе долженъ принять народъ относительно государя, если тотъ не исполнитъ своихъ обязанностей, нарушитъ государственные законы. Въ первый разъ вопросъ этотъ разбирается Генриховскими артикулами, которые рѣшаютъ, что въ такомъ случаѣ народъ имѣетъ право отказаться отъ повиновенія монарху. Такъ было не исключительно въ Польшѣ. Отвѣтственность короля передъ народомъ давно явилась въ законодательствѣ средневѣковой Европы. И въ Польшѣ вопросъ этотъ возникалъ неоднократно, но окончательно

ное его рѣшеніе относится къ 1573 г.; это— послѣдній такого рода примѣръ въ Европѣ. Итакъ, правило это удерживается, но въ послѣдствіи его точнѣе опредѣляютъ сначала въ конституціи 1578 г. относительно того, какими дѣйствіями король нарушаетъ государственные законы (умышленно, произвольно и сознательно), въ конституціяхъ же 1607 и 1609 г. относительно поведенія подданныхъ, предшествующаго окончательному отказу въ повиновеніи королю (троекратное увѣщаніе: 1) примасомъ, сенатомъ и цѣлымъ сеймомъ по конституціи 1607 г.—при посредствѣ одного изъ сенаторовъ, 2) сеймикомъ—черезъ депутатовъ и, наконецъ, 3) сеймомъ—по конституціи 1609 г.). Право отказать отъ послушанія опредѣляется, какъ: *articulus de non praestanda oboedientia*.

Сеймы. Параллельно съ ограниченіемъ королевской власти, все большее и большее значеніе пріобрѣтаетъ уже и такъ сильно укоренившійся сеймъ и сеймики. Сеймъ прежде всего взялъ въ свои руки законодательство, хотя только въ предѣлахъ интересовъ того сословія, которое господствуетъ въ сеймѣ, т. е. дворянства; вопросы же городского строя, внутреннихъ отношеній евреевъ, крестьянскаго населенія въ королевскихъ владѣніяхъ и т. д., какъ не касающіеся дворянъ, остаются внѣ предѣловъ конституцій. Зато сеймъ рѣшаетъ множество вопросовъ, относящихся къ администраціи, нобилитаціи, индигената и пр. Онъ имѣетъ также полное право контроля въ области управленія государствомъ, какъ со стороны внѣшней политики, такъ и внутренней админи-

Страціи. Сейму также принадлежит право устанавливать экстренные подати; только въ 1717 г. были установлены постоянные налоги. Съ этимъ высокимъ значеніемъ, которое постепенно приобретаетъ сеймъ, соединяется неизбѣжно опредѣленіе, когда онъ долженъ собираться, а равно періодичность засѣданій сейма, чего раньше не бывало. Въ этой области нѣкоторыя постановленія вводятъ Генриховскіе артикулы, а именно: сеймъ долженъ собираться разъ въ два года: въ случаѣ однако надобности, король имѣетъ право созвать его и раньше. Такимъ образомъ возникло раздѣленіе сеймовъ на ординарные (каждые два года) и экстраординарные. Срокомъ продолжительности первыхъ назначено было шесть недѣль. Конституціи ординарныхъ сеймовъ опредѣляли обстоятельства, позволяющія королю созывать экстраординарные сеймы, но и безъ такого позволенія, въ случаѣ необходимости, король созывалъ сеймы, но непременно съ согласія сената. Эти сеймы были короче, занимались лишь нѣкоторыми вопросами и обставлены были гораздо меньшими формальностями. Для сеймовъ экстраординарныхъ назначался срокъ совѣщаній въ двѣ или три недѣли, позднѣе ихъ собирали всегда на двѣ недѣли, и звали двухнедѣльными, хотя бы они даже и длились нѣсколько дольше. Генриховскіе артикулы указываютъ на Варшаву, какъ на обыкновенное мѣсто съѣзда членовъ сейма, и дѣйствительно сеймы не собираются въ другомъ городѣ, развѣ въ силу исключительныхъ обстоятельствъ. Лишь конституція 1673 г. приказываетъ каждому третьему сейму собираться въ Гроднѣ. Но конвокаціонные и элекціонные сеймы со-

бирались постоянно въ Варшавѣ, коронаціонный же въ Краковѣ.

Передъ каждымъ сеймомъ, какъ ординарнымъ, такъ и экстраординарнымъ, король обязанъ былъ собирать предварительный сеймъ для выбора депутатовъ, такъ какъ полномочія послѣднихъ оканчивались въ моментъ закрытія сейма. Сеймъ состоялъ, какъ и раньше, изъ сената и палаты депутатовъ. Составъ сената увеличился до 150 членовъ, самаго большого числа, при Владиславѣ IV и Янѣ-Казимірѣ путемъ причисленія къ нему инфлянтскихъ сенаторовъ (1598 г.), новоустановленныхъ епископовъ и сенаторовъ ново-созданнаго Черниховскаго воеводства; однако, послѣ отпаденія Инфлянтъ или точнѣе,—послѣ приведенія въ порядокъ этого вопроса (въ 1677 г.) составъ сената уменьшился до 146 чел. Состоялъ онъ, какъ и прежде, изъ епископовъ, воеводъ, кастеляновъ и министровъ. Число депутатовъ возрастаетъ вслѣдствіе введенія депутатовъ инфлянтскихъ и черниховскихъ, а также черезъ увеличеніе числа депутатовъ нѣкоторыхъ сеймиковъ и достигаетъ при Саксонахъ высшей цифры—182 (т. е. 128 отъ короны, 48 отъ Литвы и 6 отъ Инфлянтовъ) не считая прусскихъ, число которыхъ было непостоянно, но нерѣдко весьма значительно. Городскихъ депутатовъ почти уже вовсе не встрѣчается, развѣ въ сеймахъ во время межкорольевья, когда, впрочемъ, присутствіе ихъ не играетъ роли, является формой, отголоскомъ прежнихъ, большихъ правъ. Способъ совѣщаній, обычный регламентъ сейма остался въ принципѣ такимъ же, какимъ былъ раньше. Въ конституціяхъ встрѣчаемъ лишь нѣ-

сколько замѣтокъ, касающихся порядка совѣщаній. Конституція 1690 г. ограничивается просто краткимъ перечисленіемъ послѣднихъ. Точнѣе была лишь опредѣлена послѣдовательность отдѣльныхъ дѣйствій сейма, преимущественно второстепеннаго значенія. Хотя рѣшающее значеніе приобрѣли теперь постановленія депутатской палаты, тѣмъ не менѣе удержались и воты сенаторовъ, совершенно уже лишніе. Единственнымъ, болѣе важнымъ нововведеніемъ было постановленіе конституціи 1633 г., вполнѣдствіи неоднократно возобновляемое, о томъ, что дней на пять до окончанія сейма обѣ палаты обязаны соединиться съ цѣлью повѣрить согласованіе конституціи съ тѣмъ, что ранѣе было постановлено. Но всего этого было недостаточно. Отсутствие порядка въ совѣщаніяхъ весьма сильно ощущалось, въ особенности потому, что маршалъ (избираемый одинъ разъ для трехъ сеймовъ среди литовскихъ депутатовъ) не имѣлъ достаточно власти для веденія этихъ совѣщаній. Постоянно предлагаемые проекты не привели ни къ какимъ перемѣнамъ къ лучшему. Какъ внутренній складъ сейма и способъ совѣщаній удержались въ тѣхъ рамкахъ, какія выработались для нихъ въ теченіе предыдущаго періода, такъ точно и съ внѣшней стороны сеймъ удержалъ въ полной мѣрѣ свой отличительный характеръ сословнаго сейма, по средневѣковому образцу. Члены сейма представляютъ и обслуживаютъ интересы сословія, а не государства,—послѣдніе лишь настолько, насколько они связаны съ сословными. Замѣчается даже какъ бы шагъ назадъ сравнительно съ сеймами временъ Сигизмунда-Августа. Слѣдствіемъ

такого характера сейма являются инструкции и требование единогласія. Депутаты, это—представители сеймика, который выбралъ ихъ. они не могутъ выступить за предѣлы полученныхъ порученій. А порученія эти, «инструкции» становятся все подробнѣе. Развитие же еймиковъ, главнымъ образомъ—докладныхъ, еще болѣе связываетъ независимость депутатовъ. Итакъ, единоглаіе является прямымъ результатомъ принципа сословнаго представительства. Всѣ должны единодушно согласиться на одно и тоже. Лишь единогласное рѣшеніе пословъ и сената, когда съ нимъ согласится и король, становится закономъ.

Протестъ одного члена можетъ не допустить до рѣшенія извѣстнаго постановленія, можетъ также сорвать весь сеймъ. *Liberum veto* хотя и возникло только въ 1652 г., но можно сказать, что въ сеймѣ 1652 г. оно ярче бросается въ глаза. *Liberum veto*—это право сорвать сеймъ сопротивленіемъ одного депутата, это—результатъ естественнаго, и даже, можно сказать, вполне правильнаго развитія средневѣковыхъ понятій о парламентаризмѣ. Но нигдѣ эти понятія не достигли такихъ крайнихъ результатовъ, какъ въ Польшѣ. Если еще въ предыдущую эпоху на такіе протесты отдѣльныхъ депутатовъ мало обращали вниманія, то въ теченіе этого періода право это становится узаконеннымъ, вырабатывается какое-то суевѣрное сознаніе законности *veto*, опредѣляемаго какъ «зѣница вольности». Польскій парламентаризмъ не счумѣлъ развиваться и превратиться въ современный данной эпохѣ, онъ остался на тѣхъ же сословныхъ основахъ и перерабатывалъ эти основы, пока

наконецъ онѣ не выродились совершенно. Взглядъ же на *liberum veto*, какъ на одно изъ основныхъ установленій парламентскаго строя, — былъ такъ силенъ, что ни одна изъ предполагаемыхъ реформъ сейма, появляющихся въ XVII и XVIII в. вплоть до конца этого періода не рѣшается коснуться его, и хотя реформы совѣщаній въ польскихъ сеймахъ и происходятъ, но, все-таки, всегда только съ сохраненіемъ этого *liberum veto*.

Сеймики. Характеръ представительства сословныхъ интересовъ, сохранившійся и даже еще глубже укоренившійся въ сеймовомъ строѣ, какъ вліяніе односторонняго развитія государственной жизни Польши, отразился и на отношеніяхъ сейма къ сеймикамъ. Сеймики, начинающіе при Ягайлонахъ терять свое высокое значеніе вслѣдствіе перевѣса значенія сейма, теперь вновь приобрѣтаютъ все больше и больше правъ, подрывая значеніе сейма. До сихъ поръ ихъ было только два рода: избирательные сеймики король созывалъ для избранія депутатовъ въ сеймъ—слѣдовательно, передъ каждымъ сеймомъ. Такіе сеймики очевидно удержались. Они собираются въ извѣстныхъ разъ навсегда мѣстностяхъ, и бываетъ ихъ около 70 во всемъ государствѣ. Задача ихъ — выборъ депутатовъ, которые въ свою очередь собираются первоначально вмѣстѣ съ сенаторами на такъ называемые сеймики «генеральные» (въ Корчинѣ—для Малопольши и Рысскихъ земель, въ Колѣ—для Великопольши, въ Варшавѣ—для Мазовша и въ Волковискахъ, а позднѣе въ Слонимѣ, для Литвы), гдѣ они обсуждаютъ

свое положеніе на сеймѣ. Наряду съ выборами депутатовъ сеймики занимаются также составленіемъ для нихъ инструкцій, всегда письменныхъ—теперь уже не устныхъ, какъ прежде. Кромѣ этихъ избирательныхъ сеймиковъ въ Ягайлонскую эпоху были еще извѣстны сеймики, созываемые воеводами для избранія кандидатовъ въ земскіе чиновники (подкоморій, судья, подсудокъ, писарь). Ихъ было больше, чѣмъ первыхъ, такъ какъ своихъ собственныхъ избираемыхъ чиновниковъ имѣли не рѣдко тѣ земли, которыя передъ сеймомъ совѣщались сообща съ другими. Но собирались эти сеймики не такъ часто: должности давались пожизненно, и вакансіи открывались рѣдко. Первое межкоролье вноситъ новый типъ сеймиковъ: «каптуры», т. е. сеймики, открываемые на время *interregnum* и объединенные въ конфедераціи, имѣющіе цѣлью обезпеченіе даннаго воеводства или земли. Съ этихъ поръ такіе сеймики появляются при каждомъ межкоролье и содѣйствуютъ въ значительной мѣрѣ усиленію значенія сеймиковъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ находится высшая власть во время *interregnum*. Они составляютъ подробные планы обороны, организуютъ судебное вѣдомство на время межкоролье и т. д. Образованіе короннаго трибунала въ 1578 г., составленнаго изъ депутатовъ дворянъ, вызвало къ жизни новый видъ сеймиковъ, такъ называемыхъ депутатскихъ, на которыхъ и должны были совершаться выборы этихъ депутатовъ. Они собираются въ опредѣленный срокъ ежегодно, такъ какъ каждый годъ надо было высылать въ трибуналъ новыхъ судей. Еще болѣе важную роль въ развитіи сеймиковъ играютъ

реляціонные сеймики, появленіе которыхъ относится къ 1589 г. Звали ихъ реляціонными, такъ какъ главнымъ ихъ дѣйствиємъ былъ отчетъ («реляція») о дѣятельности на сеймѣ, даваемый депутатами. Они собираются послѣ сейма въ день, опредѣленный предварительно конституціей, королемъ или, по порученію сейма, воеводами. Вскорѣ они перешли въ обычай, въ особенности, когда сеймики приобрѣли значительныя права въ финансовой области и по воинской повинности. Эти сеймики совершали также выборъ депутатовъ въ казенную судебную палату (трибуналъ), начиная съ 1613 г. Когда же въ половинѣ XVII вѣка увеличился кругъ дѣйствій сеймиковъ, ихъ стали созывать въ различное время, даже между сеймами, и звали ихъ тогда хозяйственными. Въ 1717 г., при реорганизаціи вѣдомства сеймиковъ, были опредѣлены постоянные періодическіе сеймики для выбора депутатовъ въ радомское судилище, а также сроки хозяйственныхъ сеймиковъ, соединенныхъ съ депутатскими. Таковы были виды сеймиковъ. А когда система эта уже сильно укоренилась въ обществѣ, дворянство — шляхта нерѣдко произвольно самостоятельно собирается: въ мирное время, во время войны, въ случаѣ какого-нибудь важнаго происшествія и составляетъ постановленіе— «сеймикуеть».

Ростъ значенія сеймиковъ начинается можно сказать въ концѣ XVI вѣка. Депутаты начинаютъ передавать обсужденію своихъ сеймиковъ «брати» выборъ сановниковъ, распоряжающихся податями, «шаферей» (уже съ 1578 г.), а потомъ и сборщиковъ этихъ податей. Вскорѣ это идетъ дальше. Уже и раньше не-

рѣдко случалось, что если депутаты опредѣленнаго воеводства противились податямъ, ссылаясь на инструкцію, короли послѣ сейма созывали сеймикъ этого воеводства, чтобы онъ самъ принялъ рѣшеніе сейма, согласился бы на подати, предложенныя сеймомъ. Теперь это начинаетъ становиться обычнымъ явленіемъ. Депутаты несутъ въ реляціонныя сеймики—къ «брати»—не только выборъ сборщика податей, но и самое установленіе податей. Сеймики начинаютъ пользоваться этимъ обычаемъ слѣдующимъ образомъ: депутаты объявляютъ въ сеймѣ извѣстную, подлежащую сбору сумму налога, но предоставляютъ себѣ право самостоятельно покрывать эту подать. Начинаютъ возникать особыя воеводскія подати, отдѣльная воеводская казна, образуемая излишками податей. Сеймикъ распространяетъ свою власть и на расходованіе податей—не сдаетъ ихъ въ казну, но самъ выбираетъ распорядителей, создаетъ особыя комиссіи для контроля. Самъ сеймикъ, наконецъ, производитъ рекрутскіе наборы, самъ содержитъ солдатъ и на это содержаніе идутъ именно воеводскія подати. Возникаетъ уѣздный «солдатъ». Такъ постепенно расло вѣдомство сеймиковъ. Въ половинѣ XVII вѣка сеймики достигаютъ высочайшей степени своего блеска и удерживаются въ такомъ положеніи въ теченіе нѣсколькихъ десятиковъ лѣтъ, но вслѣдствіе этого страдала цѣльность государства.

Сеймики подчиняли себѣ сеймъ, не только связывая депутатовъ инструкціями и требованіемъ отчета въ ихъ дѣятельности на сеймѣ, но врываются и въ область финансоваго и военнаго вѣдомства государства.

Самъ же сеймикъ вырождался отъ того, что вслѣдствіе ухудшенія отношенія въ распредѣленіи общественнаго имущества—въ сеймикахъ сила очутилась на сторонѣ вельможъ, отъ которыхъ зависятъ цѣлыя массы мелкой, неосѣдлой шляхты. А принимать участіе въ сеймикѣ имѣлъ право каждый, принадлежащій къ дворянству, независимо отъ того, былъ ли онъ possessionatus или нѣтъ. Кромѣ того, какъ въ сеймахъ, такъ и въ сеймикахъ основнымъ принципомъ являлось единомысліе. Уже въ XVI и XVII вѣкѣ мы видимъ стремленіе провести въ сеймики принципъ большинства голосовъ, по крайней мѣрѣ, на выборахъ, и даже довольно многочисленныя попытки въ этомъ направленіи; рѣже замѣчаются такія попытки въ смыслѣ устраненія изъ сеймиковъ «голоты», но онѣ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, воеводствахъ. Реформы эти были даже отчасти проведены, и подтверждены конституціями (1598, 1611, 1613, 1631, 1685 гг.). Но жизнь вскорѣ уничтожила эти реформы. Сеймики представляли изъ себя картину такого точно безпорядка, какъ и сеймы, не имѣли никакого регламента совѣщаній; власть маршаловъ, избираемыхъ въ теченіе этого періода, какъ предсѣдателей сеймиковъ, была также чрезчуръ слаба.

Предѣлъ этому неестественному росту власти сеймиковъ положила конституція 1717 г., отнявъ у нихъ значительный кругъ дѣйствій въ финансовой области и все военное вѣдомство и такимъ образомъ поставила сеймики почти въ то же положеніе, какое они занимали въ началѣ періода.

Конфедерации. Парламентскій строй завершается конфедерациями. Онѣ появляются вновь послѣ длиннаго періода времени. Къ жизни призывало ихъ межкоролье послѣ Сигизмунда-Августа, потребность созданія новыхъ формъ, способныхъ замѣстить временно верховную власть въ государствѣ. Итакъ, конфедерации удержались, какъ основа государственнаго строя края во время межкорольея. Къ нимъ и относилось названіе «каштуловъ», обозначающихъ первоначально вообще конфедерацию. Но на ряду съ ними, въ началѣ XVII в. возникаютъ конфедерации и при наличности короля. Роль ихъ двояка: онѣ остаются, какъ прежде, союзами, обязанными замѣнить государственную власть, если она неспособна исполнять свои обязанности (напр. во время нападений Шведовъ, когда короля не было), или же обращаются противъ короля (оппозиція). Послѣднія опираются на понятіе о всеисильности народа, точнѣе, одного его слоя—дворянства. Какъ только появились такія конфедерации, политическая литература создала для нихъ тотчасъ же законную почву, опредѣлила ихъ вѣдомство. Конфедерация—представительница народа, она, если объединяетъ все государство (генеральная), то она стоитъ даже выше короля. Вѣдь король, слѣдуя уставу государства, отвѣчаетъ передъ народомъ за свои поступки. И вотъ конфедерации желаютъ подчинить своему суду даже короля. Очевидно, значеніе конфедераций зависѣло отъ ихъ силы. Противъ нихъ заключаютъ конфедеренціи и короли. Отъ силъ обѣихъ сторонъ зависѣлъ результатъ борьбы: король могъ признать конфедерацию лишь мятежомъ, или наоборотъ—примкнуть къ ней, соединиться съ оппозиціонной партіей. Конфе-

дерации дополняютъ парламентскій строй, являясь результатомъ его недостатковъ.

Конфедерации возникаютъ обыкновенно сперва въ одномъ воеводствѣ, затѣмъ къ послѣднему примыкають другія воеводства и такимъ образомъ иногда объединяется все государство. Во главѣ генеральной конфедерации стоитъ обыкновенно маршалъ (одинъ разъ предводительство было поручено гетману). Воеводскія конфедерации выбираютъ себѣ особыхъ маршаловъ. Маршалу придавали въ помощники «совѣтника»; главнымъ органомъ былъ рѣшающій совѣтъ, не всегда однако созываемый. Составъ его отвѣчаетъ сейму, воеводства присылають туда своихъ пословъ, какъ въ сеймъ. Являясь представителемъ высшей государственной власти, рѣшающій совѣтъ получаетъ—хотя лишь въ исключительныхъ случаяхъ—силу сейма, и какъ сеймъ совѣщается. Основа силы конфедерации заключается въ сильнѣйшемъ сплоченіи конфедератовъ, подтверждаемомъ нерѣдко присягой. Конфедерация рѣшаетъ большинствомъ голосовъ, не признаетъ единомыслія. Необходимыя, нерѣдко вытекающія изъ настоящей нужды и поэтому законныя конфедерации причиняли иногда больше вреда, чѣмъ пользы, разбивая и безъ того слабое общественное правосознаніе.

Въ вопросахъ законодательныхъ власть короля была ограничена не однимъ только сеймомъ. Такими же ограниченіями, кромѣ сейма, являлись сенатъ и резиденты. Сенатъ, превратившійся въ моментъ возникновенія сейма въ его составную часть, имѣющую даже меньше зна-

Совѣтъ Сена-
та—рези-
денты.

ченія, нежели посольская палата, не перестаетъ, однако, считаться королевскимъ совѣтомъ. Король часто созываетъ сенатъ на «совѣтъ», чтобы узнать его мнѣніе въ важнѣйшихъ вопросахъ, главнымъ образомъ въ политическихъ дѣлахъ. Иногда, не собирая совѣта, король обсуждаетъ съ сенаторами извѣстный вопросъ письменно. Но чаще всего совѣты сената имѣютъ мѣсто тотчасъ послѣ сейма, играя въ особенности важную роль, если сеймъ былъ сорванъ. Но эти совѣты короля не связываютъ. Онъ обыкновенно слѣдуетъ имъ, но не обязанъ слѣдовать. Это въ самомъ дѣлѣ только «совѣтъ»,—не больше.

Между тѣмъ, когда ни сеймъ, ни совѣтъ сената еще не существовали, рѣшеніе всѣхъ вопросовъ оставалось исключительно въ рукахъ короля. Не было органа, представляющаго мнѣніе сейма. Только Генриховскіе статуты 1573 г. создали планъ такого учрежденія и нѣсколько лѣтъ спустя провели его въ жизнь (1576 г.). Это—сенаторы-резиденты. Короля окружили сенаторами, обязанностью которыхъ было постоянное пребываніе при дворѣ, на что весьма сильно и не разъ напирала конституція. Они составляютъ совѣтъ короля во всѣхъ вопросахъ, въ то время, когда нѣтъ сейма. Резидентовъ доставлялъ сенатъ, польская палата не пріобрѣла въ этомъ отношеніи никакихъ правъ. Резидентовъ было первоначально 16; съ 1641 г. 28. Они дѣйствовали въ теченіе двухъ лѣтъ, т. е. въ промежутокъ времени между двумя ординарными сеймами; но мѣнялись они каждые 6 мѣсяцевъ, такъ что постоянно при королѣ находилось ихъ сначала 4, позднѣе—7. Резидентами вступали сенаторы, въ лицѣ воеводъ, касте-

ляновъ и епископовъ. Но постановленія ихъ не были обязательны для короля: онъ долженъ былъ обратиться къ нимъ за совѣтомъ, но не обязанъ непременно слѣдовать полученному совѣту. Однако, въ 1607 г. было рѣшено, что постановленія резидентовъ (*senatus consulta*) будутъ составляться письменно и предъявляться въ сеймѣ, что, очевидно, могло усилить ихъ вліяніе. Дальше, конституція 1717 г. подчинила короля рѣшенію большинства резидентовъ, лишь бы ихъ мнѣніе не противорѣчило закону. Фактически, однако, вліяніе короля въ совѣтѣ резидентовъ было весьма сильно, господствовало, такъ что въ дѣйствительности они немного стѣсняли его. Гораздо болѣе ограничивала короля несмѣняемость должностныхъ лицъ, которыя отъ него почти не зависѣли.

Должности. Застой въ развитіи государственныхъ формъ Польши ярче всего выступаетъ въ организаціи властей, т. е. именно въ предѣлахъ той области строя, которая въ это время на западѣ, подъ вліяніемъ развивающейся абсолютной монархіи, сильнѣе всего сформировалась. Должности сохранились почти безъ измѣненія до XVIII вѣка въ такой формѣ, въ какой выработались при Ягайлонахъ. Въ принципѣ онѣ удержали свой средневѣковой характеръ. Предписаніе конституціи 1538 г., постановившей, что король можетъ устранить чиновника отъ должности только въ случаѣ преступленія, предвидѣннаго закономъ, обеспечивала неприкосновенность должностныхъ лицъ и ограниченное вліяніе ихъ на ходъ государственныхъ дѣлъ, нерѣдко даже противъ воли короля.

Во главѣ всѣхъ продолжали стоять коронныя и придворныя должности. И въ теченіе этого періода нѣтъ еще такого сильнаго раздѣленія вѣдомствъ, которое отличало бы государственные вопросы отъ лично королевскихъ. Первое мѣсто среди должностей занимали попрежнему министерства, т. е. должности, входящія въ составъ сената, а именно: великій маршалъ, коронный и литовскій, великій казначей, коронный и литовскій и, наконецъ, придворный маршалъ, коронный и литовскій. Кругъ ихъ дѣйствій не измѣнился. Лишь маршалъ расширилъ свою полицейско-карательную власть, распространивъ ее на мѣстопребываніе короля и окрестности, съ цѣлью воздержанія и наказанія всякаго нарушенія порядка. Значеніе его усиливается въ особенности во время сейма. Уже при Сигизмундѣ-Августѣ въ сеймѣ читались такъ называемыя маршалскія статьи, т. е. полицейско-карательныя предписанія, составленныя маршаломъ въ предѣлахъ его власти. Затѣмъ, они читались въ началѣ каждаго сейма и, наконецъ, въ 1678 г., были напечатаны и помѣщены въ конституціяхъ. Маршалъ имѣлъ также постоянную вооруженную подручную охрану.

Власть канцлера также не измѣняется. Возрастаетъ лишь число вопросовъ, подчиненныхъ канцлеру. Вслѣдствіе этого, увеличивается его канцелярія, ведущая книги, канцелярскія и отчасти подканцелярскія (метрики). Канцлеръ въ началѣ этого періода пріобрѣтаетъ постоянное руководство въ ассесорскихъ судахъ. Казначей попрежнему завѣдуетъ казной, но уже, съ 1589 — 1590 г., лишь государственной. Однако, зна-

ченіе его падаетъ вслѣдствіе расширенія финансоваго вѣдомства сеймовъ, путемъ произвольнаго назначенія лица, завѣдывающаго общественными суммами и, наконецъ, вслѣдствіе сильнаго развитія воеводскаго казначейства. Подканцлеръ, попрежнему, замѣщаетъ канцлера. Придворный маршалъ имѣетъ небольшой собственный кругъ дѣйствій. Замѣстителемъ коронаго казначея является не состоящій министромъ придворный казначей, задача котораго съ момента раздѣленія казны (1589 — 1590 г.) состоитъ въ управленіи казной короля.

Затѣмъ, шли равные министрамъ по вліянію и значенію и даже болѣе могущественные гетманы, которыхъ собственно не причисляли ни къ короннымъ, ни къ придворнымъ должностнымъ лицамъ. Окончательно должности гетмановъ сформировались только въ началѣ этой эпохи. Послѣ Сигизмунда-Августа, по причинѣ смерти, не стало обоихъ гетмановъ. Нѣкоторыя области: Велико-Польша, Мало-Польша и Русь избрали себѣ тотчасъ же временныхъ гетмановъ, власть которыхъ прекратилась въ моментъ вступленія на престолъ Баторія. Баторій установилъ первоначально гетмана лишь для одного похода, но уже въ 1581 г. назначилъ пожизненно, и съ этихъ поръ цѣпь великихъ гетмановъ тянется непрерывно. Должность полевого гетмана была восстановлена лишь нѣсколько лѣтъ спустя — Сигизмундомъ III. При немъ же исчезъ окончательно особый предводитель придворныхъ ротъ, называемый придворнымъ гетманомъ. Въ рукахъ гетмановъ находилось командованіе вооруженной силой страны; полевой гетманъ былъ замѣстителемъ вели-

каго. Въ Литвѣ перерыва въ должности гетмана не было. Въ случаѣ отсутствія гетмановъ король назначалъ временныхъ замѣстителей, называемыхъ въ XVII в. «региментаріями».

Среди прочихъ коронныхъ и придворныхъ — всегда особыхъ коронныхъ и литовскихъ — должностей большое значеніе имѣли: великій секретарь, занимающій нерѣдко мѣсто канцлера — всегда духовное лицо; «референдаріи (съ 1507 г.), принимавшіе участіе въ королевскихъ судахъ, въ качествѣ докладчиковъ, позднѣе и какъ самостоятельные суды въ дѣлахъ королевскихъ крестьянъ; изъ военныхъ: полевой писарь, великій стражникъ, великій обозничій, генералы артиллеріи, установленные съ 1637 г. Почетное значеніе имѣли: подкоморій, хорунжій, мечникъ, конюшій, кухмистеръ, чашникъ, кравчій, стольникъ и т. д.

Изъ земскихъ должностей высокое значеніе удержали воеводы и кастеляны, хотя области вѣдѣнія ихъ попрежнему были незначительны. На прежнемъ положеніи остаются также подкоморья суды, подсудки, войскіе; безъ всякихъ собственно обязанностей: стольники, чашники, мечники и т. д. — Все это были отжившіе остатки предыдущей эпохи. Кромѣ того, въ теченіе этого періода возникаютъ новыя должности: появляется новый воевода и одинъ кастелянъ — Черниковскіе (съ 1635 г., когда земля эта досталась Польшѣ отъ Москвы), кромѣ инфлянтскихъ воеводъ и кастеляновъ, о которыхъ была рѣчь раньше, но, сверхъ того, сеймовыя конституціи, въ особенности начиная съ XVII вѣка, создаютъ цѣлый рядъ низшихъ должностей, размѣщая ихъ по уѣздамъ, такъ, что въ концѣ

этой эпохи почти каждый уѣздъ имѣеть свое чиновначаліе — прежде всего: судью, подсудка, стольника, и другихъ второстепенныхъ чиновниковъ. Но все это были почти исключительно почетныя должности. Органомъ собственно королевской власти въ воеводствахъ и областяхъ остались старосты. Въ теченіе этого періода они, правда, теряютъ значеніе «королевскаго плеча», какое имѣли раньше. Они не могли и не сумѣли превратиться въ органы администраціи: наоборотъ, выходя изъ дворянской среды и защищая ея интересы, они постепенно приняли характеръ должностей какъ бы земскихъ, такъ что конституція 1611 г., устанавливая очередной порядокъ земскихъ должностей, включила въ нихъ и старость, сейчасъ послѣ подкоморьихъ. Среди ихъ дѣйствій, извѣстнымъ значеніемъ пользовалась лишь судебная дѣятельность, которую, впрочемъ, старосты передавали всецѣло подвластнымъ имъ подстаростамъ, судьямъ, городскимъ писарямъ, канцелярнымъ нотаріусамъ и пр. Въ области же администраціи они, собственно говоря, ограничивались объявленіемъ королевскихъ универсаловъ и исполненіемъ полицейской власти въ узкихъ предѣлахъ. Администраціей, говоря о финансовомъ и военномъ вѣдомствѣ, занимались сеймики, начиная уже по крайней мѣрѣ съ XVII вѣка. Понятіе администраціи въ болѣе широкомъ смыслѣ слова осталось почти совершенно чуждымъ. Польстѣ до конца этого періода, и даже дольше. Что касается замѣщенія должностей, то въ этой области удержались прежнія предписанія. Также существовало еще положеніе о *incompatibilitas*, обостренное Саксонскою

династіей настолько, что одной семьѣ нельзя было держать въ своихъ рукахъ двухъ министерствъ. Должности сохранили отчасти земельные надѣлы, отчасти же вмѣсто такого вознагражденія король давалъ своимъ чиновникамъ негородскія староства (тенуты). Въ исключительныхъ случаяхъ нѣкоторыя должности сопровождались денежнымъ жалованьемъ.

Въ началѣ этого періода окончательно **Казначейство.** совершилось раздѣленіе казны на двѣ части. Одна часть доходовъ была ассигнована въ пользу короля, другая — въ пользу государства. Совершился этотъ раздѣлъ сеймомъ 1589 и 1590 гг. Королю предназначалась часть имѣній, называемыхъ съ этихъ поръ «экономіями»: солянныя копи, доходы съ рудниковъ, нѣкоторыя таможенныя пошлины, подати съ подводъ и, наконецъ, доходы съ монетнаго двора. Отъ послѣдняго дохода отказался Сигизмундъ III въ 1632 году. За государственной казной осталась вторая часть имѣній — староства и тенуты («королевщина»), идущія преимущественно на вознагражденіе чиновниковъ, отчасти же раздаваемые пожизненно, какъ *panis bene merentium* — хлѣбъ хорошо заслуженныхъ; какъ съ однихъ, такъ и съ другихъ платили въ теченіе этой эпохи уже только «четверть» (по оцѣнкѣ — 1/5 часть доходовъ), поступавшую въ равскую казну. Это былъ основной постоянный источникъ государственныхъ доходовъ. Второй составляютъ таможенныя пошлины, которыя при раздѣленіи казны отчасти достались государству. Пошлины въ теченіе этого періода то поднимаются, то падаютъ, тѣмъ же

менѣе сохраняютъ прежнюю черту перевозныхъ пошлинъ (какъ отъ вызова, такъ и отъ привоза), спеціально казенныхъ. Съ 1649 г. появился новый источникъ постоянного дохода. До сихъ поръ королевскія и духовныя владѣнія были обязаны давать войскамъ Рѣчи Посполитой квартиру, «станцію», въ особенности зимой. Въ 1649 г. обязанность эта была замѣнена налогомъ, зависимымъ отъ количества лановъ и называемымъ — податью военной зимней квартиры (зимній хлѣбъ) или «гиберной». Духовенство, однако, возносило ее въ видѣ извѣстной гуртовой суммы. Источникомъ постоянного дохода являются также поголовныя подати, христіанскія и еврейскія, а также *subsidium charitativum* духовенства, но это лишь съ 1717 г. (см. ниже). Прочіе доходы, непостоянные состояли изъ податей, устанавливаемыхъ сеймомъ въ случаѣ потребности на одинъ разъ, обыкновенно черезъ нѣсколько лѣтъ. Главною изъ такихъ податей является попрежнему лановый сборъ, взыскиваемый съ пахотной земли, отчасти также съ сельскихъ предприятий, но въ теченіе этого періода нѣсколько увеличенный. Уже при Стефанѣ Баторіи утверждается, какъ норма сбора — 30 грошей съ лана. Такой сборъ принимается за единицу и носитъ названіе «симпли». Въ случаѣ нужды налагали двойной сборъ («душлю»), тройной (триплю) и т. д., даже до 50-кратнаго увеличенія. Платятъ этотъ налогъ исключительно крестьянскіе ланы; дворянинъ отъ него свободенъ, развѣ самъ воздѣлываетъ землю (какъ сельскій шляхтичъ). Собирается такая подать по спискамъ, или тарифамъ. Списки, составленные, долго служили основой сбора,

иногда въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ (тарифы этого періода относятся къ 1578—1629, 1661 и 1662 г.г.) Иногда устанавливался «сборъ съ отреченіемъ», т. е. позволяли подъ присягой утверждать, что уменьшилось число лановъ. Это случается особенно часто послѣ шведскихъ войнъ. Но тогда увеличивали сумму налога. Съ 1629 г., вмѣсто этого сбора, взимался «подымный», представляющій изъ себя видоизмѣненіе перваго; разница состояла въ томъ, что сборъ взыскивался не съ лановъ, а съ «дымовъ» (дворовъ). И этотъ налогъ распредѣлялся по спискамъ (1629, 1661—2 и 1681—2 г.г.). Въ первое время подымный сборъ вытѣснилъ сборъ лановый, но затѣмъ онъ опять возстанавливается. Съ ланнымъ сборомъ соединяется «шось» — городская подать, и съ нимъ вмѣстѣ исчезаетъ, уступая мѣсто подымному налогу. На евреевъ налагалась «поголовная» подать, часто въ общей суммѣ, которую въ послѣдствіи евреи произвольно распредѣляли между собой. Удерживается также и питейный сборъ, какъ косвенная подать отъ питейнаго и съѣстнаго. Съ половины XVII-го вѣка питейная пошлина переходитъ къ сеймикамъ. Во второй половинѣ XVII вѣка появляется акцизъ, устанавливаемый лишь нѣсколько разъ (1658, 1659, 1673 г.г.), какъ подать отъ оборота (драгоцѣнностями, хлѣбомъ, шкурами и пр.), акцизъ былъ дополненъ «шележнымъ» налогомъ, который и есть, собственно говоря, древній питейный сборъ. Шележный налогъ удержался до 1717 г.—Въ XVI вѣкѣ одинъ разъ только появляется общая поголовная подать: ее платятъ также дворяне и духовенство, по опредѣленной таксѣ (1590 г.). Но вскорѣ

подать эта была отмѣнена. Ее устанавливаютъ вновь неоднократно: въ 1662 г. и наконецъ въ 1771 г. она становится постоянной податью, подъ названіемъ *subsidium charitativum* отъ дворянства; слова «поголовное» избѣгали, какъ обиднаго для дворянина. Въ исключительныхъ случаяхъ появляются еще другія подати: пошлина отъ бойни (1605 г.) и мельничная (1710) отъ мельничныхъ колесъ. Духовенство по прежнему платитъ оптовья суммы, какъ *subsidium charitativum*. Распредѣленіе этой суммы было вопросомъ внутренней политики духовенства.

Начиная съ XVII-го вѣка, сеймики берутъ въ свои руки государственныя подати, а именно питейныя, и создаютъ цѣлый рядъ новыхъ; первымъ толчкомъ по этому пути послужили такъ называемыя деклараціи, предъявляемыя въ сеймѣ, въ которыхъ сеймики обязывались взнести извѣстную податную сумму, вычисленную сообразно со сборомъ, или поголовнымъ налогомъ. Теперь они имѣли право покрыть обѣщанную сумму произвольно изъ какихъ угодно источниковъ.

Итакъ, возникаетъ цѣлая система воеводскихъ налоговъ, какъ-то: различные виды питейнаго (гвоздочные *ultimi consumentis*), поголовные недворянскіе, личные (видъ поголовныхъ), овчарный, (отъ овецъ), мельничные (отъ мельницъ), плуговые, наемные, ремесленные и пр. Образуется особая воеводская казна, завѣдываніе которой находится въ рукахъ сеймика. Сеймикъ черпаетъ изъ казны средства на свои личные расходы, суточное жалованіе сеймовыхъ пословъ, жертвы въ пользу церквей и пр.

Реформа была проведена въ 1717 г. Воеводской казнѣ предоставили питейный и шележный налоги, для покрытія воеводскихъ расходовъ. Что касается государственныхъ податей, то онѣ были точно опредѣлены, равнымъ образомъ какъ и расходы (родъ бюджета). Изъ податей постоянно поступаютъ въ государственную казну: поголовныя, христіанскія и еврейскія, *subsidium charitativum* отъ духовенства и военная квартирная подать, идущая главнымъ образомъ на содержаніе войскъ. Послѣднія могли получать должныя суммы прямо изъ воеводствъ, по квитанціямъ. Что касается доходовъ государственной казны послѣ 1717 г. до конца періода, то они остаются въ бывшихъ своихъ предѣлахъ, такъ какъ ни одинъ сеймъ при саксонской династіи больше податей не устанавливалъ.

Управленіе королевской казны принадлежало съ 1589—1590 года придворному казначею. При саксонской династіи была учреждена особая казначейская палата, находящаяся исключительно во власти казначея. Государственная казна распалась на равскую и собственно-государственную, подъ властью коронаго казначея. Строй этотъ удержался. Изъ казенныхъ доходовъ покрывались издержки на войска, на жалованіе чиновниковъ, если они вообще получали жалованіе, расходы на посольства и на содержаніе иностранныхъ посольствъ и т. д. Но уже съ 1578 г., наряду съ казначеемъ, появляются избираемые сеймомъ или сеймиками завѣдующіе, задача которыхъ состояла въ расходованіи податей. Какъ выше сказано, въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ воеводства начи-

нають удерживать деньги въ своей казнѣ и самостоятельно ими распоряжаться. Контроль надъ сеймикомъ, а въ особенности надъ расходованіемъ воеводскихъ суммъ производитъ сеймъ, съ 1613 г. для этого назначалась особая комиссія, называемая отъ сборнаго мѣста «радомскимъ судилищемъ» (казначейскимъ). Начиная съ половины XVII в. контроль производится особыми казенными комиссіями (палаты, суды). Онѣ были уничтожены въ 1717 г., вслѣдствіе тогдашней реформы воеводскаго казначейства, но появляются еще не разъ впослѣдствіи, хотя и подъ другими названіями.

Суды. Какъ суды первой инстанціи для дворянъ удержались земскіе, городскіе и подкоморскіе суды. Вѣдѣніе ихъ почти не измѣнилось. Земскіе суды, въ особенности съ половины XVII в., дѣйствуютъ очень неправильно; въ нѣкоторыхъ воеводствахъ даже не собираются по цѣлымъ ста годамъ. Вслѣдствіе этого расширилось вѣдомство городскихъ судовъ, насколько они могли замѣнить земскіе—главнымъ образомъ въ вопросахъ неспорныхъ. Зато весьма важныя преобразованія были произведены въ области высшихъ судовъ. Уже во время двухъ первыхъ безкоролевій, чтобы заполнить пробѣлы, а главнымъ образомъ замѣнить отсутствующія королевскія судилища, были учреждены по воеводствамъ воеводскіе суды, въ родѣ апелляціонныхъ высшей инстанціи— по образцу судовъ 1563 года. Но это было лишь временное средство. Зло было устранено въ 1578 г., когда возникъ «коронный трибуналъ», засѣдавшій пооче-

редно въ Петроковѣ и въ Люблинѣ, какъ высшее судилище. Для русскихъ воеводствъ, руководящихся II литовскимъ статутомъ, былъ учрежденъ особый «луцкій трибуналъ», которому, впрочемъ, не пришлось начинать даже своей дѣятельности: въ 1589 и 1590 г. воеводства эти примкнули къ коронному трибуналу. Въ 1589 г. къ нему присоединилась и Пруссія. Литва имѣла свой собственный трибуналъ, организованный по образцу короннаго въ 1581 г., со създами попеременно въ Новогродѣ (или Минскѣ) и въ Вильнѣ. Въ составъ этихъ трибуналовъ входили депутаты, избираемые ежегодно воеводствами и областями по одному, или по два, посредствомъ особыхъ сеймиковъ, называемыхъ депутатскими. Кромѣ того, къ трибуналу принадлежали духовныя лица, избираемыя нѣкоторыми капитулами. Но они обсуждали только тѣ дѣла, въ которыхъ одною изъ сторонъ былъ членъ духовенства,—тогда они засѣдали въ числѣ равномъ числу свѣтскихъ депутатовъ. Трибуналъ являлся прежде всего судомъ апелляціоннымъ для низшихъ судовъ. А такъ какъ въ трибуналъ можно было подавать апелляціи прямо на суды земскіе и городскіе безъ обязательнаго посредничества вѣчей, вслѣдствіе этого вѣча, хотя теоретически не уничтоженныя, сразу исчезаютъ, какъ лишнія. Дѣла второй инстанціи рѣшаются трибуналомъ окончательно; лишь споры духовныхъ лицъ, въ случаѣ недостатка большинства голосовъ въ трибуналѣ (*paritas votorum*) отсылаются въ сеймъ. Но въ то же время въ нѣкоторыхъ случаяхъ трибуналъ разрѣшалъ вопросъ, какъ судъ I инстанціи, напр., въ дѣлахъ противъ старостъ и городскихъ

чиновниковъ о нарушеніи или упущеніи своихъ обязанностей при отправленіи правосудія. Литовскій трибуналъ гораздо чаще рѣшалъ дѣла I инстанціи (главнымъ образомъ относительно религіозныхъ вопросовъ). Трибуналы руководились письменными и обычными законами; въ случаѣ неясности закона, дѣло отсылалось въ сеймъ.

Учрежденіемъ короннаго трибунала была удовлетворена чрезвычайно важная нужда. Коронный трибуналъ, наряду съ земскими и гродскими судами, составляетъ коренную основу, на которой отнынѣ держится отправленіе правосудія въ Польшѣ. Теперь для сеймовыхъ судовъ осталось весьма немного вопросовъ: дѣла общественнаго права (*causae iuris communis*), собственно уголовныя дѣла (*causae mere criminales*) и наконецъ нѣкоторыя финансовыя дѣла. Въ составъ этого суда, кромѣ короля, входитъ сенатъ; но уже начиная съ 1578 г. въ нѣкоторыхъ случаяхъ засѣдаютъ и послы. Съ теченіемъ времени они вообще начинаютъ принимать участіе въ правосудіи сейма. Изъ собственно королевскаго возникъ понемногу ассесорскій судъ, предсѣдательство въ которомъ досталось въ руки канцлеровъ. Относительно дворянства судъ этотъ рѣшалъ лишь нѣкоторыя финансовыя дѣла (менѣе важныя). Рядомъ съ канцлерами засѣдаютъ въ сеймовыхъ судахъ секретари, референдаріи и писаря, а также сенаторы. Король лично является въ судъ только для рѣшенія апелляціонныхъ споровъ Курляндіи. Тогда суды эти носятъ названіе реляціонныхъ. Затѣмъ, въ концѣ XVI в. изъ ассесорскихъ судовъ исключили дѣла королевскихъ крестьянъ противъ старостъ изъ-за притѣсненій, по-

ручивъ ихъ рѣшеніе полной власти референдаріевъ. Это такъ называемые референдарскіе суды. Маршальскіе суды дѣйствовали въ мѣстопробываніи короля, касаясь лишь нарушенія общественнаго спокойствія. Судьей являлся самъ маршалъ съ назначенными имъ произвольно ассесорами.

Во время межкоролевія, однако, всѣ суды прекращали судопроизводство, такъ какъ послѣднее исполнялось отъ имени королевской власти, а ея не было. Правило это было съ теченіемъ времени смягчено настолько, что во время безкоролевья въ гродскія книги вносились рѣшенія неспорныхъ вопросовъ; но никакія спорныя дѣла не принимались въ судъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы удержать въ странѣ безопасность, оказалось неизбѣжнымъ создать на это время какую-нибудь судебную власть. Такой властью являются учрежденные въ теченіе перваго безкоролевья временные суды—«каптуры» (отъ латинскаго a *libera captura*). Приговоры этихъ судовъ основывались на высшей власти, принадлежащей каптурамъ, какъ конфедераціямъ. Составъ ихъ зависѣлъ отъ рѣшенія каптура. При первыхъ безкоролевіяхъ суды эти состояли изъ старосты и избранныхъ сеймикомъ судей. Впослѣдствіи, однако, временные суды образовались изъ спеціально избираемыхъ судей, такъ называемыхъ каптуровыхъ, которымъ придавали земскій судъ (судью, подсудка и писаря) для веденія процедуры. Число каптуровыхъ судей разнообразно въ различныхъ воеводствахъ, оно постепенно возрастаетъ, хотя не повсюду, и достигаетъ иногда сотни лицъ. Каптуровые суды рѣшаютъ, главнымъ образомъ, вопросы,

касающіеся нарушенія безопасности во время безкорольвья; въ исключительныхъ случаяхъ имъ поручаютъ другія дѣла, принимая во вниманіе потребность скорѣйшаго ихъ рѣшенія (крестьянскіе вопросы). Такіе суды, возникающіе по отдѣльнымъ воеводствамъ и областямъ, дополнялись генеральнымъ каптуровымъ судомъ, назначаемымъ во время выборовъ для обезпеченія спокойствія и безопасности въ сеймѣ. Вѣдомство этого суда не отличалось почти отъ обыкновенныхъ каптуровыхъ воеводскихъ судовъ. Каптуровыхъ судей избиралъ сеймъ.

Во второй половинѣ XVII вѣка появляются неизвѣстные раньше конфедераціонные суды. Конфедераціи стали предъявлять притязанія на верховную судебную власть, что во всей странѣ привело на практикѣ конфедерація 1673 г. Обыкновенные суды прекратились; дѣйствовать стали исключительно конфедераціонные суды, возникающіе по воеводствамъ какъ бы по образцу каптуровыхъ, но съ нѣсколько болѣе широкимъ вѣдомствомъ. Однако, позднѣйшія конфедераціи судовъ этихъ, кажется, не возстановляли.

Судопроизводство въ городахъ и селахъ осталось въ бывшихъ своихъ предѣлахъ. Въ городахъ судятъ попрежнему: скамья старшинъ, отчасти совѣтъ—дума. Но ленные и высшіе суды уже въ началѣ этого періода исчезли, за исключеніемъ суда высшаго германскаго права въ Краковскомъ дворцѣ и суда шести городовъ. Послѣдній пересталъ существовать въ началѣ XVIII вѣка, первый просуществовалъ и эту эпоху, хотя рѣшаетъ все меньшее и меньшее количество споровъ и вскорѣ ограничивается рѣшеніемъ

апелляцій на городскія судилища Краковской области. Въ частныхъ и въ мелкихъ королевскихъ городкахъ апелляціонными судами въ полномъ смыслѣ слова стали суды городовладѣльцевъ, отчасти старость. Болѣе крупные королевскіе города съумѣли удержать большую независимость, вносили апелляціи прямо въ ассесорскіе суды, и рѣшеніе послѣднихъ является въ теченіе этого періода главной задачей ассесорскаго суда. По деревнямъ господствовало по-прежнему, какъ основа судопроизводства, германское право, на которомъ эти деревни и были колонизированы; но право это превратилось уже въ характерное обычное польское право, удержавшее лишь нѣкоторые слѣды германскаго. Судъ старшинъ потерялъ значеніе, солтысъ уже не наслѣдственный, но назначаемый владѣльцемъ, отстаивалъ интересы послѣдняго, — апелляціи отправлялись къ хозяину деревни, словомъ, суды эти пріобрѣтаютъ характеръ патримоніальныхъ судовъ. Просто патримоніальными являются суды въ деревняхъ, неколонизированныхъ предварительно. Въ церковныхъ и монастырскихъ помѣстьяхъ до половины XVII в. удерживается право крестьянина обращаться къ епископскому суду. Въ королевскихъ деревняхъ крестьяне могли подавать жалобы на старосту и арендаторовъ въ референдарскій судъ.

Еврейскія судилища удержались въ той формѣ, какая выработалась раньше: въ спорахъ между евреями — суды даяновъ; въ дѣлахъ христіанъ противъ евреевъ — воеводскіе суды, состоящіе изъ подвоеводьяго, судьи и писаря. Апелляціи подавались воеводѣ.

Въ принципѣ обязательно, попережнему,
 Войско. «посполитое рушеніе»—всеобщее ополченіе.

Повторяются еще постановленія о вознагражденіи за участіе въ походахъ за границу государства. Сеймъ 1621 г. составилъ подробный уставъ всеобщаго ополченія, на который впослѣдствіи нерѣдко ссылались. Въ теченіе этой эпохи ополченіе было создано лишь нѣсколько разъ,—оно почти совершенно потеряло значеніе, конституціи упоминаютъ часто и о явкѣ, но она немного оказывала пользы и вскорѣ исчезла (въ половинѣ XVII столѣтія), такъ какъ въ ней больше не нуждались. Вся тяжесть падаетъ отнынѣ на рекрутскія войска. Основой ихъ является четвертное войско. Въ случаѣ потребности собирается больше войскъ, такъ какъ количество рекрутскихъ было сравнительно весьма невелико. Наборъ войскъ производится такимъ образомъ: король даетъ ротмистру «позывную грамоту», а онъ въ силу этой грамоты старается набрать побольше людей. Начальная команда принадлежала гетманамъ.

Въ началѣ этого періода пытались еще инымъ путемъ увеличить вооруженную силу, именно посредствомъ установленія такъ называемой ланной пѣхоты и включенія въ польскія войска казаковъ. Пѣхоту новобранцевъ создаетъ сеймъ 1578 г., рѣшая, что изъ городовъ и деревень должны отправляться на войну пѣшіе, по количеству лановъ. Конституція 1590 г. опредѣлила точнѣе, что изъ 20 лановъ обязанъ идти одинъ новобранецъ. Полки эти назывались лановыми. Новобранецъ освобождался отъ всякихъ налоговъ, которые въ свою очередь распредѣлялись на осталь-

ныхъ владѣльцевъ двадцати лановъ. Неблагодарное отношеніе старость и тенутаріевъ къ такой системѣ погубило это хорошее учрежденіе. Уже въ 1649 г. было постановлено, что вмѣсто рекрута староста будетъ платить опредѣленную сумму (кромѣ кварты)—впослѣдствіи еще повышенную. Такъ возникла новая небольшая «лановая» подать, уплачиваемая вмѣстѣ съ квартирой (четвертью), а новобранная пѣхота исчезла.

Организація казаковъ относится къ раннему времени, когда Запорожье принадлежало еще Литвѣ. Въ Запорожскую Сѣчь стекались безпокойные элементы, любители приключеній, часто польскіе бѣглецы,—отличный военный матеріалъ, привыкшій къ войнѣ. Уже въ 1528 г. Сигизмундъ I приказалъ образовать изъ казаковъ постоянный отрядъ, какъ пограничную стражу на Днѣпрѣ. Этотъ приказъ остался неисполненнымъ, равнымъ образомъ какъ и порученіе 1541 г. составить списокъ кievскихъ казаковъ. Только послѣ присоединенія этихъ областей къ Польшѣ Сигизмундъ-Августъ провелъ извѣстную организацію казаковъ; въ 1572 г. болѣе надежные получили королевское жалованіе, всѣхъ же вообще подчинили не власти старосты, но суду «старшины». На этихъ правахъ основывалось «постановленіе изъ Нижовцы», изданное Баторіемъ въ 1578 г. Король обѣщалъ жалованіе сперва 500 казакамъ, затѣмъ только 300. Во главѣ казаковъ стоялъ избранный ими гетманъ, котораго Баторій подчинилъ начальству черкаскаго старосты. Въ 1583 г. Баторій перемѣнилъ свой приказъ, включивъ въ королевскія войска 600 казаковъ. Съ этого момента казаки раздѣляются на вознаграждае-

мыхъ государствомъ и другихъ—безъ жалованія. Отсюда первыхъ звали «реестровыми». Казаками внимательно занимаются конституціи, въ особенности съ 1590 г.—«порядокъ въ странѣ Нижовцевъ». Когда, однако, стали ограничивать свободу казаковъ, начались столкновенія, окончившіяся много времени спустя отпаденіемъ значительной части казаковъ къ Москвѣ. Не помогъ—неисполненный впрочемъ,—годзяцкій договоръ 1658 г., признающій за казаками большія права. Лишь часть казаковъ осталась за Польшей подъ начальствомъ особаго гетмана—атамана. Въ 1699 г. казачество было окончательно устранено.

Итакъ, собственно, только рекрутскія войска составляли въ теченіе всего IV періода основу вооруженной силы Польши. Количество ихъ было непостоянно, зависѣло отъ потребности, отъ размѣра податей, предназначенныхъ въ пользу войска. Нерѣдко войско, неоплаченное по недостатку денегъ, соединялось въ оппозиціонныя конфедераціи съ цѣлью вытребовать жалованіе. Въ половинѣ XVII в. развитіе сеймовъ доводитъ до того, что они самосостоятельно набираютъ солдатъ, назначаютъ ротмистровъ и выдаютъ имъ позывныя грамоты. Это—уѣздные солдаты. Вопросъ объ окладѣ рѣшенъ окончательно лишь въ 1717 г. предоставленіемъ войскамъ постоянныхъ податей, которыя солдаты сами собирали по квитанціямъ. Подъ вліяніемъ иностранныхъ державъ число войскъ было ограничено въ Польшѣ: конституціей 1717 г. до 24,000 (т. е. 16,000 для короны и 8,000 для Литвы). Но и этого числа вооруженная сила государства въ концѣ этой эпохи не достигала.

ПЯТЫЙ ПЕРІОДЪ.

Характеристи- на. Реформы. Формы, въ которыхъ могли жить и развиваться общество и государство, истощились. Требовались реформы; нужны были преобразованія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Слѣдовало разбить окаменѣвшія сословныя узы, стѣсняющія свободное развитіе общества, надо было переустроить государство, сохранявшее еще въ принципѣ всѣ черты среднихъ вѣковъ. Реформы начинаются уже во время послѣдняго безкоролевья, послѣ смерти Августа III. Но пока онѣ не истекаютъ изъ самого общества—ихъ навязываетъ одна только партія, недостаточно сильная для того, чтобы исполнить столь трудную задачу. Результаты получились незначительные. Для успѣшнаго проведенія реформъ необходимо было приготовить для нихъ болѣе удобную почву, заставить общество почувствовать потребность въ этихъ реформахъ. Роль эту играетъ просвѣщеніе. Умственные теченія все сильнѣе и глубже проникаютъ въ застывшее и сонливое польское общество. Въ борьбу съ устарѣлыми понятіями вступаетъ нравоучительное

стремленіе, имѣющее своего духовнаго родоначальника уже въ Скаргѣ и поддерживаемое въ эту эпоху какъ воззрѣніями современной философіи, такъ и новымъ экономическимъ направленіемъ—фізіократизмомъ.

Теченіе это стремилось къ усовершенствованію общества, подрывало старыя понятія о необходимости раздѣленія на замкнутые и сильно другъ отъ друга отрѣзанные слои, поднимало значеніе труда. Рядомъ съ этимъ теченіемъ шло другое, имѣвшее уже цѣлью непосредственное практическое переустройство государства. Послѣднее беретъ свое начало въ произведеніяхъ польскихъ политиковъ: Карвицкаго, Лещинскаго, Конарскаго, во главѣ прочихъ дѣятелей XVIII вѣка. Съ этимъ теченіемъ соединяется и поддерживаетъ его реалистическое движеніе, идущее изъ Германіи и распредѣляющее выработанное тамъ понятіе объ огромномъ значеніи казны и войска для государственнаго могущества. И наконецъ, въ послѣдніе годы этого періода появляются два великихъ автора, обнимающіе умомъ широкіе горизонты, создающіе уже всестороннюю программу возрожденія Польши: это—Сташицъ и Коллонтай. Постепенно развивается политическая и публицистическая литература, врывается въ понятія общества, зажигаетъ новыя воззрѣнія, новыя идеи, новые принципы.

Но не вдругъ новыя мысли нашли себѣ
Основные за- выраженіе въ предписаніяхъ закона, какъ и
коны. не сразу пріобрѣли господство надъ умами.
 Новыя и старыя понятія сталкиваются, существуютъ
 одни на ряду съ другими. То же наблюдается и въ

законахъ. Ярче всего бросаются въ глаза всѣ эти противорѣчія въ такъ называемыхъ «фундаментальныхъ» или «основныхъ законахъ», появившихся въ теченіе этого періода. Подъ основными законами слѣдуетъ понимать коренныя, главныя основы строя, которыхъ нельзя было нарушать или измѣнять, развѣ при исключительныхъ, точно заранѣе опредѣленныхъ обстоятельствахъ. Впервые законы эти, признанные ненарушимыми, были приняты трактатомъ съ Россіей, и включены въ конституцію сейма 1768 г.; дополнены же они были трактатомъ о раздѣлѣ съ Россіей, подтвержденнымъ конституціей 1775 г. Въ этихъ основныхъ законахъ были сведены всѣ основы анархіи, всѣ отжившія учрежденія, мѣшавшія свободному развитію Польши: выборъ, *liberum veto*, господство дворянства, зависимость крестьянина и пр. Прямо противоположный характеръ носятъ «основныя законы», выработанные нѣсколько разъ четырехлѣтнимъ сеймовъ. Въ концѣ 1789 г. сеймъ установилъ «основы усовершенствованія формы правленія». Основы эти, значеніе которыхъ было чисто теоретическое, должны были создать фундаментъ къ предстоящему труду надъ преобразованиемъ государственнаго строя. Въ 1790 г. сеймъ составляетъ «ненарушимые законы», внесенные въ гродскія книги лишь въ началѣ 1791 г. Но пока ихъ довели до конца, появился новый «правительственный уставъ», утвержденный 3 мая 1791 г. и извѣстный подъ названіемъ «конституціи третьяго мая».

Уставъ этотъ даетъ эскизъ общественнаго и государственнаго строя съ его органами, преобразовать которые могъ лишь, 25 лѣтъ спустя, специальный

«конституційний екстраординарний сеймъ», созданный для пересмотра этихъ узаконеній. Въ составъ «правительственнаго устава» входили предварительно установленныя положенія: о сеймикахъ (24 марта 1791 г.) и о городахъ (18 апрѣля 1791 г.). Эти основныя законы, а главнымъ образомъ конституція 3 мая, носятъ характеръ реформы, видоизмѣняютъ уже не только отдѣльныя области строя, но и весь строй во всѣхъ направленіяхъ. Хотя конституція 3 мая не порываетъ всѣхъ связей съ прошлымъ, старается, насколько возможно, поддержать съ нимъ связь главнымъ образомъ во внутреннихъ формахъ, но все-таки, на самомъ дѣлѣ, она производитъ коренную реформу, преобразовываетъ весь средневѣковой строй Польши въ современный. Вотъ характерная черта этой конституціи, и въ этомъ состоитъ ея громадное значеніе въ исторіи правового строя Польши, хотя не всѣ ея постановленія могли войти въ жизнь.

Дворянство. Первая задача реформы общественнаго строя должна была состоять въ ограниченіи дворянскихъ привилегій, въ стремленіи къ уничтоженію безусловнаго превосходства дворянъ. Въ принципѣ, однако, понятіе дворянства удержалось. Въ основныхъ законахъ 1768 г. были подтверждены привилегіи дворянъ, но рѣшено было, что лишь единогласное рѣшеніе сейма можетъ дать право дворянства. Въ 1775 г. появилось новое правило, что нобилитацію и индигенатъ можно получить лишь пріобрѣтая земельное имѣніе и притомъ весьма высокой стоимости. Несмотря, однако, на эти ограниченія, число нобилитацій

быстро возрастаетъ. Дворянство начинаетъ терять свои льготы. И оно теперь обязано платить пошлыны. Въ 1775 г. въ Литвѣ позволили не дворянамъ покупать землю. Въ томъ же году было уничтожено постановленіе о потерѣ дворянства вслѣдствіе поселенія въ городѣ. Не-дворянамъ начинаютъ поручать должности, впрочемъ, первоначально лишь нѣкоторыя (1768 г.). Только постановленія четырехлѣтняго сейма окончательно уничтожили льготы дворянства въ смыслѣ податей, отняли у него исключительность привиллегій. Городскіе законы 1791 г. общають нобилитацію тѣмъ изъ мѣщанъ, которые будутъ принимать участіе въ общественной дѣятельности, въ сеймахъ, комиссіяхъ, вносить извѣстную сумму въ видѣ подати, или же добьются высшихъ чиновъ на военной службѣ. Кромѣ того, мѣщанамъ позволили въ коронѣ покупать земельныя владѣнія,—уничтожая такимъ образомъ исключительную привиллегію дворянства, допустили ихъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ къ санамъ и должностямъ, предоставленнымъ до того спеціально дворянству (патронизація, т. е. замѣщеніе въ судѣ вызванныхъ сторонъ, канцелярскія и военныя должности). Конституція 3 мая, сохраняя въ принципѣ (ст. 2) привиллегіи дворянъ, признаетъ за ними, собственно, лишь почетное первенство, какъ «первыхъ защитниковъ свободы и нынѣшней конституціи».

Относительно католической церкви государство остается на положеніи занимаемомъ имъ въ теченіе вѣковъ. Католическая религія признается господствующей въ Польшѣ, какъ конституціей 1766 г., такъ и основными законами 1768 г. и конституціей 3 мая. Королемъ долженъ быть католикъ, жена его не могла короноваться, не будучи католичкой. Отступничество отъ католической религіи не допускается, считается отступленіемъ отъ вѣры также и по конституціи 3 мая. Но, тѣмъ не менѣе, права церкви въ области свѣтской подвергаются дальнѣйшимъ ограниченіямъ. Законы 1764, 1768, 1776 гг. не допускаютъ даже произвольнаго завѣщанія земли въ пользу церковныхъ учрежденій; ограничиваютъ права постригающихся въ монастырь мужчинъ и женщинъ до $\frac{1}{10}$ принадлежащей имъ доли и уменьшаютъ закладную подать съ духовныхъ имѣній ниже средней нормы—до $3\frac{1}{2}\%$ въ коронѣ и 6% въ Литвѣ. Исключительно ордену Піяровъ было дозволено пріобрѣтеніе опредѣленнаго участка земли, ради заслугъ принесенныхъ піярами¹⁾ въ области воспитанія молодежи. Послѣ уничтоженія ордена Іезуитовъ (1773 г.) государству достались ихъ владѣнія, изъ которыхъ въ 1775 г. былъ извлеченъ капиталъ для школьныхъ цѣлей. Четырехлѣтній сеймъ пошелъ еще дальше: отнялъ у краковскаго епископа его владѣнія, отдавъ ихъ казнѣ, епископу же назначилъ годовой окладъ и намѣревался поступить такимъ образомъ съ остальными епископствами, но постановленіе это не было исполнено.

¹⁾ Піары—отцы благочестивыхъ школъ.

Относительно не католическихъ вѣроисповѣданій государство становится первоначально на точку законныхъ ограниченій и часто противится расширенію правъ не католиковъ, несмотря на напоръ со стороны не католическихъ дворянъ. Подъ такимъ давленіемъ сеймъ 1766 г. поручилъ епископамъ опредѣлить права диссидентовъ относительно религіозныхъ обязанностей. Диссиденты получили нѣкоторыя права, но еще весьма незначительныя. Только трактатъ съ Россіей (въ особой первой грамотѣ), подтвержденный сеймомъ, такъ называемымъ рептиновскимъ, въ 1768 г. произвелъ коренныя измѣненія. Диссиденты были сравнены окончательно съ католиками, какъ протестанты, такъ и дизуніаты. Въ области религіозныхъ вопросовъ была признана полная свобода всѣхъ вѣроисповѣданій, устранены всякія ограниченія въ пользу господствующаго исповѣданія, признана возможность смѣшанныхъ браковъ, причемъ религія дѣтей опредѣлялась въ зависимости отъ религіи родителей (сыновья слѣдовали за отцомъ, дочери за матерью). Исчезли также стѣсненія диссидентовъ въ смыслѣ общественныхъ правъ, исполненія должностей, посольской обязанности и пр. Апелляціи въ спорныхъ вопросахъ, касающихся вѣры, шли на простые суды въ специальный смѣшанный судъ (*iudicium mixtum*), назначаемый королемъ пополамъ изъ католической и диссидентской среды. Однако, это равноправіе почти полное (за исключеніемъ возможности перехода изъ католицизма въ другую религію) длилось недолго. Вопросъ этотъ былъ затронутъ и перерѣшенъ въ раздѣльныхъ трактатахъ, подтвержденныхъ конституціей 1775 г. Диссидентовъ

снова ограничили. Они потеряли право отправлять сенаторскія и министерскія должности, въ польской же палатѣ имъ предоставили лишь три мѣста. Другія должности они удержали. Бракоразводные процессы, отчасти процессы о признаніи брака недѣйствительнымъ, поручались церковному католическому суду, если одна изъ сторонъ была католическая. Отмѣнили «*iudicium mixtum*» (который, впрочемъ, еще не укоренился), передавъ всѣ вопросы, ему подчиненные, ассесорскому суду, въ составъ котораго включили извѣстное число диссидентовъ, равное числу католиковъ. Свобода культа однако удержалась, съ небольшими ограниченіями, имѣющими характеръ чисто полицейскихъ распоряженій.

Четырехлѣтній сеймъ неособенно внимательно занимался вопросомъ правъ вѣроисповѣданій. Конституція 3 мая рѣшаетъ лишь въ принципѣ «всякихъ обрядовъ и вѣроисповѣданій вольность», однако, «согласно съ мѣстнымъ уставомъ». Итакъ, первоначально удержались ограниченія, введенныя въ 1775 г. Положенія, принятыя этой конституціей, находили дополненіе въ особыхъ уставахъ. Но относительно ино-вѣрныхъ правъ такого устава не издали. Лишь позднѣе было постановлено, что сыновья духовныхъ лицъ (не униатовъ) имѣютъ право пользоваться дворянскимъ или мѣщанскимъ происхожденіемъ отца, если же отецъ происходилъ изъ класса подданныхъ, дѣти, тѣмъ не менѣе, остаются свободными (1791 г.). Въ послѣдующемъ году была утверждена внутренняя церковная организація дизуніатовъ, проведенная по приказу сейма съѣздомъ, совѣщавшимся въ Пинскѣ въ 1791 году.

Города. Въ теченіе этого періода болѣе всего, сравнительно, было сдѣлано для возвышенія мѣщанскаго класса. Городами занялся уже соборъ 1764 года, и кромѣ того, до четырехлѣтняго сейма много вниманія мѣщанскому вопросу посвятили конституціи 1768 и 1775 гг. О правахъ, данныхъ въ послѣдствіи мѣщанамъ, упоминалось и раньше, хотя въ 1768 г. мѣщанъ еще не признавали сословіемъ, а въ 1776 г. былъ изданъ для нихъ новый законъ — *lex sumptuaria*. Всѣ эти преобразованія носятъ пока половинный характеръ; къ мѣщанскому классу относятся еще неблагосклонно. Гораздо больше было сдѣлано въ смыслѣ организаціи городовъ: въ 1764 г. соборъ уничтожаетъ юридики, хотя только тѣ, которые опирались на особыя королевскія привиллегіи или конституціи, а также исключеніе изъ-подъ городской власти домовъ, принадлежащихъ дворянству и духовенству. На практикѣ, кажется, конституціи этой безусловно не слѣдовали. Исчезли также въ то же почти время всѣ такъ называемыя *ex officia*, т. е. обязанность снабжать сеймовыхъ пословъ—квартирами и т. д., а въ 1768 г. и *сервиторіаты*, — которые также нарушали городской строй. Тотъ же сеймъ установилъ посылку въ города люстраторовъ, ревизоровъ, съ цѣлью повѣрять городскіе доходы, главнымъ образомъ, отъ виннаго откупа, что устраняло поводъ къ частымъ спорамъ между городами и старостами. Но власть старость, столь нежелательную и вредную для городовъ, сеймъ этотъ подтвердилъ, укрѣпивъ закономъ то, что до того времени вытекало лишь изъ обычая. Удержались также права воеводы

относительно цѣнъ, мѣръ и вѣсовъ. Въ Литвѣ состояніе городовъ было гораздо хуже. Злу пытались противодѣйствовать, устраняя въ 1776 г. магдебургское право, за исключеніемъ 11 самыхъ большихъ городовъ; у городовъ отняли ихъ самоуправленіе, подчинивъ ихъ старостамъ, чего нельзя считать выгоднымъ.

Реформу въ полномъ смыслѣ слова проводить лишь четырехлѣтній сеймъ; городской вопросъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ его задачъ. Городовъ касаются четыре конституціи: двѣ, относящіяся къ 18 апрѣля 1791 г.: «Основы городской реформы», «Наши королевскіе вольные города во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой». «Внутреннее устройство вольныхъ городовъ» 24 и 27 іюня и, наконецъ, «Устройство городскихъ судовъ и ассесорій» 3 октября 1791 г. Уставы эти устраняютъ для городовъ всякія ограниченія, предоставляя имъ полную свободу. Главной чертой этихъ уставовъ является то, что они относятся ко всѣмъ городамъ, и всѣ ихъ одинаково организуютъ, тогда какъ до сихъ поръ каждый городъ основывалъ свое существованіе на особыхъ привилегіяхъ. Но реформа касается только королевскихъ городовъ, которые обладаютъ уже городскими правами (тѣмъ, которые потеряли колонизаціонную привилегію, король даетъ новую) и отчасти такихъ поселеній, которыя считаются въ уставѣ городами, будучи мѣстомъ сбора сеймиковъ, или отъ того, что «придали своему жилищу пристойный видъ города». Частные города могли тоже причисляться къ этимъ городамъ, но лишь съ согласія ихъ владѣльцевъ.

На мѣщанъ этимъ уставомъ было распространено относящееся лишь къ дворянству правило о томъ, что ихъ нельзя заключать въ тюрьму до выясненія ихъ вины (*penitet captivabimus*); право приобрѣтенія земли (сопровождаемое земскою подсудностью) и упоминаемое выше право исполнять высшія должности. Въ предѣлахъ гмины полными правами пользуются владѣльцы—поссессоры, къ которымъ причисляли и иностранцевъ, открывающихъ въ городѣ ремесленные заведенія, или помѣщающихъ въ городской казнѣ извѣстный капиталъ. Домовладѣльцы только имѣютъ право участія въ городскихъ собраніяхъ. Городскими правами могутъ пользоваться и невладѣльцы, но для обѣихъ группъ ведутся отдѣльныя городскія книги. И дворянинъ можетъ получить городскіе права, не теряя дворянства.

Городскія собранія состоятъ въ мелкихъ городахъ изъ всѣхъ домовладѣльцевъ. Въ большихъ собранія эти группируются по кварталамъ, на которые раздѣленъ городъ (окружныя собранія), общее же собраніе состоитъ изъ представителей горожанъ (гминныхъ), избираемыхъ каждый разъ окружными собраніями. Въ собраніи предсѣдательствуетъ директоръ и четыре ассесора, для каждаго собранія специально избираемые. Собранія происходятъ обыкновенно разъ въ два года, передъ сеймомъ и, сверхъ того, въ случаѣ исключительной потребности. Отъ нихъ зависитъ выборъ городскихъ чиновниковъ (судей, депутатовъ въ сеймъ отъ окружныхъ собраній), они получаютъ отчеты отъ депутатовъ и уполномоченныхъ, они наконецъ рѣшаютъ «сборъ» (т. е. де-

нежную подать, или барщину), однако, въ послѣднемъ случаѣ съ предварительнаго разрѣшенія полицейской комиссіи.

Городскія должности раздаются путемъ выборовъ на два года. Во главѣ города стоитъ городская дума-ратуша, состоящая въ меньшихъ городахъ изъ войта, четырехъ членовъ—ратмановъ, и кассира; въ большихъ—изъ президента, вице-президента, ратмановъ (по числу кварталовъ) и кассира, избираемыхъ общимъ собраніемъ. Каждый же кварталъ состоитъ подъ начальствомъ войта. Магистратъ (дума) назначаетъ «писаря» (секретаря) и «синдика» (старшину). Дума является представительницей города, управляетъ городскими учрежденіями, имуществомъ, кассой, является защитницей бѣдныхъ и общей безопасности, и въ узкихъ предѣлахъ отправляетъ судопроизводство (какъ охранительная и дисциплинарная власть). Одновременно съ этимъ, магистратъ поддерживаетъ центральныя власти, отдаетъ имъ отчеты, распредѣляетъ подати и пр. Президентъ, отчасти его замѣститель, предсѣдательствуетъ въ думѣ, подписываетъ акты, командуетъ городскимъ ополченіемъ, а въ случаѣ надобности издаетъ временныя распоряженія. Квартирные войты помогаютъ думѣ и имѣютъ надзоръ за полиціей.

Хотя предписанія относительно городовъ не безупречны, однако уставы эти были весьма полезны, вводя въ городской строй порядокъ и организацію, обезпечивая значительное участіе въ ней населенія; несмотря на то, что автономію городовъ ограничили, отнявъ у нихъ право издавать статуты (вилькири) и

подвергнувъ ихъ сильному контролю постороннихъ центральныхъ властей.

Крестьяне. Гораздо меньше сдѣлано было въ области организаціи крестьянскихъ отношеній, хотя литература больше занималась этимъ вопросомъ, нежели городами. Теоретически требовалось для крѣпостного состоянія обезпечить крестьянъ въ смыслѣ законной защиты, и даже личной свободы, т. е. возможности ухода изъ деревни помимо разрѣшенія хозяина. Что касается отношенія крестьянина къ землѣ, то желали дать ему на нее право, если не собственности, то по крайней мѣрѣ неприкосновенности. Наконецъ, въ области налоговъ и барщины требовалось точное ихъ опредѣленіе, чтобы господинъ имѣнія не могъ произвольно обременять крѣпостныхъ; замѣна барщины оброками, или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе обязанностей, чтобы дать крестьянину, черезчуръ обремененному, возможность экономически оправиться и охотнѣе приняться за трудъ. Реформы проводились или по частнымъ программамъ, или по государственнымъ уставамъ. Дѣятельность отдѣльныхъ лицъ играла важную роль въ этомъ движеніи. Уменьшалась барщина, точнѣе опредѣлялись обязанности, нѣкоторыя замѣнялись налогами, объявлялась нерѣдко нѣкоторая личная свобода. Однако, реформы эти не могли имѣть болѣе высокаго значенія, касаясь сравнительно небольшого числа деревень, да къ тому же исходя изъ власти вельможъ, которыхъ государство стремилось ограничить, преобразования эти могли быть отмѣнены. Немногаго, однако, достигли

новыя положенія: въ этихъ дѣлахъ трудно было воздѣйствовать на общественныя понятія, такъ какъ стремленіе къ реформамъ возбуждало въ землевладѣльцахъ опасенія за ихъ доходы. Еще въ «основныхъ законахъ» 1768 г. была утверждена «цѣльность» (*domini et proprietatis*) владѣльцевъ, а слѣдовательно и власть ихъ надъ крѣпостными. Но все-таки ее нѣсколько ограничили. Конституція 1768 г. рѣшила, что владѣлецъ не имѣетъ права казнить крестьянина; въ случаѣ если послѣдній заслужитъ, по его мнѣнію, такое наказаніе, хозяинъ обязанъ передать его ближайшему городскому суду. Уничтожили также денежный штрафъ за убіеніе крестьянина, замѣнивъ его казнью, даже дворянина. Судамъ предоставили отправленіе правосудія въ случаѣ пораненія крестьянина. Это былъ отчасти прогрессъ, но незначительный, ибо не опредѣлялось, кто долженъ слѣдить за исполненіемъ новыхъ предписаній, и крестьянинъ, попрежнему, не имѣлъ права являться въ судъ безъ своего хозяина. Гораздо дальше пошло судебное уложеніе, обработанное Андреемъ Замойскимъ по порученію сейма 1776 г. Признавая крѣпостное состояніе, уложеніе вводитъ новый классъ свободныхъ людей, осѣдлыхъ на чужой землѣ по контракту, который и опредѣляетъ ихъ обязанности. Свободными являются: второй, четвертый, и всѣ послѣдующіе сыновья крестьянина, также всѣ крѣпостные, въ случаѣ значительныхъ оскорбленій со стороны господина. Свободные имѣютъ право защищаться судомъ. Уложеніе идетъ еще дальше и признаетъ договоры между крѣпостнымъ и владѣльцемъ, позво-

ляя крестьянину въ случаѣ нарушенія договора подавать жалобу на господина въ судъ, подтверждаетъ смертную казнь за убійство крестьянина и разрѣшаетъ судамъ выступать въ такомъ случаѣ съ искомъ во имя закона. Уложеніе это, однако, не было принято сеймомъ 1780 г., именно вслѣдствіе этой статьи о крестьянскомъ вопросѣ.

Четырехлѣтній сеймъ относился къ крестьянству весьма благосклонно, но боялся проводить болѣе широкія реформы. Тѣмъ не менѣе многіе уставы содержатъ множество мелкихъ льготъ. При организаци нѣсколькихъ староствъ, полученныхъ королемъ, позднѣе при продажѣ королевскихъ имѣній, было признано точное опредѣленіе обязанностей крестьянина, чтобы новый частный владѣлецъ не могъ увеличивать ихъ произвольно; пока, обязанности эти въ королевскихъ имѣніяхъ были сравнительно самыя выгодныя. Свободными признавались также тѣ, которые отслужили въ войскѣ двѣ кацитуляціи, т. е. 12 лѣтъ. Важнѣйшее основное значеніе имѣетъ конституція 3 мая, опредѣляющая законное положеніе крестьянина въ 4 статьѣ. Она принимаетъ ихъ подѣ «законное и правительственное покровительство страны», признаетъ силу всякихъ договоровъ, заключаемыхъ крестьянами съ господами, такъ что ни господинъ, ни его наслѣдникъ не въ правѣ отмѣнить его произвольно, постановляетъ, что иностранцы, поселяющіеся въ Польшѣ, какъ, равнымъ образомъ, и бѣглецы, возвращающіеся впоследствии въ Польшу—свободны и могутъ, осѣдая на чужой землѣ, заключать договоры съ владѣльцами, связывающіе равносильно обѣ стороны. Коренныхъ измѣ-

неній уставъ не заключаетъ. Онъ стремится къ постепенной организаціи отношеній пановъ къ крестьянамъ, путемъ отдѣльныхъ добровольныхъ договоровъ. Итакъ, это — какъ бы программа будущаго, а «опека закона», утвержденная уставомъ, имѣетъ лишь теоретическое значеніе до тѣхъ поръ, пока не были установлены власти, исполняющія новыя предписанія, и былъ ближе опредѣленъ родъ этой «опеки».

Евреи. Законное положеніе евреевъ осталось неизмѣннымъ въ продолженіе этой эпохи. Впрочемъ, и этимъ вопросомъ усердно занимались, но теченію, стремившемуся къ реформамъ, къ равноправію евреевъ, къ совершенному уничтоженію ихъ общественной обособленности, противодействуетъ сильная партія, желающая еще больше ограничить евреевъ, еще рѣзче отдѣлить ихъ отъ общества, избавиться отъ нихъ, если возможно. Конституція 1768 г. вноситъ лишь правило о томъ, что евреи въ городахъ, если дѣло касается рода ихъ занятій, должны считаться съ договоромъ, обязательнымъ для города, т. е. отчасти примыкать къ этому договору. Уставъ былъ истолкованъ въ ущербъ евреямъ: стали объявлять, что они не имѣютъ права жить въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ не принадлежатъ къ городскому договору. На этомъ основаніи многіе города избавились отъ евреевъ. Съ цѣлью привлечь евреевъ къ земледѣлію, конституція 1775 г. обѣщаетъ земледѣльцамъ значительныя освобожденія отъ податей, но это не имѣло на практикѣ почти никакого значенія. Четырехлѣтній сеймъ назначилъ даже особую комиссію

для разсмотрѣнія еврейскаго вопроса, но проектъ комиссіи вообще не былъ подвергнутъ обсужденію и вопросъ этотъ былъ отчасти рѣшенъ резолюціей полицейской комиссіи 1792 г., изданной вслѣдствіе прошенія евреевъ. Къ нимъ стали примѣнять принципъ *neminem captivabimus* — какъ общеобязательный, позволили имъ держать христіанскую прислугу и защищали отъ произвольнаго повышенія податей, налагаемыхъ на евреевъ. Но просьбѣ евреевъ о подчиненіи ихъ земскимъ судамъ, или суду гражданско-военному, отказали.

Итакъ, еврейскій вопросъ остался пока неразрѣшеннымъ; прежнія предписанія продолжали дѣйствовать.

Въ теченіе этого періода Польша, какъ Строй государства. держава, попадаетъ въ извѣстнаго рода зависимость отъ другихъ государствъ, въ формѣ такъ называемой «гарантіи». Впервые понятіе это появляется въ трактатахъ съ Россіей, подтвержденныхъ сеймомъ 1768 г. Трактатъ опредѣляетъ «основные законы», способъ голосованія въ сеймахъ, права диссидентовъ,—такъ что всякое измѣненіе въ этой области требовало особаго согласія Россіи. Пришелъ первый раздѣлъ. Польша лишилась въ пользу Пруссіи—Кролевской Пруссіи, за исключеніемъ Данцига и Торуня; въ пользу Австріи—русскаго воеводства (безъ земли Холмской) и части сандомирскаго и краковскаго воеводства (на правомъ берегу Вислы); въ пользу Россіи: Инфлянта (за исключеніемъ Поляны, которая отнынѣ представляетъ эту область) и

цѣлыхъ, или большей части воеводствъ: витебскаго, полоцкаго, минскаго и мстиславскаго—въ общемъ приблизительно одной трети земли и населенія. Державы, принимавшія участіе въ раздѣлѣ, гарантировали Польшѣ неприкосновенность территоріи—то же обѣщала и Польша этимъ государствамъ (съ нѣкоторыми однако условіями). Гарантія такая касается и внутренняго строя Польши, и постановленій—важнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ—сейма (такъ называемаго «делегаціоннаго»—1773—1775 г.), который подтвердилъ трактаты о раздѣлѣ. Вслѣдствіе этого, важнѣйшія преобразованія строя (напримѣръ въ 1776 г.) требовали предварительнаго разрѣшенія сосѣднихъ государей. Однако, вопросъ гарантіи внутренняго строя былъ недостаточно ясно поставленъ. Прямо противоположно толкуютъ его двѣ деклараціи: російская, 5 ноября 1788 г., признающая гарантію въ самыхъ широкихъ границахъ, и прусская, 29 ноября 1788 г., рѣшающая, что гарантія не касается внутренняго строя и не должна ограничивать реформы. Четырехлѣтній сеймъ рѣшеніемъ 28 сентября 1790 г. постановилъ, что никакой гарантіи не признаетъ, и будетъ считать врагомъ всякаго, кто на нее захочетъ сослаться. Рѣшеніе это вошло въ составъ основныхъ законовъ, въ реформѣ VII статьи. Очевидно, это было лишь одностороннее освѣщеніе вопроса. На точкѣ зрѣнія полной свободы и непризнанія никакой гарантіи стоитъ также и конституція 3 мая, хотя прямо этого вопроса никакими предписаніями не касается. Съ внѣшней стороны Польшу составляютъ и въ теченіе этого періода два государства, связанныя уніей.

Унія понемногу все болѣе и болѣе скрѣпляется, благодаря возникновенію центральныхъ властей, обнимающихъ какъ Польшу, такъ и Литву (непрерывный постоянный совѣтъ, воспитательная комиссія). Четырехлѣтній сеймъ дѣлаетъ по этому пути огромный шагъ, составляя для обоихъ государствъ общій правительственный уставъ, и затѣмъ уже, на основаніи этого устава, создавая общія центральныя власти. Организацию взаимныхъ отношеній между Польшей и Литвой провелъ въ принципѣ октябрскій уставъ 1791 г., въ формѣ «взаимной поруки обоихъ народовъ». Обѣ половины должны имѣть общее правительство, общую казну и общее войско. У каждой изъ этихъ половинъ есть особый штатъ министровъ, равный въ численномъ отношеніи другому, однако власть, порученная одному министру, имѣетъ силу во всемъ государствѣ. Польша и Литва имѣютъ по равному числу представителей въ «великихъ комиссіяхъ» (за исключеніемъ полицейской). Что касается казначейства, то Литвѣ предоставлялась особая казна и особый верховный казначейскій судъ. Итакъ, хотя еще не всѣ слѣды различія двухъ этихъ государствъ были уничтожены, но въ сущности они уже слились въ одно, не только съ внѣшней, но и съ внутренней стороны.

Изъ вассальныхъ державъ за Польшей остались, вплоть до третьяго раздѣла, Курляндія и Семигалія, отношенія которыхъ къ Польшѣ не подверглись даже никакимъ измѣненіямъ.

Принципъ избранія короля подтверждается основными законами 1768 г. ^{Королевская власть.} вряду съ основой элекціи *viritim* и единомысліемъ выбора. Основные законы 1775 г. подвинулись еще дальше и рѣшили, что королемъ можетъ быть только Полякъ, и что «сыновья и внуки не могутъ вступать на престолъ непосредственно (*immediate*) послѣ отца, но по крайней мѣрѣ послѣ двухъ царствованій. Принципъ элекціи принимаютъ также и всѣ политическіе писатели и стараются единственно посредствомъ своихъ программъ смягчить опасности, угрожающія во время безкоролевій. Элекцію признаютъ также «Основы формъ правленія» 1789 г. и «Ненарушимые основные законы» 1791 г. — Но элекцію требовали еще при жизни короля. 20-го сентября 1790 г. было рѣшено узнать объ этомъ вопросѣ мнѣніе народа, т. е. сеймиковъ, и постановить способъ элекціи, слѣдуя большинству (тремъ четвертямъ) инструкцій. Сеймики конца 1790 г. согласились на элекцію при жизни короля — лишь немногіе голосовали за наследственное право. Положеніе короля и его права еще подверглись ограниченіямъ въ теченіе этого періода. Основные законы 1768 г. признали его «должностью» наряду съ сенатомъ и палатой пословъ, такъ что безъ его согласія никакой уставъ не могъ быть окончательно рѣшеннымъ; однако, законы эти сохранили и прежнюю отвѣтственность короля передъ народомъ. Что касается исполнительной власти, то въ ея области король многое еще утратилъ. Съ момента образованія вмѣсто резидентовъ — «постояннаго совѣта» король долженъ подчиняться рѣшенію большинства

членовъ совѣта, чиновниковъ же могъ назначать только изъ среды трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ совѣтомъ. Последнее право король получилъ вновь послѣ уничтоженія постоянного совѣта (въ 1789 г.). Почти всѣ прочіе вопросы перешли къ комиссіямъ, дипломатическія же дѣла, на которыя король могъ оказывать сильнѣйшее вліяніе, именно въ совѣтъ, теперь поручались новоучрежденной комиссіи, рѣшающей все самостоятельно, помимо короля.

На иныхъ принципахъ основываетъ королевскую власть конституція 3-го мая. Она вводитъ наследственность престола, поручая его саксонскому электу Фридриху-Августу, а послѣ его смерти — дочери его и ея мужскимъ потомкамъ. Король не отвѣчаетъ за свои поступки; однако акты, издаваемые отъ имени короля, должны быть скрѣплены однимъ изъ министровъ, который тогда за нихъ и отвѣчаетъ. Въ области законодательной власти короля лишили самостоятельнаго значенія, права распоряженій и предоставили ему лишь 2 голоса въ сенатѣ. Зато значительно усилилась исполнительная власть государя — образовалось сильное правительство. Стража, считающаяся высшей властью, является по отношенію къ королю лишь совѣщательнымъ органомъ, не связываетъ его никакими постановленіями, требуя лишь скрѣпленія приказовъ короля однимъ изъ министровъ. Королю также была поручена верховная команда надъ арміей; онъ назначаетъ предводителей въ случаѣ войны. Въ области судебного вѣдомства, принадлежащаго королю, послѣдній получилъ право помилованія, хотя въ ограниченныхъ предѣлахъ. Итакъ, власть королевская,

несмотря на ограниченія въ законодательной области, усилилась въ смыслѣ могущества и значенія.

Сеймы и сеймики несли многочисленныя **Сеймы и сей-
мини.** и важныя обязанности. Неудивительно поэтому, что реформы, наряду съ должностями, занимаются въ такой мѣрѣ вопросомъ парламентской организаціи. Несмотря на это, однако, строй страдалъ многими недостатками; коренную реформу ввела лишь конституція 3-го мая и дополняющіе ее уставы. Число сенаторовъ возрастаетъ вслѣдствіе причисленія къ сенату, какъ министровъ, — гетмановъ (1768) и придворныхъ казначеевъ (1775 г.), а также одного воеводы и нѣсколькихъ новоучрежденныхъ кастеляновъ. Несмотря на раздѣлъ Польши, сенаторскіе и земскіе саны отдѣлившихся воеводствъ продолжали существовать, хотя, очевидно, чисто нарицательно. Изъ сената ушло лишь нѣсколько епископовъ, но зато въ 1790 г. получилъ въ немъ кресло кіевскій митрополитъ. Въ 1768 г. число сенаторовъ равно 152; послѣ раздѣла — въ 1775 — 153; и наконецъ, начиная съ 1790 г. — 154. Посольская палата возрасла путемъ прибавленія нѣсколькихъ пословъ нѣкоторымъ областямъ — до 198 (143 отъ Короны, 49 отъ Литвы, 6 отъ Инфлянта). Въ 1764 г. опредѣлили наконецъ число прусскихъ пословъ въ 38, слѣдовательно всѣхъ вмѣстѣ — 236.

Послѣ раздѣла число пословъ уменьшилось лишь настолько, насколько отпадали сеймики; но если воеводство, область или уѣздъ, уменьшались въ своихъ границахъ, то число пословъ не измѣнялось. Сильнѣе ощущалось отсутствіе многочисленныхъ прусскихъ

депутатовъ, но вслѣдствіе прибавленія новыхъ пословъ различнымъ областямъ палата состоитъ послѣ раздѣла изъ 177 членовъ (123 изъ Короны, 48 изъ Литвы, 6 изъ Инфлянта). Четырехлѣтній сеймъ съ конца 1790 г. совѣщался въ двойномъ составѣ, т. е. въ числѣ 354 членовъ.

Реформы сеймоваго строя касаются способа веденія совѣщаній, слѣдовательно—регламента, и вопроса объ единомысліи. Уже соборъ 1764 г. организоваль порядокъ совѣщаній сейма, опредѣливъ вполне точно, какъ должны одна за другой наступать стадіи этихъ совѣщаній. Регламентъ основывается на практикѣ, новизны не вводитъ почти никакой: онъ заботится лишь о томъ, чтобы устранить безпорядокъ и ускорить ходъ дѣйствій. Самымъ важнымъ преобразованиемъ было подраздѣленіе предметовъ совѣщанія въ посольской палатѣ (послѣ разъединенія палатъ); во главѣ всѣхъ идутъ тронныя дѣла, предъявленныя въ сеймики посредствомъ королевскихъ универсаловъ, затѣмъ «дезидеріи» (т. е. мнѣнія, излагаемыя послами), касающія всей страны, и наконецъ только *priata*, относящіяся къ отдѣльнымъ воеводствамъ, областямъ или лицамъ. Регламентъ запрещаетъ вводить въ совѣщаніе новый вопросъ, пока окончательно не исчерпанъ предыдущій. Запрещено также посламъ подтверждать присягой инструкцію. Вопросы единомыслія почти что не касались: большинство голосовъ было введено лишь въ рѣшенія относительно финансовыхъ вопросовъ второстепеннаго значенія. --- И послѣдующіе сеймы (коронаціонный 1764 г., сеймъ 1766 г.) даютъ мелкія предписанія, дополняющія регламентъ 1764 г., но большого значенія они не имѣютъ. Новую

реформу предпринимаетъ сеймъ 1768 г. Онъ составляетъ новый, очень подробный регламентъ совѣщаний. Но и этотъ регламентъ не приноситъ значительныхъ перемѣнъ. И тутъ удерживается прежній порядокъ стадій въ совѣщаніяхъ, почти совершенно сходный съ регламентомъ 1764 г. Не уничтожили даже излишнихъ формальностей, какъ напр. сенаторскихъ вотовъ, которые однако нѣсколько ограничили. Пытались усилить власть маршала, но это не было достаточной реформой. Важнѣйшія измѣненія касаются подраздѣленія всѣхъ вопросовъ на двѣ группы: 1) вопросы status и 2) экономическіе вопросы. Въ области послѣднихъ былъ введенъ принципъ большинства голосовъ: чтобы предположеніе стало уставомъ, требовалось большинство голосовъ въ сенатѣ и въ палатѣ, а также согласіе короля. Въ дѣлахъ status оставили единомысліе и даже помѣстили его среди основныхъ законовъ. Veto попрежнему разрушаетъ всѣ предварительно составленныя рѣшенія въ области status, но оно не касается постановленій въ экономическихъ вопросахъ, такъ что постановленія эти не теряютъ силы даже въ случаѣ перерыва сейма. Итакъ, замѣчается шагъ впередъ, но весьма еще незначительный; это потому, что черезчуръ много вопросовъ относилось къ области status, да и то перворазряднаго значенія для государственнаго быта, а именно: повышеніе или измѣненіе податей и тарифовъ, усиленіе числа войскъ, заключеніе договоровъ, торговыхъ трактатовъ, объявленіе войнъ, созывъ всеобщаго ополченія и пр., даже нобилитаціи и индигенаты. Слѣдовательно, польза отъ введенія большинства голосовъ

на практикѣ не имѣла большого значенія. Весьма вредно, въ свою очередь, вліяло нововведенное правило о томъ, чтобы совѣщанія велись *categoriatim*, т. е. по отдѣльнымъ главамъ, съ обсужденіемъ отдѣльныхъ пунктовъ программы. Вслѣдствіе этого предписанія, пренія, и безъ того запутанныя и длинныя, становились еще болѣе продолжительными. Не помогли даже и постановленія о власти маршала, относящіяся къ 1764 и 1768 г., ибо ими не пользовались. Каждый по-прежнему говорилъ, что хотѣлъ и сколько хотѣлъ.

Реформа 1768 г. просуществовала до четырехлѣтняго сейма. На практикѣ нашелся однако способъ нѣкотораго видоизмѣненія отношеній, съ главной цѣлью устранить принципъ единогласія, а именно конфедерация и делегация. Сеймы, созываемые во время существованія конфедерации (1764 — 1768 г.), считаются связанными этой конфедерацией, слѣдовательно рѣшаютъ большинствомъ голосовъ. Совѣщаются же, какъ другіе сеймы, съ тою только разницею, что палаты не разъединяются. Но теперь является до нынѣ неизвѣстное нововведеніе: сеймъ можетъ самъ связаться въ конфедерацию, хотя бы и не было генеральной конфедерации. Конфедерация заключается или среди пословъ, и тогда къ нимъ примыкаютъ другіе послы, а также и король (сеймы 1773 — 1775, 1788 — 1792), или же король основываетъ конфедерацию въ постоянномъ совѣтѣ, а затѣмъ уже соединяются съ нимъ послы, вслѣдствіе чего король приобретаетъ большее вліяніе на дѣйствія конфедерации (1776 г.). Совѣщанія ведутся подъ предсѣдательствомъ конфедерационнаго маршала. Такимъ образомъ, не ожидая общег-

сударственной конфедерации, можно было пользоваться ее выгодами — правомъ большинства голосовъ. Конфедерационные сеймы не были связаны опредѣленными сроками,—могли длиться и по нѣсколько лѣтъ (делегационный 1773—1775 г., четырехлѣтній 1788—1792). Для облегченія, или точнѣе сокращенія совѣщаній возникаетъ новая форма—такъ называемая «делегация». Впервые вводитъ ее ради политическихъ соображеній сеймъ 1768 г.: она повторяется сеймомъ 1773—1775 г. и часто прибѣгаетъ къ ней четырехлѣтній сеймъ.

Спеціально избранной комиссіи поручалось право изготовленія устава—съ полной властью сейма, такъ что впослѣдствіи сейму оставалось лишь прослушать ее постановленія, — или же ей поручали составить цѣлую программу, которую сеймъ могъ принять, отбросить, или видоизмѣнить, не обсуждая, однако, отдѣльныхъ пунктовъ. Такимъ образомъ, пытались отсрочивать на практикѣ основу совѣщаній *categoriatium*. Къ этому способу прибѣгали особенно часто четырехлѣтній сеймъ, пока не создалъ, наконецъ, но только для себя спеціально, на время этого одного сейма, «торжественнаго ручательства за порядокъ въ палатѣ».

Въ этомъ ручательствѣ ограничивалось число рѣчей каждаго посла до двухъ — не больше — въ одномъ и томъ же вопросѣ, рѣшалось, что нельзя прерывать обсужденіе одного дѣла для разсматриванія другого, ни распускать засѣданіе до окончательнаго разсмотрѣнія извѣстнаго пункта и постановленія по нему. Программы уставовъ должны были раздаваться посламъ за три дня до обсужденія ихъ въ сеймѣ. Голосованіе

предполагалось явное, а затѣмъ всегда второе — тайное. Но и этотъ уставъ, усовершенствовавшій нѣсколько совѣщанія, не сумѣлъ воздержать пословъ отъ болтовни.

Наряду съ реформами сейма появляются попытки реформировать сеймики. Стремленіе въ этомъ направленіи замѣчается впервые на обоихъ сеймахъ 1764 г., т. е. конвокаціи и коронаціонномъ сеймѣ, а также въ сеймѣ 1766 г. Конституціи напоминаютъ и подтверждаютъ предварительныя постановленія, преобразовавшія цѣлый рядъ воеводствъ, вводя туда основу большинства голосовъ относительно элекціи и исключая изъ состава сеймиковъ неосѣдную шляхту. Предписаніямъ этимъ подчинились добровольно и нѣкоторыя другія воеводства. И въ этомъ, слѣдовательно, заключается извѣстный прогрессъ. Реформу въ болѣе мѣрѣ проводитъ лишь сеймъ 1768 г. относительно всѣхъ рѣшительно сеймиковъ. Однако, конституціи причислили къ сеймикамъ не только землевладѣльцевъ, но и неосѣдныхъ, насколько они принадлежали къ знатымъ фамиліямъ воеводства, т. е. жили въ немъ долгое время; итакъ, въ сеймикѣ удержался нежелательный элементъ «шляхта-голта», но, зато, окончательно былъ введенъ принципъ большинства голосовъ, не только относительно элекціи, но и при составленіи инструкцій и *laudae*. Единогласіе совершенно устраняется въ сеймѣ. Уничтожены были также остатки финансоваго вѣдомства сеймиковъ, которымъ запретили впредь назначеніе какихъ бы то ни было налоговъ. Конституція эта положила предѣлъ прежнему своеволію и безотвѣтственности сеймиковъ.

Новѣйшей реформой, преобразовавшей окончательно польскій парламентаризмъ, несмотря на сохраненіе прежнихъ внѣшнихъ формъ, являются постановленія о сеймахъ и сеймикахъ, конституціи 3-го мая и трехъ дополняющихъ и развивающихъ ее уставовъ (конституціи: 24-го марта 1791 г., подъ заглавіемъ «сеймики», включенная въ видѣ составной части въ конституцію 3-го мая; вторая — 12-го и 16-го мая, такъ наз. «сеймы», и третья — 27 мая того же года: «сеймъ конституціонный чрезвычайный»).

Сеймъ долженъ всегда быть наготовѣ; это значитъ, что депутаты избирались не для одного сейма, но на извѣстный періодъ времени — на два года, такъ что, кромѣ предписанныхъ закономъ законодательныхъ сеймовъ, созываемыхъ каждые два года, сеймъ можетъ собраться въ любое время въ случаѣ необходимости, или по приказу короля. Заключительный сеймъ долженъ длиться 70 дней (не считая праздниковъ), но можетъ продолжаться до 100 сутокъ. «Готовый» сеймъ собирается въ случаяхъ возникновенія вопросовъ международнаго права (напр. войны, междоусобій, опасности, голода, смерти или тяжелой болѣзни короля, наконецъ въ случаѣ столкновенія между стражей и королемъ, или между комиссіями и стражей. Такой сеймъ обсуждаетъ лишь тотъ вопросъ, для котораго онъ созванъ, и постановленія его имѣютъ силу закона только временно, до открытія обыкновеннаго законодательнаго сейма, который долженъ подтвердить ихъ. Черезъ 25 лѣтъ послѣ изданія конституціи 3-го мая было назначено собраніе конституціоннаго сейма съ цѣлью пересмотра «правительственнаго устава», въ

области котораго нельзя было производить за это время никакихъ измѣненій. Сеймъ долженъ былъ по-прежнему состоять изъ короля, сената и палаты депутатовъ. Но у короля былъ одинъ, а въ случаѣ равенства голосовъ — два голоса въ сенатѣ, т. е. мнѣніе его лишалось рѣшающей силы. Въ составъ палаты депутатовъ входили избираемые сеймиками депутаты въ числѣ 204 и 21 городскихъ уполномоченныхъ отъ окружныхъ собраній, но безъ рѣшительнаго голоса. Сенатъ образовали воеводы и кастеляны, но въ ограниченномъ числѣ — 102, а также епископы и министры, однако послѣдніе не всегда съ правомъ рѣшающаго голоса (въ общемъ — 132 чело-вѣка). Сенатъ, однако, не стоялъ наравнѣ съ палатой депутатовъ, что особенно ярко проявлялось въ способѣ подачи голосовъ. Среди законовъ, постановляемыхъ сеймами, отличали: основные законы, отмѣнить которые могъ только конституціонный сеймъ; всеобщіе законы, къ которымъ причисляли конституціонные, гражданскіе, карательные и ипотечные, подати, а также другія условія, издаваемые «указами» сейма. Въ конституціонныхъ сеймахъ вопросы рѣшались большинствомъ голосовъ — какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ депутатовъ. Общія уложенія палата принимала большинствомъ $\frac{2}{3}$ или даже $\frac{3}{4}$ голосовъ; сенатъ имѣетъ право такимъ же большинствомъ отвергнуть постановленіе палаты; если однако на слѣдующемъ сеймѣ палатой вновь будетъ принято тоже постановленіе, тогда оно уже приводится въ дѣйствіе безъ вторичнаго голосованія сената. Итакъ, сенатъ въ утвержденіи общественныхъ законовъ не стоитъ

на одномъ уровнѣ съ палатой. «Сеймовыя рѣшенія» постановляются большинствомъ двухъ третей или трехъ четвертей голосовъ, которые подсчитывались въ обѣихъ палатахъ вмѣстѣ. И тутъ, слѣдовательно, сенатъ имѣлъ меньшее значеніе, такъ какъ болѣе численная палата депутатовъ могла всегда одержать верхъ. Голосованіе происходило сперва путемъ открытаго голосованія, а затѣмъ и тайнаго; исключительно открытая подача голосовъ примѣнялась въ постановленіяхъ объ ипотечныхъ податяхъ и постоянномъ составѣ войскъ.

Регламентъ совѣщаній опредѣленъ былъ весьма подробно. Онъ основывается на предписаніяхъ 1768 г., но касается еще болѣе мелочей. Точнѣйшимъ образомъ назначалось число дней, посвящаемыхъ каждой отдѣльной стадіи совѣщаній, въ какомъ порядкѣ наступаютъ эти стадіи одна за другой и пр. Безспорно, такой регламентъ былъ ужъ черезчуръ подробенъ и нерѣдко могъ связывать дѣятельность сейма; но этотъ недостатокъ легко оправдать, принимая во вниманіе, что цѣлью реформы была реакція противъ чрезмѣрной растянутости прежнихъ совѣщаній. Самымъ важнымъ преобразованиемъ являлось предписаніе о томъ, чтобы проекты уставовъ, представленные специально назначенною для этого комиссіей, могли быть приняты сеймомъ, или отвергнуты, или же отосланы для исправленія, и въ послѣднемъ случаѣ сеймъ могъ вторично: принять ихъ или окончательно отклонить, но не имѣлъ права измѣнять отдѣльныхъ постановленій проекта.

Реформа имѣла большое значеніе: она придала сейму современный характеръ, устранила единогласіе и прекратила конфедерацію. Города были, наконецъ, допущены въ сеймъ. Правда, городскіе депутаты не имѣли пока рѣшительнаго голоса и могли выражать свое мнѣніе исключительно въ городскихъ вопросахъ; тѣмъ не менѣе, это былъ прогрессъ, способный привести со временемъ къ признанію за городами полныхъ правъ въ сеймѣ. Но самымъ важнымъ нововведеніемъ является устраненіе значенія инструкціи (хотя формально отчасти ее сохранили), и взглядъ на депутатовъ, какъ на представителей государства, обсуждающихъ благо всего народа, между тѣмъ какъ раньше это были представители чисто сословные. Вслѣдствіе этихъ преобразованій, польскій сеймъ утратилъ наконецъ прежнія черты средневѣкового сословнаго парламента и превратился въ органъ общенародный.

Сеймики подверглись сравнительно большимъ измѣненіямъ еще до четырехлѣтняго сейма. Реформа развилась, прежде всего, въ самой важной области—въ составѣ сеймовъ. Не-владѣльцы были устранены, голосъ получили лишь дворяне-землевладѣльцы (вмѣстѣ съ ненадѣленными сыновьями и братьями), залогодержатели и пожизненные владѣльцы, да и то съ условіемъ, обязывающимъ первыхъ платить подати, вторыя же двѣ группы довольно высокій налогъ (100 польскихъ злотыхъ — удесятеренная десятичная подать). Всѣ, имѣющіе право принимать участіе въ сеймикахъ, записывались въ особыя книги, такъ называемыя земскія. Завѣдываніе совѣщаніями и ихъ подготовкой регламентъ отдалъ особому распорядитель-

ному собранію, состоящему изъ чиновниковъ и бывшихъ чиновниковъ, съ маршаломъ и шестью ассессорами, избираемыми по жребію. Виды сеймиковъ сохранились: элекціонные—для выборовъ депутатовъ въ сеймъ, гражданско-военныхъ приставовъ и судей (въ опредѣленные сроки, черезъ два года); депутатскіе—для выбора депутатовъ въ трибуналъ, связанные съ хозяйственными (ежегодно), и наконецъ реляціонные—послѣ сеймовъ. Элекціонные сеймики наряду съ избраніемъ депутатовъ обязаны были составлять для нихъ инструкціи. Теперь, однако, инструкціи касаются только общественныхъ правъ (не постановлений); въ случаѣ предпринимаемыхъ измѣненій въ области общественныхъ правъ, король долженъ передать ихъ на обсужденіе сеймиковъ. Кромѣ того, инструкціи заключаютъ также положенія воеводствъ и уѣздовъ, но эта инструкція въ смыслѣ свободы голосованія не связываетъ депутата. Его могутъ лишь посредствомъ тайнаго голосованія въ реляціонномъ сеймикѣ лишить званія депутата. Хозяйственные сеймики обсуждаютъ нужды воеводства, но не имѣютъ права налагать подати. Всѣ рѣшенія постановляются по большинству голосовъ.

Уставъ о сеймикахъ былъ введенъ въ дѣйствіе, но существовалъ недолго. Уставы о сеймахъ имѣли, однако, исключительно теоретическое значеніе. Ни одинъ сеймъ не собирался и не совѣщался такъ, какъ ему предписывали правила. Тѣмъ не менѣе они имѣютъ громадное значеніе, какъ памятникъ кореннаго преобразованія парламентскихъ понятій въ Польшѣ.

Должности. Реформы въ области должностей, проведенныя до четырехлѣтняго сейма, касаются почти исключительно преобразованія центральныхъ властей или точнѣе—образованія новыхъ. Другихъ областныхъ властей—земскихъ и городскихъ—они почти не касались. Появилось еще одно новое воеводство (Гнѣзненское, 1768 г.), новыя кастелянства, и низшія земскія должности для нѣсколькихъ уѣздовъ. Относительно староствъ единственной реформой была такъ называемая долгосрочная реформа староствъ 1775 г. У староствъ отняли администрацію имѣній, земельные надѣлы, которые были переданы казнѣ, но предѣлы ихъ власти остались тѣ же. Выборъ староствъ поручили сеймикамъ. Этимъ реформа и ограничилась, хотя власть староствъ требовала болѣе глубокихъ преобразованій.

Изъ центральныхъ должностей вслѣдствіе реформъ утратили много значенія министерства, къ которымъ причисляли тогда гетмановъ и надворныхъ казначеевъ. Реформы опредѣлили точно вѣдомство и составъ судовъ ассесорскихъ (1764 г.) и маршальскихъ (1766 г.), ограничивъ власть канцлеровъ, и отчасти маршаловъ. Последняго лишили администраціи двора (1766 г.). Прочія обязанности, какъ маршаловъ, такъ и канцлеровъ, казначеевъ и гетмановъ, перешли чуть ли не всецѣло къ новосозданнымъ коллегіальнымъ властямъ; права же ихъ были сведены къ руководительству въ этихъ новыхъ центрахъ государственной власти.

Центрами этими являются: комиссіи, такъ называемыя великія, и постоянный совѣтъ. Реформы эти соотвѣтствуютъ административнымъ преобразованіямъ,

произведеннымъ на Западѣ гораздо раньше, начиная уже съ XVI столѣтія. Но разница въ томъ, что тамъ реформы произошли по волѣ государя, съ цѣлью укрѣпленія его власти. Въ Польшѣ же, наоборотъ, ихъ проводитъ факторъ, одержавшій верхъ надъ королемъ—дворянство, представитель котораго сеймъ. Комиссіи были установлены конвокаціей 1764 г.: двѣ финансовъ—для Короны и Литвы и одна военная—для Короны; коронаціонный сеймъ создалъ особую военную комиссію для Литвы, совершенно по образцу коронной; въ 1775 же году была учреждена воспитательная комиссія. Во главѣ финансовыхъ комиссій стояли великіе казначеи и, какъ ихъ замѣстители, надворные; въ составъ комиссій входили сенаторы и члены рыцарскаго класса (въ общемъ отъ Короны 16, а съ 1767 г.—9; въ Литвѣ сперва 9, а послѣ 1768 г.—6), избираемые на два года сеймами, слѣдуя конституціи 1766 г. Сеймъ выбиралъ комисаріевъ изъ среды кандидатовъ, представленныхъ, въ числѣ четырехъ, королемъ. Комиссіи эти взяли въ свои руки собственно завѣдываніе казной, контроль финансовъ и судопроизводство въ финансовыхъ дѣлахъ, т. е. къ нимъ перешли тѣ обязанности, которыя до того времени принадлежали казначеймъ, равской казнѣ и казначейскому трибуналу. Поэтому, два послѣднихъ учрежденія и перестали существовать. Наряду съ этимъ, комиссіи отправляли судъ въ торговыхъ и вексельныхъ дѣлахъ (отчасти I-ой, отчасти II-ой инстанціи) и, кромѣ того, составляли родъ министерства внутреннихъ дѣлъ, имѣя подъ своимъ покровительствомъ экономическое благосостояніе государства, а въ особенности поддержку торговли и т. д.

Военныя комиссіи съ гетманами, великими и отчасти полевыми во главѣ, состояли изъ выбираемыхъ сеймами также на два года комиссаріевъ (16, съ 1768 г.—6); онѣ взяли на себя управленіе военными дѣлами, главнымъ образомъ въ области финансовой (замѣщая казначейскій трибуналъ) и юридической (т. е. между военными и дѣла штатскихъ противъ военныхъ). Гетманъ, однако, сохранилъ еще нѣкоторыя обязанности, преимущественно на случай войны. Въ 1766 г. военныя комиссіи были упразднены, и вѣдомство ихъ передано военному департаменту постояннаго совѣта.

Въ названныя комиссіи (объединенныя въ Коронѣ вмѣстѣ съ ассесорскимъ и маршальскимъ судами въ четыре вѣдомства) перешли дѣла, принадлежавшія прежде другимъ властямъ; созданная же въ 1775 году раздѣльнымъ сеймомъ воспитательная комиссія является учрежденіемъ, до того въ Польшѣ неизвѣстнымъ. Образованіемъ до того времени занималась церковь. Открытіе въ этой области новаго круга дѣятельности гродской администраціи было большимъ успѣхомъ въ развитіи государственности. Сначала комиссія не была точно организована. Ее избрали сеймомъ 1775 г. въ числѣ 8 лицъ на шесть лѣтъ, а затѣмъ вновь подтверждали это полномочіе до слѣдующаго срока. Комиссія взяла на себя завѣдываніе всѣми общественными школами государства, а именно академіей, гимназіями, академическими колоніями и, кромѣ того, суммами, записанными въ пользу научныхъ цѣлей въ государственную казну послѣ закрытія ордена іезуитовъ. Въ вопросахъ, касающихся этой области, комиссія

обладаетъ и судебной властью. Воспитательная коммисія, въ противоположность другимъ, была учрежденіемъ общимъ для Короны и Литвы.

Надъ этими властями стоялъ постоянный совѣтъ, учрежденный въ 1775 г. Въ составъ совѣта входятъ: король, 18 сенаторовъ и представителей рыцарскаго класса, среди которыхъ одинъ носитъ титулъ маршала рыцарскаго сословія. Правленіе совѣта длится два года, между двумя сеймами. Совѣтъ подраздѣлялся на пять департаментовъ: иностранныхъ дѣлъ, полиціи или благопорядка, военный, судебный и финансовый. Первый состоитъ изъ 4-хъ, остальные изъ 8-ми членовъ. Во главѣ каждаго департамента стоитъ одинъ изъ министровъ, избранный въ совѣтъ (канцлеръ, маршалъ, гетманъ, второй канцлеръ, казначей). Что касается остальныхъ министровъ, не избранныхъ въ совѣтъ, то они, если не засѣдали въ коммиссіяхъ, не имѣли отнынѣ никакихъ обязанностей. Король имѣетъ въ департаментѣ только два голоса, и долженъ соглашаться съ мнѣніемъ большинства. Весь совѣтъ составляетъ исполнительную власть сейма, наблюдаетъ за исполненіемъ предписаній, составляетъ проекты законовъ, повѣряетъ ихъ, насколько ему это поручить сеймъ. Кромѣ того, ему принадлежатъ дипломатическіе вопросы: онъ высылаетъ пословъ, снабжаетъ ихъ инструкціями, принимаетъ реляціи и пр. Совѣтъ же предлагаетъ по три кандидата на замѣщаемыя королевъ должности, такъ что изъ этихъ трехъ король имѣетъ право выбирать. Наконецъ, отъ рѣшенія совѣта зависитъ распоряженіе экстраординарными суммами (т. е. предназначенными для цѣлей, непредвидѣнныхъ бюджетомъ).

Итакъ, постоянный совѣтъ занялъ мѣсто резиден-товъ, но кругъ его дѣйствій, однако, несравненно шире. Департаменты имѣютъ по отношенію къ совѣту характеръ совѣщательныхъ органовъ. Постановленія конституціи 1775 г. не вполне понятны въ смыслѣ положенія совѣта относительно прочихъ властей, главнымъ образомъ, комиссій. Сеймъ 1776 г. постановилъ поэтому, что всѣ учрежденія обязаны подчиняться совѣту и исполнять его приказы, а сверхъ того опредѣлилъ точнѣе вѣдомство департаментовъ. Департаментъ иностранныхъ дѣлъ готовить дипломатическія дѣла въ совѣтъ, департаментъ полиціи имѣетъ надзоръ за администраціей городовъ, судебный—наблюдаетъ за порядкомъ въ судопроизводствѣ. Финансовый департаментъ соперничалъ съ комиссіями, онъ занимался, главнымъ образомъ, ихъ контролемъ и смотрѣлъ за точнымъ соблюденіемъ бюджета. Самымъ неяснымъ пунктомъ являлся вопросъ объ отношеніи военнаго департамента къ комиссіи и гетманамъ. Для прекращенія этого положенія военныя комиссіи были упразднены (въ 1776 г.), и всѣ ихъ обязанности переданы департаменту, за исключеніемъ финансовыхъ дѣлъ, перешедшихъ къ финансовой комиссіи. Гетману осталось лишь предсѣдательство въ департаментѣ.

Департаментъ этотъ пересталъ существовать вслѣдствіе постановленія четырехлѣтняго сейма въ самомъ началѣ его совѣщаній (ноябрь 1788 г.). На его мѣсто была восстановлена военная комиссія, но уже одна для обѣихъ частей государства. Она имѣла временный характеръ, во главѣ ея стояли гетманы, мѣ-

няющіеся каждыя три мѣсяца; составляли же ее 18 членовъ, изъ нихъ $\frac{2}{3}$ штатскихъ. Кромѣ того, еще въ концѣ 1788 г. сеймъ основалъ особую дипломатическую комиссію, независимую отъ постоянного совѣта; организація этой комиссіи подробно не была опредѣлена.

Въ началѣ 1789 г. упраздняется постоянный совѣтъ. На его мѣсто не поставили сперва никакой другой власти, такъ что еще нѣкоторое время центральное правительство составляютъ комиссіи финансовъ и двѣ другія, учрежденныя въ концѣ 1788 г. Король получаетъ вновь нѣкоторыя права, отнятыя у него въ пользу совѣта. Лишь конституція 3 мая основала фундаментъ новаго государственнаго строя, а затѣмъ развиваетъ цѣлую систему отдѣльныхъ конституцій (31/V) 1791 г.—стража; 17/VI и 20/VI—1791 г.—комиссія полиціи; 27/X—1791 г.—комиссія финансовъ; 18/V 1792 г.—военная комиссія). Высшей властью является стража; ее составляютъ: король, примасъ, пять министровъ (одинъ изъ маршаловъ, какъ министръ полиціи, одинъ изъ канцлеровъ—министръ печати, или внутреннихъ дѣлъ, второй—иностранныхъ дѣлъ, одинъ изъ гетмановъ—военный министръ, одинъ изъ казначеевъ—министръ финансовъ), наслѣдникъ престола (безъ голоса) и, наконецъ, два секретаря. Министры въ стражу назначаются королемъ изъ среды министровъ совершенно произвольно, разъ на два года. Стражѣ подчинены всѣ должности, посредниками между ними являются великія комиссіи. По отношенію къ королю стража является только совѣтомъ, и совѣтъ этотъ короля не связываетъ, лишь бы одинъ изъ министровъ

скрѣпилъ его распоряженія. Въ случаѣ спора между королемъ и стражей, король, а если онъ не желаетъ, то сеймовый маршалъ, созываетъ сеймъ, рѣшающій спорный вопросъ. За всѣ акты, издаваемые отъ имени короля и скрѣпленные однимъ изъ министровъ, отвѣчаютъ министры. Сеймъ въ правѣ призвать ихъ къ такой отвѣтственности и надлежащимъ образомъ наказать; можетъ также, большинствомъ двухъ третей голосовъ, устранить министра. Это уже принципъ парламентскаго большинства, хотя проведенный пока въ такой, неполнѣ соответствующей формѣ. Комиссіи организованы по образцу предшественныхъ. Общей ихъ чертой является то, что это уже органы, общіе «для обоихъ народовъ»; власть ихъ распространяется и на Польшу и на Литву; состоятъ онѣ изъ министровъ, не принадлежащихъ къ стражѣ, которымъ поочередно поручается предводительство, изъ комиссаріевъ (отъ 14 до 15), избираемыхъ сеймами каждые два года, а также изъ городскихъ депутатовъ (6). Въ военной комиссіи преимущество имѣютъ штатскіе. Вѣдомства финансовою и военной комиссіи остаются приблизительно такими же, какъ и прежде, т. е. въ области казны, отчасти военныхъ и судебныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этой отраслью администраціи. Совершенно новымъ органомъ является комиссія полиціи, или, собственно говоря, министерство внутреннихъ дѣлъ. Къ вѣдомству этой комиссіи относится, по уставу, не только безопасность и спокойствіе, т. е. собственно полицейская область, но и общественное благосостояніе, т. е. администрація. Итакъ, полицейская комиссія занимается надзоромъ за безопас-

ностью, за обычаями, за торговлею, за народнымъ здравіемъ, за благотворительностью, за соблюденіемъ литературной собственности, за статистическими данными, за дешевизной продуктовъ, за средствами добыванія труда, за путями сообщенія и пр. Кругъ ея дѣятельности огромный.

Однако, благодаря тогдашему строю и привилегіямъ дворянства, полными правами пользуется комиссія только относительно королевскихъ городовъ; что касается всего государства, то она, главнымъ образомъ, въ полицейскихъ вопросахъ—должна ограничиваться разсылкой по домамъ предостереженій и объявленій. Несмотря, однако, на нѣкоторое ограниченіе дѣятельности комиссіи, введеніе въ жизнь понятія объ администраціи было новизной, весьма желательной.

Дѣятельность этихъ центральныхъ властей дополнялась распорядительными гражданско-военными комиссіями, образованными уже раньше, въ ноябрѣ 1789 г., сначала для Литвы, потомъ для Короны. Состоятъ онѣ изъ комиссаріевъ, избираемыхъ сеймомъ разъ въ два года, въ числѣ, по крайней мѣрѣ, 15 чловѣкъ (для Литвы, и по крайней мѣрѣ—16 для Короны). По должности входятъ туда нѣкоторые чиновники. Комиссія занимается гражданскими и военными вопросами: квартирами, рекрутскимъ наборомъ, паспортами, устройствомъ складовъ для войскъ, снабженіемъ войскъ подводами, а также и вопросами «экономическими»: введеніемъ статистическихъ списковъ, податей, земледѣльческихъ совѣтовъ, поддержкой ремеслъ и торговли, школъ, благотворительныхъ учре-

ждений и пр. Кромѣ того, онѣ исполняютъ порученія великихъ комиссій, помогаютъ имъ. И здѣсь, слѣдовательно, замѣчается стремленіе создать опредѣленные органы администраціи, подчинить эту администрацію государству, расширить кругъ ея дѣйствій. Задачъ этихъ не исполняли ни старосты, ни сеймики, несмотря на свое названіе—хозяйственныхъ. Дѣятельность распорядительныхъ гражданско-военныхъ комиссій, а также полицейской комиссіи, это уже—предвѣстникъ другихъ, новыхъ взглядовъ на государство, на его нужды и цѣли.

Финансы. Особая королевская казна имѣла свои собственные доходы. Уже въ 1768 году ей назначили (хотя и не уплатили) $1\frac{1}{2}$ милліона польскихъ золотыхъ въ годъ изъ государственной казны. Когда послѣ раздѣла отпали главные источники королевскихъ доходовъ (богатая экономія и копи, а отчасти и таможенные пошлины), делегаціонный сеймъ 1773—1775 г. назначилъ королю, взаменъ этихъ убытковъ, четыре староства и ежегодный окладъ изъ казны въ суммѣ 7 милліоновъ польскихъ золотыхъ. Но уже въ 1776 г. ассигнованіе это было уменьшено до 4 милліоновъ золотыхъ. Кромѣ того, въ теченіе этой эпохи государственная казна неоднократно переводила на себя королевскіе долги, иногда весьма большіе. Для управленія королевской казной была установлена въ 1781 г. особая экономическая комиссія финансовъ Его Королевскаго Величества.

Усиленіемъ государственныхъ доходовъ занялась уже въ 1764 г. конвокація. Былъ назначенъ новый

осмотръ королевскихъ владѣній; для увеличенія четвертнаго дохода поголовная еврейская подать требовалась въ суммѣ 2 золотыхъ польскихъ съ каждой головы, а не въ видѣ оптовой суммы, какъ прежде; введена была общая подать безъ исключенія привилегированныхъ сословій; занялись также и болѣе правильнымъ сборомъ военнаго квартирнаго налога. Первоначально удержалась и поголовная дворянская подать, но впоследствии предполагалось ея уничтоженіе, когда въ казну начнутъ поступать соотвѣтствующія суммы изъ таможи. Однако эти реформы неполнѣ удались: общая подать не привилась, вслѣдствіе чего христіанская поголовная подать продолжала существовать. Сеймъ 1766 года возстановилъ ее въ тѣхъ же размѣрахъ, въ которыхъ она собиралась раньше, но зато произвелъ нѣкоторыя преобразованія въ таможнѣ, уничтоживъ внутреннія пошлины. Тотъ же сеймъ возстановилъ винный налогъ и потребительную подать виннаго откупа и распивочной продажи напитковъ—въ размѣрѣ 10% чистой прибыли; этотъ доходъ долженъ былъ замѣнить поголовный сборъ, но послѣдній удержался помимо всего. Сеймъ 1768 г. составилъ новый бюджетъ, который однако не былъ осуществленъ, какъ и другія реформы въ области финансовъ, предложенныя этимъ сеймомъ. Единственно ему удалось ввести генуэзскую лотерею (1769 г.), какъ частное предпріятіе, обязанное вносить определенную сумму въ государственную казну. Весьма серьезно занялся финансовымъ вопросомъ раздѣльный сеймъ (1773—1775 г.). Конституція этого сейма (1775 г.) заключаетъ цѣлый рядъ ре-

формъ. Поголовная христіанская подать была окончательно уничтожена, а на ея мѣсто введена подымная во всѣхъ имѣніяхъ: королевскихъ, церковныхъ и дворянскихъ, собираемая съ «дымовъ» крестьянскихъ и городскихъ, но въ различныхъ размѣрахъ, въ зависимости отъ классовъ, на которые подраздѣлялись города (четыре класса) и деревни (два класса). На мѣсто военнаго квартирнаго налога ввели половину подымной подати, очевидно, въ тѣхъ только имѣніяхъ, которыя предварительно платили эту подать. Четверть была возвышена до полторы четверти, въ Литвѣ же ее удвоили («сугубая» четверть). Установили также долгосрочную реформу староствъ, т. е. при открытіи вакансій на должность старосты послѣднихъ не замѣщали, но отдавали староство въ долгосрочную аренду съ податями на 50 лѣтъ посредствомъ аукціона. Еврейская поголовная подать была повышена до 3 польскихъ золотыхъ съ головы; проведены неисполненные постановленія 1768 г., имѣющія цѣлью иными путями сбора поднять доходъ отъ питейной торговли; возстановленъ былъ общій налогъ 1764 г., послѣ предварительнаго уничтоженія всякихъ таможенныхъ привилегій, и введена новая пошлина съ соли. Кромѣ того, были установлены: подать съ табаку, гербовая бумага, налогъ на карты, календари и еврейскія книги, реформирована лотерея. Духовенство увеличило свое *subsidium charitativum* до 600.000 польскихъ золотыхъ въ годъ.

Постановленія, введенныя сеймомъ 1775 г., нѣсколько лишь видоизмѣненныя въ 1776 г., удержались до четырехлѣтняго сейма, когда, вслѣдствіе возрастающихъ потребностей, надо было увеличить и доходы.

Сеймъ 1788 г. установилъ «добровольную жертву въ пользу настоятельныхъ нуждъ отечества», т. е. на войско, слѣдовательно, не имѣющую характера налога. Но уже съ 1789 г. сеймъ проводитъ значительныя реформы съ цѣлью увеличенія государственныхъ доходовъ. Первымъ было уложеніе о сборѣ второго подымнаго (protunc), являющагося какъ бы принудительнымъ займомъ государства. Сборъ этотъ предполагалось возратить послѣ установленія другихъ налоговъ, но отъ него впослѣдствіи въ большинствѣ случаевъ отказывались. Явились новые доходы. Появилась пошлина, довольно высокая, со всѣхъ должностей, свѣтскихъ и духовныхъ (насколько король ихъ замѣщаль), съ орденовъ, индигенатовъ и нобилитаций. Но самыми важными реформами можно считать тогда же установленныя: повышеніе четверти до двойной, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до $3\frac{1}{2}$ прежней суммы, установленіе сбора въ 20% отъ доходовъ духовенства (за исключеніемъ приходскихъ священниковъ, доходъ которыхъ не достигалъ 2.000 польскихъ злот.), и ипотечной жертвы отъ областей обоихъ народовъ для усиленія силъ страны, — въ видѣ дворянской подати, которую нельзя было передавать крѣпостнымъ безъ specialнаго предписанія устава. «Жертва» должна была равняться 10% годичнаго дохода, опредѣленнаго ревизіей, проведенной при помощи особой комиссіи (отсюда названіе: жертва 10-ыхъ грошей). Несмотря на то, что и раньше уже дворянство платило поголовную подать, но собственно характеръ подати имѣеть лишь эта добровольная подать «десятихъ грошей», такъ какъ поголовный сборъ былъ

весьма незначителенъ. Однако, «жертва десятыхъ грошей» обманула надежды, вслѣдствіе недостаточно точной и неравномѣрно проведенной ревизіи чистаго дохода. Поэтому, въ 1790 г. была организована особая депутація, такъ называемая конвокаціонная, задачей которой было уравненіе и повышеніе этого налога. Депутація окончила свою дѣятельность лишь въ 1792 г., такъ что практическаго значенія она уже не имѣла. Но и въ теченіе 1789 г. искали новыхъ источниковъ средствъ. Изъ конфискованныхъ государствомъ имѣній краковской епархіи выдавалось лишь жалованье епископу, остальное получала казна. Появилась новая кожевенная подать, взыскиваемая съ мясниковъ *in natura*—въ шкурахъ. Но такъ какъ способъ этотъ былъ весьма неудобенъ—его вскорѣ замѣнили податью съ бойни. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ городахъ подымное было увеличено вдвое, установленъ сборъ 10⁰/о отъ жалованій, превышающихъ 10.000 польскихъ злотыхъ, повышены питейный налогъ, проведены еще нѣкоторые болѣе мелкіе налоги. Несмотря на все это, четырехлѣтній сеймъ вернулся еще къ финансовымъ реформамъ, рѣшивъ въ декабрѣ 1791 г. продажу королевскихъ владѣній, а въ маѣ 1792 г. большой внутренней заемъ въ 30.000.000 польскихъ злотыхъ и повысивъ ради войны существующія подати: жертву, подымный и поголовный еврейскій сборы. Эти постановленія, по крайней мѣрѣ два первыхъ, остались неисполненными. Государственные расходы шли главнымъ образомъ въ пользу войскъ. При Станиславѣ-Августѣ, однако, и жалованье чиновниковъ достигаетъ крупныхъ размѣровъ. Основой

расходовъ служилъ первоначально бюджетъ 1717 г. Сеймъ 1768 г. составилъ новый бюджетъ, котораго, впрочемъ, не ввели въ дѣйствіе. Только бюджетъ, включенный въ конституціи 1775 г., сталъ основой расходованія казенныхъ суммъ. Во время существованія четырехлѣтняго сейма увеличились какъ жалованье чиновниковъ, такъ и издержки на войска; новаго бюджета тѣмъ не менѣе не составили. Особые доходы получала воспитательная комиссія и самостоятельно ими распоряжалась. Воеводскія подати и казначейства были окончательно уничтожены въ 1768 г. Завѣдываніе казной перешло въ началѣ этого періода въ руки финансовыхъ комиссій, на мѣсто которыхъ, въ концѣ 4-лѣтняго сейма, стала одна комиссія финансовъ обоихъ народовъ. Финансовыя комиссіи сосредоточили въ себѣ всю администрацію и контроль казны, устранивъ всецѣло власти, вѣдавшія ихъ раньше.

И въ юридической области замѣчаются реформы, стремящіяся къ ея усовершенствованію; но всѣ постановленія, изданныя до четырехлѣтняго сейма, не касаются сути дѣла. Только этотъ сеймъ предпринимаетъ болѣе существенныя преобразованія. Суды первой инстанціи остаются до четырехлѣтняго сейма безъ перемѣны: суды земскіе, городскіе и подкоморскіе, но число ихъ нѣсколько увеличивается. Апелляціи отсылались въ трибуналы. Конвокація 1764 г. раздѣлила коронный трибуналъ на два: одинъ—великопольскій, засѣдающій поочередно въ Петроковѣ и въ Познани, или Быдгощѣ, и осо-

быи малопольскій, съ чередующимися сѣздами въ Люблинѣ и Лембергѣ. У нихъ были особыя предсѣдатели и нѣсколько большее число депутатовъ. Но уже въ 1775 г. трибуналы были вновь объединены въ общее высшее судилище, засѣдающее попеременно въ Петроковѣ и Калишѣ для Велико-Польши, въ Люблинѣ или Лембергѣ для Мало-Польши. Въ Литвѣ такого же рода распредѣленіе дѣятельности трибунала провелъ отчасти коронаціонный сеймъ 1764 г., назначивъ мѣстомъ его сѣзда для литовскихъ воеводствъ городъ Вильну; для русскихъ же областей поочереды Новгородъ и Минскъ. Но во главѣ трибунала остался одинъ маршалъ. Въ 1775 г., вслѣдствіе раздѣла, мѣстомъ засѣданій трибунала назначили Вильну и Гродно. Въ то же время были составлены и включены въ конституціи обширныя уставы обоихъ трибуналовъ: Литовскаго въ 1764 г., Короннаго въ 1768 г.; исправленные въ 1775 г.; въ 1775 г. былъ нѣсколько видоизмѣненъ составъ сеймовыхъ судовъ, образуемый кромѣ короля и сената, палатою изъ 54 (съ 1776 г. 30) депутатовъ. Вѣдомство ихъ осталось безъ перемѣнъ. И этотъ судъ получилъ новый уставъ, включенный въ конституціи 1776 г. Ассесорскими судами усердно занимались уже первые сеймы 1764 г., но и позднѣйшія конституціи ихъ добавляють и измѣняютъ: наряду съ канцлерами, рѣшавшими однако всѣ вопросы самостоятельно, поставили ассесоровъ, отчасти такъ называемыхъ *pati* (т. е. чиновниковъ, какъ-то: великіе секретари, нотаріусы, референдаріи и т. д.), отчасти—избираемыхъ сеймомъ изъ среды сенаторовъ и депутатовъ. Введено было большинство голосовъ,

связывающее канцлера почти во всѣхъ вопросахъ, предоставляя ему рѣшеніе лишь нѣкоторыхъ. Кромѣ вопросовъ, принадлежавшихъ ассесорскимъ судамъ и раньше, имъ поручили и *causae iuris colongarii*, т. е. дѣла подданныхъ королевскихъ имѣній противъ старостъ и тенутаріевъ, рѣшаемыя всегда референдарскими судами, которые теперь и упразднили. Такъ же были организованы ассесорскіе суды въ Литвѣ конституціей 1766 г. Но та же конституція отняла у коронныхъ ассесорій *causae iuris colongarii*, возстановивъ референдарскіе суды. Но и этотъ судъ былъ по конституціи 1776 г. превращенъ въ коллегіальный посредствомъ увеличенія числа ассесоровъ-чиновниковъ, рѣшеніе которыхъ, принятое большинствомъ голосовъ, было обязательно и для референдарія. Коллегіальными замѣнились и маршальскіе суды. Уже въ 1766 г. маршалу подчинили ассесоровъ изъ сената и рыцарскаго сословія, число и способъ назначенія которыхъ неоднократно мѣнялись. Въ томъ же году было установлено уложеніе этихъ судовъ, подтвержденное конституціей 1768 г. Другихъ судовъ—городскихъ и еврейскихъ—не касались. Конституція 1768 г. совершенно уничтожила каптурные суды, постановивъ, чтобы всѣ суды продолжали дѣйствовать и во время безкоролья.

Коренныя реформы въ юридической области наряду съ новымъ уложеніемъ предвѣщаетъ конституція 3-го мая (ст. 8). Уложеніе не было составлено, но реформу организаціи судовъ провела цѣлая система уставовъ, сеймовые суды: организація городскихъ и ассесорскихъ судовъ (1791 г.), земскій судъ, судъ

короннаго трибунала, судъ трибунала въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ (1792 г.). Остальные суды (реляціонные, референдарскіе), не подверглись никакимъ преобразованіямъ.

Меньше, сравнительно, значенія имѣлъ уставъ о сеймовыхъ судахъ, организованныхъ по прежнимъ образцамъ; въ составъ такого суда входятъ 12 сенаторовъ и 24 депутата; къ вѣдомству его относятся вопросы общаго насилія, общественной измѣны и убытка. Весьма важной является реформа дворянскихъ судовъ первой инстанціи. Послѣ долгихъ вѣковъ суды земскіе и городскіе были наконецъ уничтожены, исчезла двойственность, удерживающаяся столь долго безъ всякой основательной причины. Кажется, хотя не навѣрное, что съ ними вмѣстѣ исчезли и подкоморскіе суды. На ихъ мѣсто появляется новый земскій судъ. Мѣсто засѣданія этихъ судовъ было точно опредѣлено. Каждый состоитъ изъ 10 судей, выбираемыхъ на 4 года депутатскими сеймиками, не считая двухъ секретарей, изъ которыхъ одного избираетъ судъ на 7 лѣтъ, другого—сеймикъ пожизненно. Этому суду подчиняются всѣ вопросы, принадлежавшіе раньше земству и городу, т. е. вообще всѣ дѣла I инстанціи, касающіяся дворянства и землевладѣльцевъ, даже и не дворянъ, за исключеніемъ вопросовъ, относящихся къ вѣдомству другихъ судовъ. Земскій судъ—весьма важное и желательное нововведеніе—дѣйствуетъ круглый годъ, а не по сѣздамъ, какъ это до сихъ поръ практиковалось въ городскихъ и земскихъ судахъ. Окончательно также исчезаетъ изъ суда латынь, уступая по приказу особаго устава мѣсто польскому

языку. Меньше перемѣнилась организація трибуналовъ. Снова возникли два особыхъ высшихъ судища въ Коронѣ: для Велико-Польши—въ Петроковѣ, для Мало-Польши—въ Люблинѣ; въ Литвѣ же только одинъ, въ Вильнѣ.—Въ принципѣ сохранился составъ трибунала изъ депутатовъ свѣтскихъ, избираемыхъ сеймиками, и духовныхъ, высылаемыхъ капитулами; только очень подробно были опредѣлены выборы этихъ депутатовъ воеводствами. Трибуналы остались апелляціонными судами послѣдней инстанціи относительно земскихъ судовъ. Насколько уничтоженіе двойственности въ 1 инстанціи и замѣщеніе ея единымъ судомъ являлось нововведеніемъ весьма желательнымъ, настолько учрежденіе двухъ высшихъ судовъ въ Коронѣ, уничтоженіе посреднической инстанціи и введеніе, да и то на короткое время, избранія судей, отъ которыхъ не требовали никакой юридической подготовки,—слѣдуетъ считать крупной ошибкой. Это впрочемъ не единственная ошибка; вообще, уставы четырехлѣтняго сейма—въ особенности 1791—1792 г., наскоро составленные, обнаруживаютъ немалые пробѣлы и недочеты въ редакціи.

Столь же значительна была реформа судебнаго строя въ городахъ. Уставъ вводитъ нѣсколько видовъ мѣщанскихъ судовъ: 1) городскіе суды (вмѣсто судовъ старшинъ и совѣтовъ), состоящіе изъ бурмиистра и четырехъ судей, избираемыхъ городскими собраніями—въ большихъ городахъ окружными; 2) обыкновенные окружные суды войтовъ въ городахъ, раздѣленныхъ на участки, единоличныя; 3) апелляціонныя удѣльные суды, состоящіе изъ пяти судей, изби-

раемыхъ уѣздными собраніями; 4) ассесорскій высшій апелляціонный судъ, въ Варшавѣ для Короны и въ Вильнѣ для Литвы, образуемый канцлеромъ, какъ предсѣдателемъ, сенаторами (два въ Польшѣ, одинъ въ Литвѣ), восемью ассесорами изъ рыцарскаго сословія и восемью изъ горожанъ,—всѣ избираемые сеймомъ (въ Литвѣ по 4). Гражданскіе обыкновенные вопросы, т. е. касающіеся ничтожныхъ суммъ, идутъ въ судъ войта, который рѣшаетъ ихъ безапелляціонно. Кромѣ того, такого рода вопросы направляются въ городской судъ, который судитъ мелкіе споры также безъ апелляціи, въ болѣе важныхъ случаяхъ допускается апелляція въ уѣздный судъ. Эти суды въ свою очередь рѣшаютъ окончательно менѣе важныя изъ вопросовъ; важнѣйшіе же изъ нихъ могутъ переноситься въ ассесоріи. Сверхъ того, городскіе суды рѣшаютъ въ 1 инстанціи уголовныя дѣла. Апелляція въ такомъ случаѣ не допускается, развѣ если дѣло кончается продолжительнымъ или пожизненнымъ заключеніемъ, тогда ассесорскій судъ долженъ подтвердить приговоръ. Для исполненія приговора была введена новая, до тѣхъ поръ неизвѣстная власть, несвязанная съ судомъ,—лавники, въ числѣ шести, въ большихъ городахъ; по округамъ—въ числѣ четырехъ.

Устройство этихъ городскихъ судовъ, введеніе посреднической инстанціи, уничтоженіе апелляціи въ уголовныхъ дѣлахъ, составляетъ большой прогрессъ. Но и тутъ одержала побѣду принципіальная, всюду примѣняемая, избирательность должностей. Всѣ эти судебныя власти поручаются чиновникамъ на два года.

Войско. Въ теченіе и этого періода существовало по-прежнему всеобщее ополченіе и даже явка была восстановлена. Но уже сознавалось ясно, что вооруженной силой можетъ быть только постоянное войско. Силою этой и является рекрутское войско. Конституціи 1775 г. увеличили число войскъ до 30.000 для Короны и Литвы, опредѣлили довольно подробно обязанности офицеровъ; сформировали точнѣе «вольный барабанъ», т. е. вербовку рекрутъ, постановивъ условіемъ, что брать въ солдаты можно только людей совершенно свободныхъ, не связанныхъ никакими обязанностями, да и то лишь по городамъ и мѣстечкамъ, а не по деревнямъ. Образование военныхъ комиссій, а впоследствии департамента, повліяло, во всякомъ случаѣ, довольно благотворно на развитіе воинскаго строя. Лишь четырехлѣтній сеймъ, желая поднять вооруженную силу страны, стремится къ болѣе быстрымъ реформамъ. Уже въ самомъ началѣ совѣщаній въ 1788 г. сеймъ рѣшаетъ увеличеніе числа войскъ до 100.000 человекъ. На практикѣ цифры этой не достигали; очень подробное расписаніе 1789 г. ограничивается числомъ 65.000 человекъ. Но и это не исполнилось. Въ томъ же 1789 г. сеймъ мѣняетъ способъ вербовки. Сохраняетъ «вольный барабанъ», а кромѣ того вводитъ новую форму—весьма важную, и раньше неупотребляемую—принудительную вербовку. Изъ королевскихъ и духовныхъ помѣстій отъ 50 дымовъ идетъ одинъ рекрутъ, въ частныхъ владѣніяхъ—одинъ отъ ста дымовъ. Въ частныхъ имѣніяхъ дымъ, не высылающіе рекрута,

обязаны внести по 2 злотыхъ съ дыма тому помѣщику, изъ деревни котораго взять рекрутъ, чтобы такимъ образомъ вознаградить ему убытокъ. Служба рекрута длится отъ 6 до 8 лѣтъ, и періодъ этотъ носитъ названіе капитуляціи. Гражданско-военныя комиссіи, образованныя въ томъ же году, должны были прежде всего содѣйствовать вербовкѣ, продовольствованію и другимъ военнымъ дѣйствіямъ. Тогда же былъ основанъ особый военный комиссариатъ, какъ интенданство. Итакъ, въ этой области были сдѣланы большіе успѣхи не только въ постановленіяхъ, но и въ ихъ исполненіи. Не хватило однако времени для проведенія полной реформы.

На реформы всего этого періода сильное **Упадокъ го-** вліяніе оказали теченія, наплывавшія въ **сударства.** Польшу изъ-за границы. Ярче всего они бросаются въ глаза въ реформахъ, проведенныхъ четырехлѣтнимъ сеймомъ. Несмотря на это, вышеупомянутыя реформы, съ конституціей 3-го мая во главѣ, являются плодомъ польскаго духа, какъ естественное развитіе и усовершенствованіе того строя, который выработался историческою жизнью польскаго государства. Огромное достоинство этихъ уставовъ заключается именно въ ихъ способности защищаться отъ слѣпого подражанія, и то, что они, выбирая полезное изъ иностранныхъ воззрѣній, сѣумѣли примирить его съ родными элементами. Реформы не подвигались слишкомъ далеко, не искореняли и не разрушали существующихъ учрежденій, если же создавали

новыя, то всегда суть предписаній основывалась на прежнихъ образцахъ, насколько послѣдніе признавались полезными. И хотя уставы эти недолго пользовались практическимъ значеніемъ, а иногда вовсе не проводились въ жизнь, тѣмъ не менѣе они являются весьма цѣннымъ историческимъ памятникомъ, свидѣтельствуя о томъ, какъ польскія учрежденія могли воскреснуть послѣ столькихъ лѣтъ летаргіи, и какъ государство этимъ путемъ, не посредствомъ абсолютизма непременно, могло достигнуть новой эпохи и современно-монархическаго строя, цѣль котораго не прежніе интересы сословій и ихъ блага, но благо всѣхъ сыновъ отечества.

Реформы падаютъ уже въ 1792 г. Власть переходитъ въ руки Тарговицкой конфедераціи; какъ генеральная, она подчиняетъ себѣ всѣ власти, и король принужденъ присоединиться къ ней. Но конфедерація не признаетъ положенія дѣлъ, водвореннаго конституціей 3-го мая, и восстанавливаетъ тѣ же отношенія, тотъ же строй, который существовалъ до вышеупомянутой конституціи. Кромѣ генеральной конфедераціи возникло по воеводствамъ множество воеводскихъ конфедерацій, появились особые конфедерационные суды. Начинаютъ организоваться новыя власти, какъ, на примѣръ, депутація для иностранныхъ дѣлъ и пр. Но все это было лишь временное правительство. Новый строй государства долженъ былъ составить сеймъ, образовавшійся въ Гроднѣ въ 1793 году. Дѣйствительно, онъ создаетъ для того польскаго государства, которое осталось послѣ второго раздѣла (1793 г.), обширные

законы, обнимающіе весь строй государственной и общественной жизни. Тутъ находятся и основные законы, и права дворянства и городовъ, и организація властей вмѣстѣ съ королемъ, постояннымъ совѣтомъ, великими комиссіями, сеймами, сеймиками, опредѣлены суды, войско, казна. Въ общемъ. это—сведенныя постановленія эпохи, предшествующей четырехлѣтнему сейму, а слѣдовательно въ духѣ сословнаго строя, съ элекціей короля и пр. Однако и въ нихъ отражается хоть отчасти вліяніе реформъ, измѣненныхъ возрѣній, напр. въ уничтоженіи *liberum veto*, или въ проведеніи новой однообразной организаціи городовъ, по уставамъ четырехлѣтняго сейма.

Но только что власти эти начали дѣйствовать, только что хотя отчасти были проведены предписанія гродненскаго сейма, какъ вспыхнуло возстаніе Костюшки (1794 г.). Оно на нѣкоторое время беретъ въ свои руки кормило правленія, создаетъ новыя власти. Во главѣ становится временный совѣтъ, а затѣмъ высшій народный совѣтъ (состоящій изъ 8 совѣтниковъ и 32 замѣстителей), раздѣленный на департаменты: иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, порядка, безопасности, юстиціи, инструкціи, продовольствія и нуждъ арміи; для Литвы образуется особая центральная депутація Великаго Княжества Литовскаго. Войсками командуетъ «начальникъ высшей народной вооруженной силы», съ властью диктатора. Воеводства подчиняются особымъ распорядительнымъ комиссіямъ. Очевидно, въ такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о реформахъ. Лишь относительно крестьянъ пытается

Костюшко провести хотя частныя реформы, отдавая ихъ подъ покровительство закона, обезпечивая имъ свободу передвиженія, ипотечное право на землю и уменьшая барщину—все это посредствомъ двухъ универсаловъ: 2 мая изъ обоза подъ Винярами и 7 мая 1794 года—изъ обоза подъ Поланьцомъ.

Подходитъ третій раздѣлъ Польши. 1795-й годъ завершаетъ исторію польскаго государства.

